МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов
Выпуск 4

Горловка
2017

УДК 009
ББК Ф66/Ш81
Г69

Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 5 от 28.12.2017)

Ответственный редактор: *С. Э. Зябрева* – к. пед. н., доц. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР)

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – д. филол. н., проф. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *И. А. Герасименко* – д. филол. н., проф. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *В. В. Липинский* – д. ист. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР); *И. А. Андреева* – к. психол. н., доц. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *М. Р. Арпентьева* – д. психол. н., ст. науч. сотрудн. Калужского государственного ун-та имени К. Э. Циолковского (РФ); *Н. В. Евсюкова* – к. ист. н., доц. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *Н. А. Егорова* – к. пед. н., доц. Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь); *Р. А. Назмутдинов* – к. психол. н., доц. Костанайского государственного пед. ин-та (Казахстан); *В. В. Патерыкина* – д. филос. н., доц. Алчевского технического ун-та (ЛНР); *Н. В. Фунтикова* – к. пед. н., доц. Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, (ЛНР); *Д. А. Чернышёв* – д. пед. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР)

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 (редакция от 03.10.2016)

Г69 **Гуманитарный вестник** : сб. науч. тр. / ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков». Редкол. : С. Э. Зябрева и др. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – Вып. 4. – 140 с.

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем гуманитарных дисциплин: истории, философии, культурологии, литературы.

Для научных работников, аспирантов, студентов, школьных учителей.

УДК 009
ББК Ф66/Ш81

© Оформление. Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМ СЛАВЯНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ДОНБАССЕ И ДРУГИХ РЕГИОНАХ, УНИКАЛЬНОСТЬ ДУХОВНОГО МИРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЗЕРКАЛЕ РЕАЛИЙ

Артур Гарикович Атамалян
ассистент преподавателя
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 94(477.62)

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА П.А. СТОЛЫПИНА В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ И ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

Аграрная реформа правительства П.А. Столыпина всегда привлекала внимание историков и неизменно являлась предметом научных дискуссий. Степень актуальности данной проблемы с каждым днем только повышается, ведь вопрос частной собственности на землю до сих пор нельзя считать успешно решенным.

На протяжении последней четверти века советская система землепользования была полностью разрушена, однако качественно новый вектор развития сельского хозяйства до сих пор не разработан. Ситуация в отрасли существенно усугубилась в результате блокады, организованной украинским правительством по отношению к народным республикам Донбасса, что привело к нарастанию гуманитарного кризиса в регионе и, как следствие, обострению аграрного вопроса. Сегодня, как и в начале прошлого века, сельское хозяйство нашего региона нуждается в масштабных преобразованиях в целом ряде аспектов.

Исходя из этого, перед правительством стоит ряд задач: оказание юридической и финансовой помощи крестьянам, обеспечение социальных гарантий, разработка системы поощрений и льгот для начинающих фермеров, выкупивших или арендовавших землю на долгий срок, количественное и качественное улучшение сельскохозяйственной техники, увеличение масштабов агрономических мероприятий и многое другое.

В условиях настоящей необходимости реформирования аграрного сектора экономики целесообразно обратиться к опыту столыпинских преобразований как к одному из возможных путей возрождения русской деревни.

На всех этапах отечественной истории крестьянский вопрос был одним из наиболее острых. Но в разных регионах России он

обладал специфическими чертами. Это связано с географическими, климатическими и демографическими особенностями, а также историческими традициями русских провинций.

Екатеринославская и Харьковская губернии в отношении аграрного вопроса исторически являются сравнительно благополучными провинциями Российской империи. В связи с этим следует изучить характерные черты развития сельского хозяйства данного региона и возможность их применения в современных экономических реалиях.

Таким образом, объектом нашего исследования является совокупность структурных и качественных изменений в аграрной сфере Екатеринославской и Харьковской губерний в результате преобразований правительства П.А. Столыпина. Предмет – изменение уровня продуктивности сельского хозяйства в период проведения реформы.

Проект аграрных преобразований кабинета П.А. Столыпина предусматривал упразднение общины и формирование индивидуальных хозяйств. Для изменения структуры крестьянского землевладения правительство осуществляло законодательное и административное обеспечение реформы, инициировало создание и поощряло деятельность Крестьянского Поземельного банка, проводило переселенческую политику.

После революции 1905 года переселение на восток империи было развернуто в широких масштабах. Его целью стало устранение дефицита земельных ресурсов в европейской части государства. 10 марта 1906 года было принято «Положение о применении закона 6 июня 1904 года», которое снимало ограничения в вопросах миграции населения [2, с. 386].

4 марта 1911 года Совет Министров издал Положение, согласно которому «пользование помощью правительства при переселении предоставляется всем желающим без каких-либо ограничений» [2, с. 395]. Однако слабая информированность широких слоев крестьянства относительно программы переселения и недостаток высококвалифицированных чиновников местного уровня в отдельных районах часто служили причиной неконтролируемой миграции населения. Об этом красноречиво говорят сведения таблицы 1, согласно которым, менее половины крестьян переселялись на свободные территории официально, получая, при этом, помощь и поддержку государства. Остальные по разным причинам меняли место постоянного проживания самостоятельно. Основной поток переселенцев направлялся в Сибирь. На протяжении 1910-1914 гг. туда переселилось около 70% мигрантов из Екатеринославской и Харьковской губерний. Остальная часть крестьян осела в Средней Азии и на Кавказе [5, с. 11].

Следовательно, переселенческая политика правительства занимала важное место в разрешении крестьянского вопроса. Однако организация переселения оставляла желать лучшего, что связано с наличием ряда бюрократических проволочек. Тем не менее, утверждения представителей советской исторической школы о принудительном характере переселения и отсутствии всякой поддержки мигрантам со стороны властей следует считать ошибочными. Значительная часть крестьян покинула постоянное место проживания самостоятельно, меньшая часть – переселилась по проходным свидетельствам, выданным государством. Улучшение положение крестьянства посредством переселенческой программы состоялось, пусть и не в полном объеме. Как результат, в Екатеринославской губернии было освобождено 14,4%, а в Харьковской – 12,8% земельных ресурсов, которые вовлекались в операции купли-продажи, что отражалось на социально-экономическом положении русской деревни. Поэтому результативность реформы нельзя рассматривать без учета данного аспекта.

Введение и распространение хуторских и отрубных хозяйств также часто приводило к смене владельцев земли, поскольку выделение индивидуального участка редко можно было осуществить, не затронув интересы соседей. Подобные ситуации встречались повсеместно и сопровождались спорами и судебными тяжбами. При удачном стечении обстоятельств сторонам конфликта удавалось договориться между собой о компенсации в пользу пострадавшей стороны и устранить противоречия. В период с 1907 по 1915 год к новым хозяевам перешло 21,4% земель в Екатеринославской губернии и 19,7% – в Харьковской [1, с. 64].

Таблица 1 [4, с. 44; 5, с. 45; 8, с. 25-27]

Удельный вес переселенцев по проходным свидетельствам относительно общего числа крестьян, мигрировавших из Екатеринославской и Харьковской губерний в 1906-1914 гг.

Год	Число переселенцев	Из них по проходным свидетельствам	
		Количество	%
1906	20772	5775	27,8
1907	26116	8148	31,2
1908	32535	14511	44,6
1909	32979	16061	48,7
1910	28133	11788	41,9
1911	26052	10499	40,3
1912	22449	8194	36,5
1913	20902	7148	34,2
1914	19128	5700	29,8

Значительная роль в изменении структуры крестьянского землевладения принадлежала Крестьянскому Поземельному банку, деятельность которого, прежде всего, состояла в скупке помещичьих земель и дальнейшей ее перепродаже крестьянам. Дворяне, не сумевшие приспособиться к новым капиталистическим реалиям, постепенно разорялись и были вынуждены распродавать свои владения. Следствием этого стало сокращение помещичьего землевладения с 1906 по 1916 год на 25,8%– в Екатеринославской и на 26,6% –в Харьковской губернии. За тот же период времени площадь крестьянских хозяйств возросла на 18,3% и 19,5% соответственно. Таким образом, достижения Крестьянского Поземельного банка следует считать весомыми [9, с. 11-12, 14].

Специфической чертой аграрной сферы изучаемого нами региона исторически является отсутствие проблемы малоземелья. Однако даже в условиях сравнительно высокого уровня обеспеченности землей в Екатеринославской и Харьковской губерниях, показатели 1906 и 1916 года существенно отличаются. За время проведения реформы на 3,7% возросло число крестьян, имевших в своем распоряжении участки площадью в 7-10 десятин. На 4,4% увеличилось количество домовладельцев, наделы которых превышали 10 десятин. Число малоземельных крестьян с участками размером не более 3 десятин сократилось почти вдвое. Также постепенно редели ряды крестьян, у которых площадь наделов колебалась в пределах 3-7 десятин. Таким образом, прослойка состоятельных домовладельцев значительно увеличилась, а проблема малоземелья становилась все более ничтожной. Отдельно стоит отметить тотальный прорыв в преодолении чересполосицы. Если в 1906 году классических индивидуальных хозяйств в регионе почти не было, то спустя 10 лет чересполосица была практически ликвидирована. Данное обстоятельство позволяет считать мероприятия правительства по оптимизации аграрной сферы вполне обоснованными и эффективными.

Сформированная в ходе преобразований организация территории в виде индивидуальных участков создавала условия для свободного ведения хозяйства, необремененного общими правилами и коллективной ответственностью. Концентрация земельной площади, направленная на преодоление чересполосицы и дальноземелья, привела к рационализации использования земельных и человеческих ресурсов, а также сокращению транспортных расходов. Такие меры существенно повышали продуктивность труда, создавая предпосылки для интенсивного развития хозяйства и расширения производства [6, с. 33].

Таблица 2 [7, с.516-547]

Крестьянские хозяйства Екатеринославской и Харьковской губерний
по величине надела в 1906-1916 гг.

1906 год								1916 год							
До 3 десятин, %		3-7 десятин, %		7-10 десятин, %		свыше 10 десятин, %		До 3 десятин, %		3-7 десятин, %		7-10 десятин, %		свыше 10 десятин, %	
9,7		26,4		30,7		33,2		5,5		22,5		34,4		37,6	
из них		из них		из них		из них		из них		из них		из них		из них	
участковы хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %	участковых хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %	участковых хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %	участковых хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %	участковых хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %	участковых хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %	участковых хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %	участковых хоз-в, %	чересполосных хоз-в, %
-	100	0,3	99,7	0,7	99,3	1,4	98,6	4,8	95,2	31,4	68,6	69,7	30,3	88,5	11,5

Таким образом, в изучаемый период структура крестьянского землевладения в Екатеринославской и Харьковской губерниях была качественно обновлена, что становится очевидным при сравнении целого ряда показателей 1906 и 1916 года. Несмотря на наличие трудностей при реализации реформы, а именно – смерть П.А. Столыпина, начало Первой мировой войны, деструктивную деятельность революционеров, а также бюрократические задержки и нехватку квалифицированных чиновников в провинциях, правительству удалось повысить качество права собственности крестьян на землю, в значительной степени искоренить устаревшие гражданско-правовые ограничения и усовершенствовать условия землепользования.

Однако наиболее значимым и красноречивым индикатором результативности преобразований в аграрной сфере следует считать показатели продуктивности отрасли, а именно – изменение уровня урожайности и, соответственно, сбора зерновых культур в регионе. Таким образом, главным критерием успешности реформирования любой отрасли экономики является ее количественный и качественный рост, повышение прибыльности и материально-технических возможностей.

Следует отметить, что свыше 87% сельскохозяйственного производства региона составляли озимые и яровые хлеба [9, с. 7]. Данные сведения позволяют считать целесообразным исследование урожайности именно этих культур в контексте определения уровня продуктивности отрасли. Тем более, что избыток хлеба традиционно считается главным показателем рентабельности сельского хозяйства. Как видно из таблицы 3, общие объемы сбора зерна в регионе на протяжении 1908-1915 гг. постоянно увеличивались. В Екатеринославской губернии урожайность озимых культур выросла в 7 раз, тогда как показатели яровых культур незначительно уменьшились. В Харьковской губернии к 1915 году озимая пшеница приносила на 200% больше урожая, чем на начальном этапе реформирования, а яровые культуры также продемонстрировали рост – на 15% [3, с. 365-371].

Успехи преобразований были наглядно продемонстрированы в количественном и качественном росте сельского хозяйства изучаемых провинций. Однако, Первая мировая война негативно отразилась на стремительно развивавшемся аграрном секторе. И если урожай озимых спасти удалось, то сбор яровых культур был существенно подорван. Но, даже в условиях войны, которая поглощала человеческие и материальные ресурсы, в 1915 году аграрные показатели вновь были увеличены. В исследуемом регионе уровень урожайности более чем на четверть превысил прошлогодний результат. Сельское хозяйство всей империи, также

демонстрировавшее поступательный рост на протяжении всего периода реализации реформы, в 1915 году произвело на 8% хлеба больше, чем в 1914 [3, с. 365-371; 9, с. 2-9].

Еще одним важным индикатором результативности аграрной реформы правительства П.А. Столыпина в Екатеринославской и Харьковской губерниях следует считать развитие животноводства. Сведения об изменении количества крупного и мелкого рогатого скота за период 1906-1916 гг. позволяют определить степень и характер влияния преобразований на отрасль.

В течение рассматриваемого десятилетия из всех направлений животноводства наиболее продуктивно развивалось свиноводство, прирост которого составил 23,1% – в Екатеринославской губернии и 49% – в Харьковской. Показатели крупного рогатого скота были увеличены незначительно, а разведение мелкого рогатого скота и вовсе с каждым годом становилось все менее перспективным. Вероятно, такое положение вещей стало следствием того, что правительство акцентировало свое внимание, прежде всего, на земледелии, не уделяя развитию скотоводства достаточного внимания [3, с. 417; 8, с. 33-39]. Кроме того, увеличение объемов разведения свиней и параллельное уменьшение численности мелкого рогатого скота можно рассматривать как проявление хозяйственной инициативы крестьян, которые, получив землю в личную собственность, обрели возможность самостоятельно оценивать ситуацию на рынке и выбирать для собственного занятия наиболее перспективные отрасли.

Таблица 3 [3, с. 365-371; 9, с. 2-9]

Сбор продовольственных хлебов в Екатеринославской и Харьковской губерниях в 1908-1915 гг.

Губерния	Посевная площадь в 1915 г., в дес.	% от посевной площади 1908 г.	Средний сбор в 1910-1914 гг., в тыс. пудов	% от сбора 1908 г.	Сбор 1914 г., в тыс. пудов	% от сбора 1908 г.	% от среднего сбора в 1910-1914 гг.	Сбор 1915 г., в тыс. пудов	% от сбора 1908 г.	% от среднего сбора в 1910-1914 гг.	% от сбора 1914 г.
Озимые хлеба											
Екатериносл.	449043	218,4	15812	357,6	19995	452,2	126,5	31908	721,6	201,8	159,6

Харьковская	575553	130	35760	227,2	40876	259,7	114,3	46561	295,8	108,6	122,2
Яровые хлеба											
Екатериносл.	2666063	104,3	144920	103,6	97310	69,6	67,1	123089	88	84,9	126,5
Харьковская	1349951	83,6	69493	118,8	52630	90	75,7	67706	115,8	97,4	128,6

Таким образом, аграрная реформа, осуществляемая правительством П.А. Столыпина в период с 1906 по 1916 год, позволила вывести сельское хозяйство изучаемого региона на качественно новый уровень. Законодательные меры властей, в том числе и осуществление переселенческой политики, а также деятельность Крестьянского Поземельного банка, хотя и имели недостатки, но привели к значительным изменениям в структуре крестьянского землепользования. Практически полностью была снята с повестки дня проблема малоземелья, устранены такие деструктивные явления как чересполосица и дальноземелье, осуществлен передел земли крестьян, мигрировавших на восток.

Система мер по устранению кризисных явлений в русской деревне, несмотря на ряд обстоятельств, существенно осложняющих её реализацию, привела к расширению посевных площадей, развитию сельскохозяйственного производства: увеличению объемов сбора хлебов, урожайности зерновых культур и росту продуктивности животноводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров В.В. Хозяйственные итоги столыпинской аграрной реформы в Екатеринославской губернии // Новые страницы в истории Донбасса: Ст. Кн. 5 / Гл. ред. З.Г. Лихолобова. – Донецк, 1997. – С. 60-68.
2. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 599 с.

3. Ежегодник России. 1908 год. – СПб: Изд-во Центрального Статистического Комитета МВД, 1909. – 463 с.
4. История Украинской ССР : В 10 т. – К.: Наукова думка, 1983. – Т. 5: Украина в период империализма (начало XX в.). – 558 с.
5. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год включительно / сост. Н. Турчанинов. – СПб.: Изд-во Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1910. – 418 с.
6. Отчёт Мариупольской уездной земской управы за 1910 год. – Мариуполь: Типогр. Бр. Э. и А. Гольдрин, 1911. – 268 с.
7. Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. – М.: Изд-во В. Н. Корфа, 1912. – 337 с.
8. Статистика землевладения. 1905 год. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб: Изд-во Центрального Статистического Комитета МВД, 1907. – 229 с.
9. Статистический ежегодник России 1915 год. – Пг.: Изд-во Центрального Статистического Комитета МВД, 1916. – 302 с.

АННОТАЦИЯ

Атамалян А.Г. К вопросу о результативности аграрной реформы правительства П.А. Столыпина в Екатеринославской и Харьковской губерниях.

Статья посвящена исследованию степени успешности реализации столыпинской аграрной реформы в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Особое внимание уделено хозяйственным результатам преобразований, а именно динамике урожайности основных зерновых культур в течение 1906-1916 гг.

В работе сделан вывод о высокой результативности аграрных преобразований правительства П.А. Столыпина для изучаемых провинций. Несмотря на незавершенность реформы по ряду объективных причин, отмечено её колоссальное влияние на качественный рост сельского хозяйства региона.

Ключевые слова: крестьяне, сельское хозяйство, аграрная реформа.

SUMMARY

Atamalyan A. Economic results of agricultural reform of government of P.A. Stolypin in Ekaterinoslav and Kharkov provinces.

The article is dedicated to the investigation of the degree of success of implementation of agricultural reform of Stolypin in Ekaterinoslav and Kharkov provinces. A special attention is paid to the economic results of modifications, in particular to the dynamics of yield of crops during 1906-1916 years.

Thesis comprises a conclusion about high productivity of agricultural modifications of the government of P.A. Stolypin for the studied provinces. Despite the incompleteness of reform because of a number of reasons its great impact on a qualitative rise of agriculture of the region is admitted.

Key words: peasants, agriculture, agricultural reform.

Андрей Валерьевич Вербовский
старший научный сотрудник
ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей»
г. Донецк, ДНР

УДК 94(44).027

МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ МОНАРШЬЕГО ДВОРА ПРИ ЛЮДОВИКЕ XI – ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АНАЛИЗА ПО КОРОЛЕВСКИМ ОРДОНАНСАМ

Людовик XI никогда не был обделён вниманием исследователей. Анализу жизни и деятельности короля-реформатора посвящены работы Ж. Мишле, Ш. Самарана, Б. Мандро, Ш. Пти-Дютайи, Ж. Кальмета, А. Ковиля, П.М. Кендаля, Ж. Бордонова, П.- Р. Госсена, Ж. Кринена, В. Паравичини, Б. Шнерба, Ж. Бланшара, Ф. Контамина, Ж. Фавье. В отечественной историографии различные аспекты политической и институциональной истории Франции периода правления Людовика XI рассматривались в исследованиях Н. А. Хачатурян, Ю. П. Малинина, С. Л. Плешковой, Р. А. Маслова, Н. И. Басовской, С. К. Цатуровой, В. А. Санжарова, Н. А. Бессилина, Т. Ю. Стукаловой, Р. М. Асейнова, Л. Л. Дорониной и других.

В данной работе предпринята попытка проследить политическую деятельность короля Франции Людовика XI на основе данных о посещении им городов, монастырей, аббатств и т.д. на протяжении всего срока его правления с 1461 по 1483 годы. Информация взята из королевских ордонансов [1; 2; 3; 4; 5] она позволяет существенно расширить королевский итинерарий составленный Б. Мандро на основании многотомного издания писем Людовика XI [6, с. 3-236].

Хроники и мемуары о правлении Людовика XI дают важный материал о тех или иных событиях его правления. Так, например, «Мемуары» Филиппа де Коммина, свидетельствуют, что в один из решающих моментов противоборства с Карлом Смелым, когда герцог потерпел первое поражение от короля под Грансоном, ЛюдовикXI, строя интриги, провел шесть месяцев в Лионе [7, с. 172-173]. По мнению Коммина, ни в одном из других городов королевства Людовик XI не задерживался столь долго. Некоторые исследователи на этом основании поспешили сделать вывод о том,

что к концу XV в. «французская экономическая ось» сместилась из Руана и Парижа в сторону Лиона и юга. Но хронологические привязки самого Коммина, писавшего уже после смерти своего покровителя и благодетеля и по памяти далеко не всегда точны. Равно как и других современных ему хронистов и мемуаристов. Анализ королевского законодательства позволяет четко и однозначно установить места пребывания короля, что будет способствовать более обоснованным и взвешенным выводам.

Табл. 1. Количество мест (городов, замков, аббатств), посещенных Людовиком XI за время его правления с 22.07.1461 по 30.08.1483 гг. согласно королевским ордонансам.

Год правления	количество дней содержащих данные	количество
1461	93	27
1462	132	48
1463	159	59
1464	144	44
1465	156	54
1466	157	21
1467	153	29
1468	177	36
1469	219	42
1470	198	27
1471	186	24
1472	135	38
1473	174	39
1474	141	40
1475	171	35
1476	177	22
1477	143	28
1478	219	29
1479	201	37
1480	264	34
1481	205	31
1482	245	32
1483	215	4

Объем рассмотренного материала содержит информацию по пяти тысячам дней этого периода (это составляет более шестидесяти процентов всего срока правления Людовика XI), что представляется

достаточно информативным для выявления каких-либо тенденций и получения определенных выводов.

Следует уточнить: в данной подборке учитывались исключительно дни пребывания в каком-либо городе или аббатстве, отмеченные в источниках, тогда как во многих случаях местонахождение королевского двора вполне очевидно (например, 1-7 августа; 9-12 августа – Париж, таким образом, 8го августа король, безусловно, был в Париже, но мы в данном случае не принимаем этого во внимание).

Табл. 2. Распределение городов, замков и аббатств королевства по частоте пребывания в них монаршего двора при Людовике XI (согласно королевским ордонансам).

	1461	1462	1463	1464	1465	1466	1467	1468	1469	1470	1471	1472
Плесси дю Парк ле Тур												29
Амбуаз	21	18	12	5	3		1	33	84	148	23	22
Париж	25		6	10	86		36	1			10	
Тур	40	26	1	5	8		3	16	39	24	26	21
Монтиль ле Тур	5						18	34	50	41	36	18
Орлеан	2				15	84	1	4	2	4	13	
Аррас				3								
Туар					8					2		
Нотр-Дам де Клери					2				2	2	3	1
Компьень				1				34			21	
Лион												
Ле Мот Д'Эгри						10	6					
Селом												
Руан		10		18	6	8	13					
Шартр		2	4	8	3	1	16				2	
Форж Шинон												
Санлис				1				9			1	
Мен-сюр-Луар	1					30		1	1		2	
Монтаржи						50						
Бордо		37	10									
Ам								1		40		
ЛеМан							21	16		4		1
Эден			3	12								

Нуайон								15			6	
Амьен				2							5	
Понт де Се	1	1							1	18		8
Бонавантюр												
Мо	4							17				
Сомюр					19				3	1	1	
НожанлеРуа				25								
Анжер										11	3	5
Бурж						3	15					
Сен Мартен де Канд										3	2	
Блуа				1			2	1	2		4	
Пуизо												
Божанси	1			3	1				1		1	

	1473	1474	1475	1476	1477	1478	1479	1480	1481	1482	1483	всего
Плесси дю Парк ле Тур	32	6	22	85	57	78	65	112	98	67	210	861
Амбуаз	34	1					1	1		4	1	412
Париж		18	106		1	1		2				302
Тур	20		1	8	6	3	11	16	13	5	4	296
Монтиль ле Тур												202
Орлеан	3		1	4			3					136
Аррас					41	71						115
Туар						8	2		18	56		94
Нотр-Дам де Клери	11		1	2		1	2	1	6	54	2	90
Компьень		4	11		1							72
Лион				67						2		69
Ле Мот Д'Эгри							5	43				64
Селом	5			6	1	33	14	4				63
Руан			8									63
Шартр	5	13			1	2		1	3			61
Форж Шинон				1	2	4	34	7	12			60
Санлис		42	4		1							58
Мен-сюр-Луар	1			1						20		57
Монтаржи							1					51

Бордо	1											48
Ам					2							43
ЛеМан												42
Эден					17	3						35
Нуайон		3	5		2							31
Амьен		1	13		1	8						30
Понт де Се									1			30
Бонавантюр								3	20	3	3	29
Мо		4										25
Сомюр	1											25
НожанлеРуа												25
Анжер		1				1			1			22
Бурж				2						1		21
Сен Мартен де Канд	3			4	1	1	2	1	3	1		21
Блуа	1											11
Пуизо		4					5	2				11
Божанси										1		8

Приведенная статистика явственно показывает номинальность Парижа как столицы в пятнадцатом веке. Анализ показал, что из более чем семи с половиной тысяч дней правления Людовика XI на пребывание короля в Париже приходится 302 дня, что составляет менее пяти процентов от общего количества. При этом только в 1475 году Людовик XI пробыл в Париже достаточно продолжительное время (96 дней). Более того, для 12-ти лет из 23-х, в течение которых Людовик XIбыл королем Франции, нет вообще никаких упоминаний о том, что он находился в «столице» или хотя бы посещал Париж. Разумеется, не обладая стопроцентной информацией, нельзя утверждать, что эти три сотни дней исчерпывают его пребывание в Париже. Вероятнее всего (с учетом количества обработанного материала), эта цифра может увеличиться вдвое, но в процентном соотношении вряд ли что-то существенно изменится.

Чаще, чем в Париже король бывал в Амбуазе (412 дней), практически столько же – в Туре (296 дней). В своей главной резиденции – Плесси-дю-Парк – он провёл не менее 860 дней.

Проведенный анализ свидетельствует, что на протяжении всего своего правления Людовик XI активно передвигается по стране, посещая от двух до шести десятков городов в год. Исключение составляет последний год – год его смерти, когда он практически не покидал свою резиденцию в Плесси-дю-Парк-ле-Тур.

Основным регионом его местопребывания является течение Луары от Орлеана до Тура. Здесь располагается большое количество городов и замков, которые он посещал; на эту же территорию приходится наибольшее количество дней пребывания.

Если рассматривать более протяженный участок течения Луары – от Невера до Анже – плотность посещённых населенных пунктов почти не изменится, но количество дней, на них приходящихся будет меньшим.

Вторым по частоте посещений регионом является территория от Арраса до Компьеня (севернее Парижа), что связано, в основном, с военными кампаниями против своего основного противника внутри королевства – герцога Бургундии Карла Смелого.

Проведённый анализ обнаружил необходимость дальнейшего углубленного анализа как основных королевских резиденций и значения ближайшего окружения короля, основных дворцовых служб, королевского совета, так и организации связи «кочевого» монарха с такими институтами королевской власти, как Парижский, Тулузский и Бордосский парламенты, Палата Счетов. Требует детального рассмотрения вопрос о столице королевства. Наконец, детальной разработки требует вопрос о перемещениях короля: насколько на них влияют перипетии гражданской войны в стране, какова реакция короля на вызовы времени и его противников. Для этого необходим дальнейший анализ направлений перемещений королевского двора (менее часто упоминающиеся пункты) в связи с конкретной политической ситуацией в королевстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ordonnances des rois de France de la troisième race (rendues depuis le commencement du règne de Louix XI, jusqu'au mois de juin 1463) / Marquis Amèdèe de Pastoret. – Paris: Impr. imperiale, 1811. – Vol.15. [электронный ресурс] https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Pastoret_-_Ordonnances_des_rois_de_France_de_la_troisiиme_race,_tome_15.djvu (дата обращения 23.03. 2017). Далее Ordonnances…
2. Ordonnances…Vol.16. [электронный ресурс] https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Pastoret_-_Ordonnances_des_rois_de_France_de_la_troisiиme_race,_tome_16.djvu (дата обращения 23.03. 2017)
3. Ordonnances…Vol.17. [электронный ресурс] https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Pastoret_-_Ordonnances_des_rois_de_France_de_la_troisiиme_race,_tome_17.djvu (дата обращения 23.03. 2017)
4. Ordonnances…Vol.18. [электронный ресурс] https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Pastoret_-_Ordonnances_des_rois_de_France_de_la_troisiиme_race,_tome_18.djvu (дата обращения 23.03. 2017)

5. Ordonnances…Vol.19. [электронный ресурс]. – Режим доступа : https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Pastoret_-_Ordonnances_des_rois_de_France_de_la_troisième_race,_tome_19.djvu (дата обращения 23.03. 2017)
6. Louis XI Lettres de Louis XI / èd. Joseph Vaesen et d'ètienne Charavay. – Paris: Librairie Renouard, 1909. – Vol.11. – 333 p.
7. Коммин Ф. де. Мемуары / Филипп де Коммин / пер. Ю.П. Малинина. – М.: Наука, 1986. – 496 с.

АННОТАЦИЯ

Вербовский А.В. Места пребывания монаршего двора при Людовике XI – предварительные итоги анализа по королевским ордонансам.

В статье на массовом материале королевских ордонансов, указов, распоряжений, грамот королевской охраны, подтверждения привилегий, амортизации, налоговых льгот и освобождений, разного рода регламентов и прочих документов королевской канцелярии анализируются перемещения монарха и королевского двора во время правления Людовика XI (1461-1483). Анализ документов королевского двора показал, что ***для*** более чем пятидесяти процентов всего срока его правления местопребывание Людовика XI четко зафиксировано. Выделены 36 наиболее часто посещаемых королевским двором мест. Установлено, что в Плесси-дю-Парк-ле-Тур, Амбуазе и Туре Людовик XI проводит несравненно больше времени, чем в Париже.

Ключевые слова: Людовик XI, ордонансы, итинерарий, Плесси-дю-Парк-ле-Тур.

SUMMARY

Verbovsky A.V. Places of stay of the royal courtat Louis XI – preliminary results of the analysis by royal ordinances.

This article bases on material of royal ordinances, decrees, bylaws, charters of royal guard, privilege confirmations, charge-offs, tax credits and exemptions, different regulations and other documents of the royal chancery, and analyses the movement of the monarch and his court in the times of Louis XI (1461-1483). The royal court documents analysis has demonstrated that the whereabouts of Louis XI isdefinitely fixed for more than fifty present of his reign time. Thirty-six most often visited by the royal court places were found out. It is determined that in Paris Louis XI had spent incomparably less time than in Plessis-du-Park-lez-Tours, Amboise and Tour.

Key words: Louis XI, ordinances, itinerarium, Plessis-du-Park-lez-Tours.

Валерия Сергеевна Волкодавова
студентка 5 курса, специальность «История»
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
г. Донецк, ДНР

УДК 94 (4) “1118/1314”

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

Орден Тамплиеров, также известный под официальными названиями Орден бедных рыцарей Христа, Орден бедных рыцарей Иерусалимского храма, Бедные воины Христа и Храма Соломона – всемирная религиозно-военная организация, сформированная в 1118 году. Орден был необходим, чтобы поддержать новое Иерусалимское королевство в окружении побежденных мусульманских соседей, а также обеспечить охрану европейских пилигримов-паломников, направившихся в Иерусалим после его завоевания. В XII–XIII вв. Орден тамплиеров играл весьма заметную роль в политической жизни, вмешиваясь во внутренние дела западноевропейских государств и крестоносных государств на Востоке. Папство, стремясь сделать Орден зависимым только от Рима и превратить его в послушное орудие для распространения своего влияния, предоставило Ордену ряд привилегий. Орден был подсуден только папе, его члены пользовались правом личной неприкосновенности. Церкви и дома Ордена имели право церковного убежища. Орден был свободен от феодальных присяг, налогов и контрибуций; он мог не подчиняться решениям королевской власти, на собственный страх и риск вести войны. Усилившийся Орден тамплиеров стал стремиться к самостоятельной политике не только по отношению к светским государям и местным церквам, но и по отношению к папскому престолу: он, по существу, не давал папе вмешиваться в свои внутренние дела. Даже выборы магистра проходили без согласия папы, хотя тот формально продолжал считаться верховным главой Ордена [2; 9; 10]. Орден занимался финансовой и ростовщической деятельностью, являясь одним из крупнейших банкиров и ростовщиков на Западе в средние века [13, с. 1-94].

Храмовники воплотили облик монаха-рыцаря; они создали стиль жизни, фундаментальное качество которого обнаруживается и сегодня в уцелевшем наследии ордена, в его истории, в манускриптах тамплиеров, письменных свидетельствах собственного образа мыслей и действий. Рыцари не всегда придерживались наставлений своего устава, и это было одной из причин их гибели; но существовала истинная гармония между их целями и духом эпохи.

Тридцать лет спустя после падения тамплиеров их полностью забыли, за исключением народных легенд, которые представляли их

командорства. Много позднее первые романтики заинтересовались орденом, но только для того, чтобы мистифицировать и извратить его историю.

Тамплиеры – излюбленный сюжет художественной литературы. Храмовников можно встретить как в романах, так и в эпических произведениях Средневековья.

Самое раннее упоминание о храмовниках в светской литературе встречается в поэме «Рауль де Камбре». Действие поэмы, написанной в 70-е годы двенадцатого века, разворачивается на территории современной Северной Франции, предположительно в десятом веке. Это повесть о предательстве, чести, убийстве и искуплении. Тамплиеры появляются лишь в связи с последней темой. В самом конце повествования антигерой Бернье, дабы избегнуть казни за убийство убийцы своей матери, в качестве наказания отправляется в Акру, чтобы стать храмовником.

В наши дни в художественной литературе тамплиеры ассоциируются с королем Артуром и рыцарями Круглого стола, но в средневековой традиции с артуровским циклом они связаны лишь в эпическом романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль», где выступают в качестве хранителей Святого Грааля. Храмовники у Эшенбаха – это рыцари, обитающие в замке Мунсальвеш, где находится Грааль. Всякий раз, выезжая из замка, они ищут приключений. Этим тамплиеры стремятся искупить свои грехи, и награда не зависит от того, побеждают они в поединках или терпят поражение. Тема храмовников в «Парсифале» составляет только малую часть повествования, они проходят лишь фоном романа, и к тому же некоторые черты этих персонажей отличают их от реальных тамплиеров.

Более шестисот лет авторы популярных романов не считали, что тамплиеры стоят того, чтобы включать их в свои произведения. Перемены начались в первой половине девятнадцатого века с двух романов сэра Вальтера Скотта – «Талисман» и «Айвенго», действие которых происходит в эпоху крестовых походов. В этих произведениях, представляющих собой смесь истории, легенд и авторского вымысла, Скотт возвращает храмовников в мир.

Отрицательный персонаж Вальтера Скотта тамплиер Бриан де Буагильбер воплощает в себе средневековые представления о гордыне и скаредности. К тому же Буагильбер замышляет заговор против законного короля и питает низменную страсть к еврейке Ревекке. Он, по сути, служит собирательным образом носителя зла, явленного в неосредневековой традиции, интерес к которой пробудился в Англии начала девятнадцатого века.

«Айвенго» был впервые опубликован в 1820 году. По роману снято множество фильмов, и книга до сих пор переиздается. Много

поколений получили первое впечатление о тамплиерах из этого увлекательного сочинения Вальтера Скотта.

Недавно появились по меньшей мере три романа о храмовниках. Действие двух – «Последнего тамплиера» Реймонда Хаури и «Наследства тамплиеров» Стива Берри – происходит в наши дни. Оба произведения демонстрируют, как легенда о храмовниках может оказаться созвучной нашим заботам и помыслам. Третий – «Рыцари черного и белого» Джека Уайта – это исторический роман, использующий недавно возникшие легенды, которые автор опрокидывает во времена реальных тамплиеров.

Научная традиция изучения ордена тамплиеров также имеет давние традиции.

Первый точный отчёт об ордене Храма дает летописное произведение французского историка Гийома Тирского (ок. 1130, Иерусалим – 29 сентября 1186, Тир) «История деяний в заморских землях». Дата написания документа: между 1170–1184 гг. VII глава XII книги посвящена учреждению ордена тамплиеров [7, с. 246].

Следующим по важности источником является трактат Бернара Клервоского «О похвале новому воинству, к воинам Храма» («De laude novae militiae ad milites Templi»; 1132 года), адресованный Гуго де Пайэну, основателю и первому магистру ордена тамплиеров (ок. 1119–1136). В нем рассказывается об отличии «старого», светского, рыцарства от «нового», христианского. Больше всего автор превозносил сплоченность и дисциплинированность нового воинства, в котором «каждый совершенно не следует собственной воле, но более заботится о том, чтобы повиноваться приказывающему». Бернар Клервоский прославлял в нем тамплиеров как новый вид воинства, каждый член которого сочетал в себе, по его словам, монаха и воина: «Неустрашимым и надежным во всех отношениях воином является тот, кто облекает тело железной бронею, а душу бронею веры. Бесспорно, воин, защищенный тем и другим оружием, не боится ни дьявола, ни человека». Тамплиеры, по мысли автора, должны были быть авангардной силой крестовых походов. По его мнению, они отличались от светских рыцарей своим бесстрашием, дисциплинированностью и выносливостью. Бернар Клервоский утверждал, что они вели войны во имя Христа, а не из желания славы и страсти к богатству [14].

Булла папы Иннокентия II от 29 марта 1139 г. Omne Datum Optimum (лат. «всякий дар совершенный» – в названии цитата из Библии, Послание Иакова, 1:17). Грамота утверждала и выводила рыцарский орден из юрисдикции епископов и ставила его в непосредственную зависимость только от папы. Булла была принята лишь после того, как были утверждены условия по вступлению в орден для подтверждения осознанности выбора кандидата. Помимо

того, что кандидаты отказывались от имущества, обрекая себя на монашескую жизнь, эти условия включали также евангельские советы, обеты целомудрия и послушания. Дата принятия буллы считается исторической, поскольку она являлась официальным подтверждением независимости Ордена Храма от католической Церкви [14].

За буллой «Omne Datum Optimum» в 1145 г. последовала другая – «Militia Dei» (с лат. – «воинство Божие; Божья армия») – булла римского папы Евгения III, оповещавшая епископов о том, что тамплиеры освобождаются от уплаты десятины и разрешившая Ордену строить собственные орденские часовни и церкви, а также хоронить умерших членов ордена в освящённой земле, то есть на кладбище внутри ограды их церквей [10, с. 151].

Стоит ознакомиться с Уставом Ордена Рыцарей Тамплиеров. Строгую дату составления всего Устава ордена Храма определить невозможно, точно можно заверить то, что первые статьи его были составлены после 1139 г., когда тамплиерам даровалось разрешение иметь собственных братьев капелланов. Устав включает в себя семь основных разделов, некоторые повторяют статьи предыдущего: Основной Устав, Статуты и установления дома Храма, наказания, повседневная жизнь, проведение обычных капитулов [10, с. 342].

Значимым для ознакомления считается Свод ордена тамплиеров. Свод, или иерархически выстроенные статуты, восходит к магистерству Бертрана де Бланфора (1156–1159). Свод написан по-французски и заслуживает внимания из-за содержащихся в нем подробностей нравов и военных обычаев тех времен, равно как и обычаев ордена Храма [7]. Русский перевод Свода в книге Марион Мелвиль «История ордена Тамплиеров» посвященной истории ордена с момента его возникновения как братства Бедных рыцарей, до превращения во влиятельную организацию к концу XIII века [10]. Марион Мельвиль использовала в своем исследовании подлинные документы того времени. Книга отличается глубиной исторических экскурсов, знанием политической ситуации, событий, условий жизни и обычаев эпохи.

Орден, который вначале насчитывал только девять человек, стал почитаемым на западе. При каждом королевском дворе был свой представитель братьев, они обладали землями, замками и были успешными в финансовых операциях. Могущество рыцарей росло вместе с доходами. Путешествовавший по Иерусалимскому королевству церковный деятель Теодерик в «Книге о святых местах» (1172 г.) писал о богатствах ордена. При изучении этого произведения, можно узнать о принадлежащих тамплиерам жилых и хозяйственных постройках, о церквах в Иерусалиме, об крепостях и замках: «Сколько богатств у тамплиеров – никому не дано знать».

Храмовники подчинили себе, считает Теодерик, почти все города и поселения, которыми некогда владела Иудея и которые были разрушены римлянами, не говоря о множестве владений в других странах [6, с. 5, 11].

Храмовники в сравнительно короткое время приобрели статус крупнейших финансистов Европы и Стран Востока. В числе их должников ходили абсолютно все слои населения – от простых горожан до августейших особ и отцов Церкви. В течение 25 лет королевская казна управлялась казначеем Ордена Гаймаром, потом Жаном де Милли. При Людовике IX Святом королевская казна находилась в Тампле. При преемнике Людовика она продолжала там оставаться и почти слилась с кассой Ордена. Главный казначей Ордена стал главным казначеем Франции и сосредоточил финансовое управление страной. Однако со временем их богатство и влияние стали вызывать негодование европейских монархов и папского престола. Судебный процесс 1307–1314 гг. над духовно-рыцарским орденом Иерусалимского храма, верховным покровителем которого являлся папа римский, нашел отражение не только в протоколах инквизиционного трибунала, решениях Вьеннского вселенского собора, но и в многочисленных историях, трактатах и памфлетах. В историографии четко прослеживается эволюция от представлений об Ордене как силе препятствующей созданию единого национального французского государства к пониманию процесса как ужасной трагедии, а тамплиеров – как заложников религиозной и финансовой политики французской монархии. За более чем трехсотлетнюю историю изучения дело тамплиеров обросло различными историческими легендами и даже откровенными фальсификациями.

Традиционные для освещения этого сюжета источники – документы судебного разбирательства. В середине XIX в. известным французским историком Жюлем Мишле были изданы два тома протоколов процесса над тамплиерами Парижа [15]. Крупный французский историк и издатель документов по истории средневековых политических учреждений Франции Эдгар Бутарик в 70-х годах XIX в. опубликовал документы, содержащие сведения об арестах тамплиеров в 1307 г., тексты переговоров в Пуатье в 1308 г., отчеты французских послов в Авиньоне и многие другие [12]. Двухтомный сборник «Папство и процесс тамплиеров» издал немецкий историк Г. Финке. Подборка материалов представлена Ж. Лизераном «Досье процесса тамплиеров» [14]. В третьем томе сборника Э. Балюза «Жизнь пап в Авиньоне» содержатся буллы и письма Климента V, посвященные процессу тамплиеров. Среди документов, освещающих с самых различных сторон борьбу королевской власти Франции с папством в начале XIV в., немаловажное значение имеют трактаты легиста Пьера Дюбуа,

написанные им по поводу процесса против Ордена тамплиеров [5]. Трактат под названием «De facto templariorum» имеет форму письма народа Франции к королю с просьбой немедленно уничтожить Орден тамплиеров властью главы государства. Более узким исследованием ордена является монография кембриджского профессора М. Барбера «Процесс тамплиеров» [1]. Опираясь на документальный и научный материал, автор раскрывает подоплеку и истинные причины уничтожения ордена. Впервые в отечественной историографии работа, посвященная изучению поздней истории Ордена Храма, пренадлежит ведущему специалисту по истории Средневековой Франции Н.А. Хачатурян (Денисовой). Рассматривая орден тамплиеров в контексте борьбы духовной и светской власти во Франции, в своей работе автор ссылается на трактаты французского легиста Дюбуа. Отличительной чертой в сообщении Денисовой было то, что главной причиной уничтожения Ордена явились не финансовые соображения Филиппа IV, а противодействие тамплиеров объединению страны [5, с. 208–224]. Централизация Франции была необходима королевской власти в борьбе против теократических притязаний папства. Эта борьба наиболее ярко выразилась в столкновении Филиппа IV Красивого с папой Бонифацием VIII и уничтожении Ордена тамплиеров. Также следует рассмотреть Шинонский список – протокол допроса руководителей ордена, который представители Папы Римского Климента V провели 17–20 августа 1308 года во французском замке Шинон (откуда и название документа). В 2007 году итальянским издательством Scrinium по материалам секретного архива Ватикана была выпущена книга «Processus contro Templarios» («Процесс против тамплиеров»): факсимильное издание протоколов допросов рыцарей-храмовников, проведенных перед папой римским Климентом V в 1308 году [16].

В западной историографии на протяжении уже многих лет наблюдается тенденция возрастающего научного интереса в изучении истории Ордена Храма. В Париже книжные магазины и издательства предлагают множество работ и трактатов, посвященных Ордену; некоторые из них приемлемы, другие – почти абсурдны. В самом деле, в течение последней четверти века по поводу тамплиеров были выдвинуты самые сумасбродные гипотезы. Многие из подобного рода псевдонаучных работ переведены на русский язык: Ж. Бордонов, Ги Фо и Марсель Лобе. Из заслуживающих внимания – работы М. Мельвиль [10], А. Демурже [4], М. Барбера [1]. В отечественной историографии нет собственной традиции изучения ордена тамплиеров. Попытка Е.В. Барынкина заполнить пустующую нишу равносильна провалу [2].

Анализируя материалы источников можно и нужно рассматривать Орден во всем многообразии его организационной,

рыцарской, духовной, военной, дипломатической, политической, экономической, финансовой, ростовщической деятельности. История ордена – как в период расцвета, так и на закате – относится к золотому веку феодализма, эпохе крестовых походов и Соборов, – оба этих начала нашли выражение в духовно-рыцарских орденах. Устав ордена Храмовников, до сих пор малоизвестный, остается одним из наиболее достойных внимания документов, который дошел до нашего времени от той эпохи.

Лишь сравнительно недавно архивисты, археологи и историки принялись расшифровывать документы, расчищать руины замков и завалы ложных идей и вздорных концепций, – и благодаря их изысканиям начинает проступать истинное лицо ордена Храма. Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости комплексного анализа Ордена тамплиеров и основных составляющих его деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбер М. Процесс тамплиеров / пер. с англ. Тогоевой И.А. – М.: Алетейа; Энигма, 1998. – 496 с.
2. Барынкин Е.В. Орден тамплиеров в контексте взаимоотношений светской и духовной властей во Франции в начале XIV в. Автореферат дисс. канд. истор. наук / Е.В. Барынкин. – СПб., 2012. – 23 с.
3. Бейджент М., Ли Р. Храм и ложа. От тамплиеров до масонов / Майкл Ли, Ричард Бейджент. – М.: Эсмо, 2006. – 352 с.
4. Демурже А. Жизнь и смерть ордена тамплиеров. 1120-1314 / Ален Демурже; пер. с фр. А.П. Саниной. – СПб.: Евразия, 2008. – 391 с.
5. Денисова, Н.А. Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. (Трактаты легиста Дюбуа об уничтожении Ордена тамплиеров) / Нина Александровна Денисова // Средние века, 1961, Вып XX, С. 208–224.
6. Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке / Михаил Абрамович Заборов. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
7. История Средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. – М., СПб.: Полигон, 2001. – 592 с.
8. Кардини Фр. Истоки средневекового рыцарства / Фр. Кардини; пер. с итал. В. П. Гайдук; ред. В. И. Уколова, Л. А. Котельникова. – М.: Прогресс, 1987. – 284 с.
9. Легман Дж., Ли Г.Ч. История тамплиеров / пер. с англ. Н. Кудашевой // Дж. Легман, Г.Ч. Ли. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 383 с.
10. Мельвиль М. История ордена тамплиеров / Марион Мельвиль; пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько. – СПб.: Евразия, 2000. – 368 с.

11. Хейзинга Й. Осень средневековья / Йохан Хейзинга – М.: Наука, 1988. – 540 с.
12. Boutaric, E. Clément V, Philippe le Bel et les Templiers / Edgard Boutaric. – Paris: Victor Palmé, 1874. – 78 p.
13. Delisle, L. Mémoire sur les opérations financiéres des Templiers / Léopold Delisle // Mémoires de l'Institut national de France, 1889, Vol. 33, Numéro 2, P. 1–94.
14. Lizerand G. Clément V et Philippe IV le Bel / Georges Lizerand. – Paris : Hachette, 1910. – 509 p.
15. Proces des templieres / publ. par Jules Michelet. – Paris : Impr. Royale, 1841. – 697 p.
16. Processus contro Templarios [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nxtbook.fr/newpress/Vatican/Scrinium/Exemplaria_Praetiosa-Processus_Contra_Templarios/index.php#/0

АННОТАЦИЯ

Волкодавова В.С. Проблемы источниковедения и историографии Ордена Тамплиеров.

Духовно-рыцарский Орден тамплиеров возник в XII в. Его основным предназначением было участие в крестовых походах. С прекращением крестовых походов Орден превратился в серьезную экономическую и политическую силу уже в Западной Европе. Источники доходов и могущества ордена – земельные владения, четкая властная вертикаль, налоговые льготы, финансовая и ростовщическая деятельность. Издания источников по истории тамплиеров разбросаны по приложениям и научным монографиям. Отдельные аспекты проблемы истории Ордена изучены неравномерно. В настоящее время возникла потребность в пересмотре накопленных наукой идей, концепций, теорий относительно отдельных составляющих проблемы тамплиеров и разработке комплексного подхода в решении проблем Ордена.

Ключевые слова: орден, тамплиеры, рыцари, храмовники.

SUMMARY

Volkodavova V. Problems of source study and historiography of the knights Templar.

Spiritually-knightly Order of the Templars originated in the XII century It is main purpose was participation in the Crusades. With the cessation of the Crusades, the Order has become a major economic and political force in Western Europe. Sources of income and power of the order land ownership, a clear vertical of power, tax incentives, financial and usurious activities. The publication of sources on the history of the knights Templar scattered throughout the annexes to scientific monographs. Some aspects of the history of the Order is studied unevenly. Currently,

there is a need to revise the accumulated science ideas, concepts, theories in regard to individual components of the problem of the Templars and the development of a comprehensive approach in solving the problems of the Order.

Key words: order, templars, knights.

Наталья Владимировна Евсюкова
кандидат исторических наук, доцент
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 331.105.44 (477):32

ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Постсоветский период развития государств бывшего СССР на демократических основах выявил ряд проблем в формировании и развитии их политических систем. Особенно противоречиво этот процесс происходит на Украине, где общественные институты пытаются найти свое место в постоянно меняющихся политических условиях. Не исключением являются и самые массовые и общественные организации – профессиональные союзы, которые пытались преодолеть пресловутый статус «приводных ремней» и наработать новую модель профсоюзного движения, как действенного института гражданского общества.

Ради этого профсоюзы, которые в советское время были организацией, «тесно» связанной с правящей партией, с началом демократических преобразований расширили приоритеты своей деятельности от сферы социально-экономической до политической. И стоит отметить, что в течение 90-х гг. XX века они проявили себя как потенциальную политическую силу, способную влиять на социально-политические ориентиры общества. С этой точки зрения выступает актуальной необходимость изучения возможных форм политической деятельности профсоюзных организаций.

Цель данной статьи – изучение форм политической деятельности общественных организаций в постсоветский период на примере профсоюзных организаций.

Следует отметить, что проблема функционирования профсоюзного движения всегда привлекала внимание исследователей, как в целом, так и по отдельным ее аспектам. Среди таких исследователей назовем Ю. Волкова, В. Михеева, В. Трипольского [3, 7, 11].

Перед тем, как перейти к непосредственному анализу проблемы отметим, что в постсоветских системах общественные организации по сегодняшний день остаются важным резервным фактором

политического влияния. Особенно это имело немаловажное значение в условиях растущей борьбы в среде украинского политикума. С нашей точки зрения, отличительной чертой украинского профсоюзного движения является то, что с самого начала самостоятельного функционирования оно начало приобретать опыт именно в политических формах деятельности.

Практика мирового профсоюзного движения свидетельствует о том, что одной из самых распространенных форм участия профсоюзов в политических процессах страны является участие в избирательных кампаниях различных уровней. К этому следует добавить участие профсоюзов в забастовках и взаимоотношения с политическими партиями. Об этих формах политической деятельности и пойдет речь в данном исследовании.

Профсоюзные организации используют выборы в органы власти с целью создания в них собственного представительства и усиления с его помощью влияния на формирование социально-правовой политики государства.

«Наличие многих профсоюзных деятелей на депутатских скамьях парламента, – подчеркивает исследовательница тред-юнионов С. Головко, – является важным элементом влияния профсоюзов, исходя из опыта британских тред-юнионов. От того, кто и как будет лоббировать интересы профсоюзов в парламенте, зависит успех в достижении поставленной ими задач» [3, с. 25]. Следовательно, наличие значительного количества представителей выступает условием успешной деятельности профсоюзов в осуществлении давления на парламент.

Ярким примером первой попытки вмешательства массовой общественной организации в большую политику выступают профсоюзы Украины, когда в 1994 году они не только приняли непосредственное участие в выборах в Верховную Раду, но тем самым продемонстрировали значительный политический потенциал, сформировав лобби в парламенте.

При этом попутно отметим, что политическая деятельность массовой организации не могла получить однозначной, тем более положительной, оценки со стороны возможных политических оппонентов. Об этом наглядно свидетельствует участие украинских профсоюзов в избирательной борьбе 1994 и 1998 гг., которую далеко не однозначно оценивали не только политические, но даже и профсоюзные лидеры [12, с. 41–44].

Очевидно, предвидя такую реакцию, еще в 1992 году на II (внеочередном) съезде Федерации профсоюзов Украины (ФПУ – Н.Е.) впервые была заявлена необходимость активного участия профсоюзов в сфере политической деятельности. Ее возможными направлениями назывались избирательные кампании, формирование

профсоюзами собственной политической партии, выдвижение кандидатур от профсоюзов в законодательные органы власти, поддержка партий и движений, позиция которых приближается к программам профсоюзов [8].

Считаем необходимым напомнить, что в профсоюзном движении Украины в 90-х годах XX в. реально влиять на политические процессы страны могли два профсоюзных течения: традиционные профсоюзы, которых представляла Федерация профсоюзов Украины, и независимые, альтернативные профсоюзные объединения.

Среди многих факторов, которые заставили оба профсоюзных течения вступить в большую политику, мы выделим только одну – невозможность решения вопросов социальной защиты в традиционный для этой массовой организации способ. Тем более, часть шестая статьи 244 Кодекса законов о труде Украины в 1992 г. предоставляла для этого все возможности. В частности в ней говорилось, что «Профессиональные союзы Украинской ССР в лице Украинского республиканского совета профсоюзов имеют право законодательной инициативы» [5, с. 122]. Однако вскоре ситуация кардинально изменилась, когда в декабре 1993 года был принят новый закон, в котором часть шестая статьи была аннулирована [4].

Итак, профсоюзы вынуждены были отстаивать не только социальные права граждан, но и свое право законодательной инициативы, которое им было дано тоталитарным государством, но отнято демократическим.

В этой связи в Уставе ФПУ сказано, что она «оказывает влияние на законодательную власть, в частности, через формирование в парламенте профсоюзной фракции, для чего проводит работу по выдвижению кандидатов в депутаты, их поддержку в предвыборной кампании» [10, с. 28].

Тактика независимых профсоюзов в этом отношении была другой. Их функционеры заявляли о том, что они находятся вне политики. Ряд уставных положений этих профсоюзов прямо указывают на их непосредственную заинтересованность в политической борьбе. Например, в Уставе Независимого профсоюза горняков Украины (НПГУ – Н.Е.), которая занимает достаточно прочные позиции в профсоюзном движении, зафиксировано право ее организаций «выдвигать в Советы народных депутатов всех уровней и поддерживать на выборах кандидатов...» [9, с. 7].

Непосредственную причастность НПГУ к политической деятельности доказывает тот неопровержимый факт, что процесс политизации этой общественной организации берет свое начало от самой идеи создания Независимого профсоюза горняков. Она возникла в период подъема рабочего движения, которое с лета 1989 года до конца 1990 года демонстрирует политическую

направленность. Под его давлением среди работников утверждается идея политической борьбы, что привело к созданию альтернативного союза, который стал первым среди других профсоюзов реализатором политических идей шахтеров.

Во время этой избирательной кампании 1997–1998 гг. значительно отчетливее проступают и политические ориентации независимых профсоюзов. Например, Национальная конфедерация профсоюзов сотрудничала с Народным Движением, Независимый профсоюз горняков Донбасса и профсоюз «Солидарность» предоставили поддержку партии «Громада».

Считаем необходимым отметить, что участие профсоюзных организаций в избирательных кампаниях является просто необходимой формой работы в новых условиях трансформации общества. Подтверждением тому может быть приобретенный опыт украинских профсоюзов, в частности, их умение определять предвыборную тактику. Если избирательная борьба в 1994 г. начиналась по выдвижению профсоюзных кандидатов и поддержки других, то в 1998 г. была первая попытка сотрудничества с политическими партиями.

Следующей формой опосредованной политической деятельности профсоюзов выступает их участие в забастовочном движении. Априорно мы исходим из того, что любая забастовка – это форма политической борьбы. Если забастовка носит даже ярко выраженный экономический характер, то это не означает абсолютного отсутствия в нем элемента политики. Последний, в данном случае, будет выражаться в несогласии с экономической политикой власти.

Это мнение нельзя признать новым, ибо вышло оно из-под пера Эдуарда Бернштейна еще в начале XX века. По этому поводу в своей книге «Забастовка. Ее сущность и деятельность» он, в частности, писал, что любая забастовка «содержит в себе и при экономическом характере политическое значение» [1, с. 103]. В полной мере эта мысль нашла свое подтверждение и в 90-е гг. XX столетия, собственно, что касается самого протестного движения, так и профсоюзов, которые им занимаются.

Политические составляющие забастовочного движения на Украине явно прослеживаются еще в забастовке шахтеров в 1989 г., которая традиционно считается преддверием забастовок 90-х. Непосредственным поводом к ней стало ухудшение социально-экономической ситуации в стране. Причина же забастовок была скрыта в кризисе всей экономической системы советской модели тоталитаризма, следствием чего стало обострение социально-экономических проблем, которые побудили взрыв народного протеста.

Если в забастовках конца 80-х профсоюзы оставались в стороне и основную роль играли забастовочные комитеты, то в начале 90-х гг. ситуация изменилась. Мы располагаем достаточным количеством фактов, которые свидетельствуют, что в 90-е годы XX в. профсоюзные комитеты в сотрудничестве с забастовочными комитетами помогали рабочим сформулировать требования и организовать забастовки.

Например, во время забастовки в 1993 г. Горловским городским координационным советом и Горловским территориальным комитетом профсоюза рабочих угольной промышленности был выложен целый ряд требований трудовых коллективов предприятий, организаций и учреждений города. Горловки Донецкой области, которые отражали социально-экономическое и политическое содержание. К социально-экономическим мы отнесли, в первую очередь, такие требования, как своевременная выплата заработной платы и установления ее минимального размера на уровне не ниже официально определенной границы малообеспеченности, изменение системы налогообложения предприятий, нормализация работы производства, установление государственного контроля за ценами на основные продукты питания и товары народного потребления и др. [6]. В приведенном примере политический аспект забастовки глубоко скрыт за цепью экономических требований, но это не означает, что он отсутствовал.

Но ситуация обострялась тем, что в период упадка советской системы потребность в политических средствах давления на власть имели не только рабочие, но и оппозиционные политические силы, «козырной картой» которых была все та же критика господствующей системы. Поэтому сами профсоюзы были предметом воздействия со стороны политических партий. И это происходило в условиях, когда забастовочное движение из года в год все больше политизировалось, чему способствовали и сами профсоюзные объединения, а также общий высокий уровень политического фона в стране.

Последний характеризовался интенсивным ростом активности новых политических партий, большинство из которых пытались заполучить себе в союзники профсоюзы, как промежуточное звено к рабочему и забастовочному движению.

Учитывая сказанное, можно прийти к выводу о том, что профсоюзы могли быть просто инструментом, с помощью которого политическая партия могла управлять рабочей стихией. Это же является и особенностью взаимоотношений политических партий и профсоюзов, о чем пойдет речь далее.

Первичную заинтересованность политических партий в сотрудничестве с профессиональными союзами можно объяснить наличием в последних целого ряда возможностей. Среди них, едва ли не в первую очередь, мы можем выделить значительные

электоральные возможности; большое количество активистов во всех регионах страны, способных обеспечить агитационную поддержку партий; профсоюзную прессу и, самое интересное, право профсоюзов на организацию и проведение забастовок, акций протеста. Последнее приобретает особую значимость, если учесть, что всегда забастовки выступали в роли действенного средства давления на власть, чего, собственно, особо требовали оппозиционные партии.

Проведенный анализ форм политической деятельности общественных организаций на примере профсоюзов дает все основания сделать вывод о целесообразности этих методов, поскольку они значительно расширяют возможности общественных организаций. Участие профсоюзов в избирательных кампаниях выступает необходимой формой работы в новых условиях трансформации общества, поскольку традиционные профсоюзные методы деятельности бессильны, а политические партии видят в массовой организации только инструмент достижения собственных целей. Оптимальным принципом их взаимоотношений может быть только сотрудничество на равноправной основе. А забастовочное движение является для профсоюзов формой опосредованного участия в политике, которая, при условии правильной реализации, позволит получить желаемый результат в борьбе за права своих членов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн Э. Забастовка. Её сущность и деятельность. Перевод с немецкого / Э. Бернштейн. – СПБ, 1907. – 117 с.
2. Волков Ю.Е. Рабочее движение в условиях перехода к экономике смешанного типа / Ю.Е. Волков // Социс. – 1991. – № 1. – С. 75–78.
3. Головко С. Участь профспілок у виборах. Досвід британських тред-юніонів / С. Головко // Нова політика : науково-пізнавальний та аналітичний журнал / Асоціація молодих українських політологів та політиків. – К., 1998. – № 3/4. – С. 25–29.
4. Закон України «Про внесення змін і доповнень, що стосуються охорони праці, в Кодекс законів про працю України». Ст. 10 // Відомості Верховної Ради. – 1994. – № 3.
5. Кодекс законів про працю Української РСР: Офіційний текст із змінами та доповненнями за станом на 1 червня 1989 р. Ст. 244 – К.: Політвидав України, 1989. – 208 с.
6. Материалы по забастовке. 1993 – 1994. Требования трудовых коллективов предприятий, организаций и учреждений г. Горловки Донецкой области (июнь 1993 г.) // Архив профсоюзного комитета о/о «Артемуголь» (г. Горловка).

7. Михеев В.А. Взаимоотношения профсоюзов с политическими движениями: тенденции, противоречия, В.А. Михеев // Профсоюзам России – 90 лет: Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 19 октября 1995 года / Сост. В.Б. Фурсова. – М.: Профиздат, 1996. – С. 90–96.
8. Програма дій незалежних профспілок України в умовах переходу до ринкової економіки // Профспілкова газета. – 1992. – 14 лист.
9. Статут Незалежної профспілки гірників України. – К.: Б.В., 2001. – 32 с.
10. Статут Федерації професійних спілок України // Профспілки України. – 1993. – № 1. – С. 22–37.
11. Трипольский В. Рабочее движение: проблемы реализации новых возможностей, В. Трипольский // Политика и время. – 1991. – № 12. – С. 45.
12. Якою буде роль профспілок у наступних виборах до Верховної Ради України? // Національна безпека і оборона. – 2001. – № 8. – С. 41– 44.

АННОТАЦИЯ

Евсюкова Н.В. Формы политической деятельности общественных организаций в постсоветский период.

В статье рассматриваются формы политической деятельности общественных организаций в постсоветский период на примере профсоюзных организаций.

Ключевые слова: власть, общественные организации, политика, политическая деятельность, профсоюз.

SUMMARY

Evsyukova N.V. Forms of political activity of public organizations in the post-Soviet period.

The article examines the forms of political activity of public organizations in the post-Soviet period using the example of trade union organizations.

Key words: power, public organizations, politics, political activity, trade union.

Ирина Федоровна Емельянова
кандидат экономических наук, старший преподаватель
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков
г. Горловка, ДНР

УДК 330.8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема роли государства в экономике занимает важное место в экономической теории и в реальной хозяйственной практике. В современных экономических условиях научный и практический интерес представляет анализ теорий государственного регулирования экономики на различных исторических этапах развития экономики.

Теоретическое обоснование роли и степени осуществления государством регулирующих функций в экономике освещены в многочисленных публикациях современных отечественных и зарубежных ученых. В частности, указанные проблемы рассматриваются в работах Г. Г. Карпенко [2], П. В. Круша [5], Ю. М. Лопатинского [6], Г. Б. Новосельцевой [10], С. Е. Трофимова [14], Н. М. Тюкавкина [15], Н. В. Цхададзе [16] и др.

Однако, несмотря на столь пристальное внимание к данной проблеме, нельзя считать ее исчерпанной и окончательно решенной. По целому ряду направлений участия государства в экономике в научной литературе высказываются спорные суждения. В этой связи научный и практический интерес представляет анализ теорий государственного регулирования экономики на различных исторических этапах развития экономики.

Целью данного исследования является анализ и систематизация теорий государственного регулирования экономики на различных исторических этапах ее развития, что необходимо для оценки альтернативы развития современных концепций ГРЭ.

Государственное регулирование экономики – это комплекс государственных мер, направленных на создание условий эффективного функционирования рынка, координацию экономических отношений между хозяйствующими субъектами и решения сложных социально-экономических проблем национальной экономики.

Первичные представления о взаимодействии государства и экономики появились задолго до того, как в XVII в. выделилась особая отрасль знаний – политическая экономия. Древнейшими письменными источниками, в которых описываются особенности государственного управления и хозяйствования, можно считать Поучение гераклеопольского царя своему сыну (Древний Египет, XXII в. до н. э.), «Речение Ипусера» (начало XVIII в. до н. э.),

«Пророчество Неферти», Законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), «Артхашастра» (конец IV в. до н. э.) [16].

В сочинениях древнегреческих мыслителей Ксенофонта, Платона и особенно Аристотеля были сделаны первые попытки теоретически осмыслить экономическое устройство общества и роль в нем государства. Платон считал, что государство может существовать длительное время только при условии опоры на натуральное хозяйство при ограничении денежного обращения [12]. Это утверждение свидетельствует об осознании взаимосвязи между устойчивостью формы хозяйствования и функционированием определенного типа государства.

Эти идеи отражены в сочинениях Катона Старшего, Варрона (II-I вв. до н. э.), периода расцвета древнеримских рабовладельческих латифундий. Они связывали рациональность крупного рабовладельческого натурального хозяйства с государственной поддержкой жестких форм рабства. Представления о закономерности ответственности государства за повышение продуктивности хозяйства отражают сочинения братьев Гракх (II в. до н. э.), Колумеллы (I в. н. э.) [10, с. 446].

Среди ученых-исследователей указанной проблемы эпохи Средневековья ученые выделяют Августина Блаженного, Фому Аквинского и Ибн Хальдуна.

Что же касается документальных памятников о роли государства в общественных отношениях этого периода, то одними из тех, которые наиболее ярко описывают эти процессы, является «Русская правда» (XII-XIII вв.), «Повесть временных лет» (XII в.).

Определенный толчок развитию теорий государственного регулирования обеспечили произведения: «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы. Искусство же управлять в государственных целях впервые было описано Н. Макиавелли [6, с. 18].

Следующей этапом эволюционного развития теорий государственного управления экономикой стало зарождение экономических школ.

В XV-XVIII веках, в период становления капиталистических отношений, в Западной Европе возникла экономическая школа «меркантилизма», видными представителями которой являлись А. Монкретьен, Д. Норс, Дж. Локк, Дж. Стюарт, Т. Манн. Идеи меркантилистов, выраженные в терминологии того времени, обосновывают необходимость постоянного регулирующего воздействия государства на определенные сферы экономики. Меркантилисты видели задачу государства в том, чтобы привлечь больше золота в страну за счет поощрения вывоза товаров за границу и сдерживания ввоза тех товаров, которые производятся в государстве. Т. Манн видел благополучие своей страны в

активной внешней торговле [7, с. 153]. Конкретные предложения относительно обязанностей государства содержаться в работах и других представителей меркантилизма. Они касаются поддержания должного порядка внутри страны, установления системы учета доходов, предотвращения проявлениям злоупотреблений [9, с. 181].

На смену взглядам меркантилистов, в XVIII в. во Франции зарождается школа физиократов, основанная Франсуа Кенэ. Теории физиократов породили доктрину естественной свободы («laisser faire» – фр. выражение – «пусть каждый идет своим путем»), согласно которой правительство не должно регулировать и контролировать частные предприятия, так как свободная конкуренция наилучшим образом учитывает интересы общества [4].

В XVIII-XIX веках в странах Западной Европы и США полностью складывается рыночная система хозяйствования. Именно в этот период появляется новая экономическая школа – классическая школа политической экономии. В развитии её идей решающую роль сыграли научные трактаты А. Смита и Д. Рикардо.

А. Смит обосновал необходимость ограничения роли государства в экономике, поскольку личный интерес и конкурентная среда естественно объединяют достижения собственной выгоды с реализацией интересов общества в целом, а экономика, по его убеждению, управляется «невидимой рукой». По мнению А. Смита, государство несет ответственность лишь за такие сферы как оборона страны, «содержание короля и его двора», правосудие, чеканки монет [13, с. 25]. То есть государство берет на себя то, что индивидуум не способен выполнить самостоятельно.

Д. Рикардо значительное внимание уделял вопросам формирования государственной системы налогообложения, обосновал важный методологический принцип относительно необходимости налогообложения не капитала, а полученных доходов [1].

После экономического кризиса 1825 г. происходит утрата актуальности идей классической политэкономии о саморегулируемости рыночного механизма. Именно в этот период приобретают популярность идеи научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса. В возникшей во второй половине XIX века марксистской модели государственного регулирования господствовали следующие идеи: необходимость замены стихийного капиталистического развития сознательным, целенаправленным воздействием государства на социально-экономические процессы с помощью общегосударственных планов, ликвидация частной собственности и государственный контроль средств производства и

его результатов [8, с. 556–596.]. В дальнейшем марксистские идеи были развиты русским политическим деятелем В. И. Лениным и практически реализовывались при построении СССР.

В конце XIX − начале XX вв. развитие рыночных отношений обусловило «маржинальную революцию», обогатившую экономическую мысль неоклассической теорией, которая стала ведущим направлением в мировой экономической мысли. Представители данной школы (А. Маршалл, Дж. Б. Кларк, Л. Вальрас) занимались многоаспектным анализом регулируемой рыночной экономики, используя как инструмент экономические модели. По мнению большинства представителей неоклассического направления, экономика свободной конкуренции благодаря гибкой системе цен и заработной платы внутренне устойчива. Следовательно, государству нет необходимости оказывать стабилизирующее воздействие в случае нарушений в механизме рыночного саморегулирования [5, с. 258].

В конце XIX – начале XX в. в странах с развитой рыночной экономикой стремительно происходил процесс отраслевой и межотраслевой централизации производства, негативными проявлениями которого являлись монополизм, колоссальный рост безработицы и др. Все это привело к самому глубокому экономическому кризису капитализма – Великой депрессии 1929 – 1933 гг., которая поставила под сомнение тезис классической политической экономии о саморегулировании рынка как ключевом факторе процветания государства.

Успехи СССР, а также США в период правления Ф. Рузвельта, использовавшего элементы планирования, показали несостоятельность классической концепции развития производства в 30-е гг. XX в. [14, с. 19]. Поэтому в 1930-е гг. на Западе назрел и был осуществлен решительный переход к кейнсианской модели регулирования экономики, призванной предохранить господствующую социально-экономическую систему от гибельных потрясений. Основоположником этой теории является Дж. М. Кейнс.

В своей книге «Общая теория занятости, процента и денег» [3] Дж. М. Кейнс раскрыл причины снижения действенности механизма свободной конкуренции и глубочайшего кризиса перепроизводства 1929–1933 гг., доказал объективную необходимость огосударствления разбалансированной экономики. Дж. Кейнс и его последователи являются сторонниками активного государственного регулирования экономики, аргументируя это отсутствием у рыночной системы хозяйства внутреннего механизма установления макроэкономического равновесия. Кейнсианская система принципов государственного регулирования экономики основывается на анализе таких понятий, категорий и явлений,

как «склонность к потреблению», «склонность к сбережению», «побуждение к инвестированию», «предпочтение ликвидности» и т. д. Наибольшее признание в практике государственного регулирования экономики получили теории антициклического (конъюнктурного) регулирования и экономического роста, главным направлением которого, по мнению кейнсианцев, является воздействие на инвестиции [2, с. 21-22].

Данное направление в 80-х и 90-х XX столетия эффективно использовали новые индустриальные страны Азии: Таиланд, Малайзия, Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань. Однако уже в 70-х годах XX в. начали проявляться недостатки кейнсианского рецепта выхода из кризиса. Поэтому на первый план выступают неоклассические взгляды саморегулирования экономики, теория социального рыночного хозяйства в частности монетаризм, теория предложения и др.

Неоклассики связывают экономическое процветание общества с защитой частной собственности и совершенствованием механизма цен, созданием системы мер по повышению конкурентоспособности рыночной экономики. Один из авторов этой идеи, немецкий экономист Вальтер Ойкен доказывал, что государство нельзя подпускать к планированию и регулированию экономического процесса, но в то же время оно необходимо для формирования элементов экономического порядка. Основные положения его теории заключались в том, что государство призвано создавать благоприятные условия для свободной конкуренции и вмешиваться в качестве арбитра в тех сферах, где нарушается нормальный ход конкурентной борьбы [11]. Эта идея была реализована в ФРГ.

Ведущая роль в этот период также принадлежала монетаризму. Теория монетаризма была разработана ученым из Чикагского университета США М. Фридменом, который являлся сторонников либеральной экономики и либеральных методов государственной экономической политики. Ученый значительную роль отводил деньгам, находившимся в обращении. Он считал, что деньги выполняют функцию управления спросом, а через нее и хозяйственными процессами. Следовательно, влияние государства заключался в соблюдении ежегодных темпов роста денежной массы на уровне 3-5%. Впервые днные идеи нашли применение в США и Великобритании [2, с. 18].

Одной из современных неоклассических теорий является теория предложения (А. Лаффер, Р. Мандель, М. Фелдстайн), в основе которой лежит утверждение, что распределение и эффективное использование ресурсов имеют решающее значение для роста национального производства как в кратко-, так и в долгосрочном

периодах**.** Данная теория нашла воплощение в экономической политике американского президента Р. Рейгана и премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

На рубеже XIX–XX вв. начал формироваться институционализм (У. Митчелл, М. Вебер, Р. Коуз, Д. Бьюкенен, Г. Беккер), как одно из направлений экономической теории, которое опирается на идеи широкого круга более ранних школ и течений. Институционалисты считают, что рынок не всегда способен обеспечивать эффективное равновесие в экономике. Государство надо рассматривать не как дополнение к рынку, а как активного участника экономических процессов. В качестве метода послевоенных преобразований и дальнейшего стимулирования экономического роста неоинституционалисты предложили государственное программирование.

Таким образом, нами проведена систематизации представлений о роли государства в экономике, которая охватывает период с древнейших времен (начало XVIII в. до н. э.) до наших дней, и позволяет выделить 4 этапа в эволюции теорий государственного регулирования экономики, представленных на рис. 1.

Такой подход позволяет представить процесс эволюции экономических идей в целом, начиная с истоков зарождения научных взглядов на взаимодействие государства и экономики, что дает возможность выявить закономерности их трансформации.

Таким образом, вопрос о роли государства в организации экономической жизни общества, формах и методах государственного регулирования экономики является сложным, дискуссионным и актуальным в современной действительности. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что на каждом историческом этапе развития общества учеными-экономистами осуществлялись попытки теоретического обоснования методов и способов регулирования социально-экономических процессов, главной целью которых была разработка практических рекомендаций относительно более эффективного функционирования экономики. Анализ теорий государственного регулирования экономики свидетельствует, что переломные моменты в изменении акцентов в экономической политике происходили в периоды глобальных экономических кризисов. Именно острая необходимость в преодолении негативных явлений оставляет вопрос о роли, формах и методов государственного регулирования открытым и составит задачу дальнейших научных исследований в этом направлении.

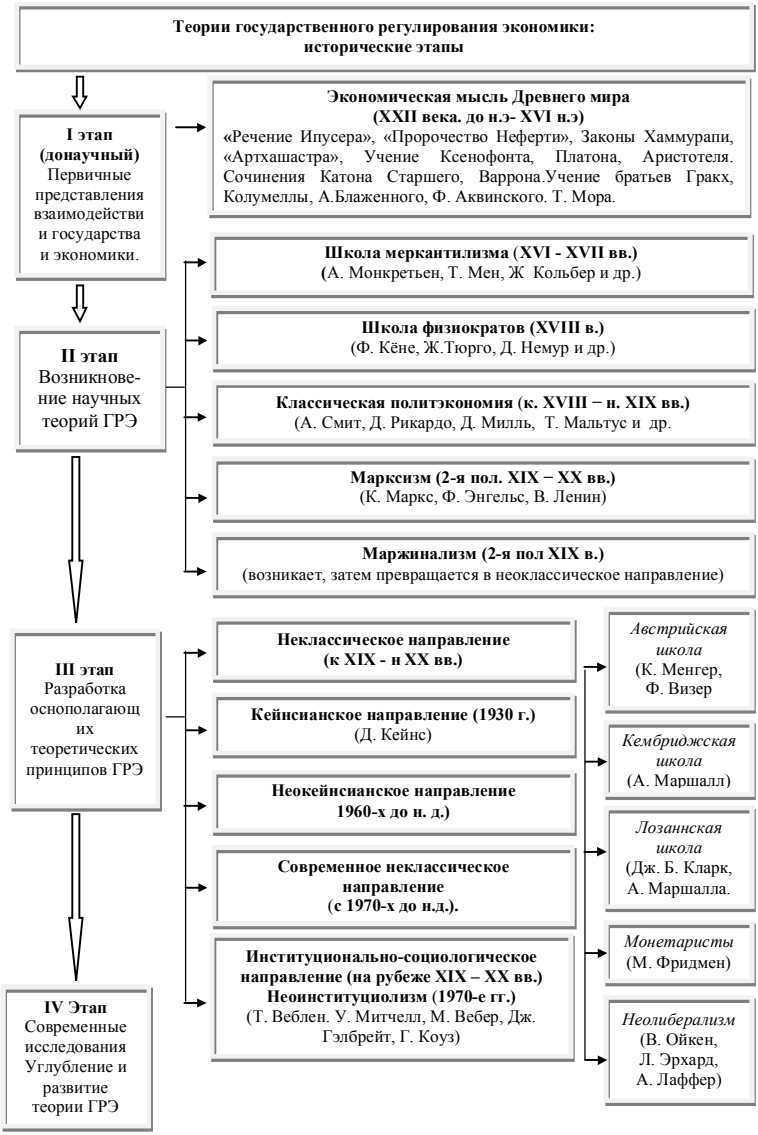


Рис 1. Теории государственного регулирования экономики: исторические этапы

ЛИТЕРАТУРА

1. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения [Текст] / Д. Рикардо. – Л. : Петроком, 1993. – 406 с.
2. Карпенко Г. Г. Государственное регулирование экономики: эволюционный аспект / Г. Г. Карпенко // Государственное управление: электронный вестник. – 2013. − № 37. – С. 15-31.
3. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег [Текст] / Дж. М. Кейнс. – Л. : Петроком, 1993. − 386 с.
4. Кенэ Ф. Физиократы : избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур. – Москва : Эксмо, 2008. − 1198 с.
5. Круш П. В. Регулювання економіки: теоретичні та прикладні аспекти: монографія / П. В. Круш, І. А. Максименко ; за ред. В. П. Круша ; НТУУ «КПІ». – К. : НТУУ «КПІ», 2008. – 424 с.
6. Лопатинський Ю. М. Історичні аспекти становлення та розвитку методологічних засад державного регулювання економіки / Ю. М. Лопатинський, В. В. Кіндзерський // Економіка. Фінанси. Менеджмент: актуальні питання науки і практики. − 2015. − № 1. − С. 16-26.
7. Ман Т. Богатство Англии во внешней торговле или баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : В 5 т. / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – Т. 1. От зари цивилизации до капитализма. – С. 153–161.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. Процесс обращения капитала / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1978. – 648 с. – С. 556-596.
9. Монкретьен А. Трактат о политической экономии // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – Т. 1. От зари цивилизации до капитализма. – С. 168–182.
10. Новосельцева Г. Б. Эволюция научных взглядов на взаимосвязь государственного регулирования и устойчивого развития экономики / Г.Б. Новосельцева // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. − 2012. − № 28. − С. 445-453.
11. Ойкен В. Основные принципы экономической политики [Текст] / В. Ойкен. – М. : Экономика, 1995. – 382 с.
12. Платон. Государство // Платон. Диалоги. − М.: Фолио, 1956. − 256 с.
13. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
14. Трофимов С. Е. Государственное регулирование как способ поддержки экономически устойчивого развития нефтегазового комплекса: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Трофимов Сергей Евгеньевич. − 2017. − 211 с.

15. Тюкавкин Н. М. Экономическая теория предложения / Н. М. Тюкавкин // Вестник Самарского государственного университета. − 2014. − № 6. − С. 178-184.
16. Цхададзе Н. В. Эволюция мировой экономической мысли от истоков до наших дней : монография / Н. В. Цхададзе. − М. : Издательство «Русайнс», 2015. − 168 с.

АННОТАЦИЯ

Емельянова И.Ф. Государственное регулирование экономики: исторический аспект.

В статье определены исторические аспекты становления и развития методологических основ государственного регулирования экономики. Дана характеристика наиболее известным теориям государственного регулирования экономики, представлена собственная авторская позиция периодизации исторических периодов, их становления и развития.

Ключевые слова: регулирование, экономика, государство, теория, систематизация, социально-экономические процессы, исторические этапы

SUMMARY

Yemelianova I.F. State regulation of the economy: historical aspect.

The article defines historical aspects of establishment and development of a methodological basis for the state regulation of the economy. We have characterized the most famous theories of the state regulation of the economy, as well as have suggested our own viewpoint towards the historical periods of establishment and development of the above theories.

Key words: regulation, economy, state, theory, systematization, social and economic processes, historical stages.

Зои Лионидас
магистр лингвистики, переводчик
Канада

УДК 94(4)«04/14»

ХЛЕБ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Наряду с мясом, рыбой и, в меньшей степени, овощами, хлеб был важнейшим элементом трапезы, без которого был просто непредставим стол средневекового человека – будь он аристократом, монахом или скромным землепашцем.

Хлеб и сыр составляли ежедневную пищу крестьянина во время полевых работ, более зажиточные слои населения могли позволить себе класть на хлеб жирный кусок мяса. Без хлеба, сопровождавшего основную трапезу, был невозможен ни аристократический, ни монастырский стол, хлебом принято было вымачивать супы и соуса – причем стоит заметить, что само средневековое слово soupe изначально значило именно куски хлеба для вымачивания жидкого блюда (potage), и лишь много позднее приобрело современное значение.

Качество хлеба, подаваемого к столу, определяло положение человека на социальной лестнице, так аристократия и высшее духовенство требовали для себя исключительно белого хлеба из муки самого тонкого помола, так что во время просеивания в отходы должно было уйти более половины исходного веса пришедшей с мельницы муки. «Городской хлеб» (painbourgeois), которому злоязычные парижане приделали прозвище «желток», изготовлялся из цельной пшеничной муки, оставшейся от «господского» хлеба, и конечно же, был куда хуже по качеству – но также мог делиться на подвиды в зависимости от качества. Те же парижане имели обыкновение хвастаться, что их хлеб является самым белым, и уже потому, лучше всех прочих по своему качеству.

Еще ниже на социальной лестнице находился «суповой» хлеб, по всей видимости, изготовлявшийся из муки низших сортов, порой с примесью отрубей или ржи, и годившийся исключительно для вымачивания жидкости.

Древнейший по происхождению грубый «весовой» хлеб, как пшеничный, так и смешанный, представлял собой огромные грубые ковриги до 4.5 кг, а в некоторых провинциях страны и до 7 кг. В течение всего тысячелетия средневековой эры, цена «весового» хлеба оставалась неизменной – 1 денье, в то время как величина ковриги зависела от урожая, так что в особенно тяжелые годы буханка весового хлеба могла легко разместиться на ладони.

И наконец, на низшей ступени этой своеобразной иерархии находился «цельный» или «разделочный» хлеб, для еды не предназначавшийся. В самом деле, эти грубые и тяжелые караваи, изготовлявшиеся из непросеянной муки, как правило, использовались в виде своеобразных тарелок: на них выкладывали куски мяса или даже наливали соуса, пересохшие корки легко впитывали в себя избыток жидкости, не пропуская его на скатерть, а после окончания трапезы их можно было отдать на корм гусям или свиньям, или наконец, по укоренившемуся среди аристократов обычаю, отправить в богадельни или больницы для бедняков. Городские низы и подавляющее население французской деревни вынуждены были довольствоваться «серым» хлебом, выпекавшимся

из смеси пшеницы и ржи (в отношении 1/3 к 2/3), в некоторых районах страны к этой смеси могли добавлять овес или ячмень – также увеличивавшие объем готовой продукции, при том, что ее качество соответственно ухудшалось.

И наконец, суррогатный хлеб, появлявшийся на столе у людей скромного достатка во время голодных лет, к сожалению, достаточно частых в средневековой Франции, представлял собой грубую и едва съедобную смесь из остатков муки с добавлением орехов, гороха, бобов, желудей, а в самых отчаянных случаях – даже корня лопуха или аира, коротко говоря, всего, что можно было использовать в пищу без опасности для здоровья и жизни [1].

Можно с достаточной уверенностью сказать, что древняя Галлия в полной мере оценила вкус и сытность хлебных продуктов под властью римской империи. Изначально хлеб для местных гарнизонов доставлялся из соседней Британии, впрочем, при неурожае в этой земле, недостаток мог компенсироваться за счет импорта из прочих частей обширной Римской державы, причем местное население, со временем по достоинству оценив новинку, также включило хлеб в свой ежедневный рацион. Падение Западной Римской империи рикошетом повлекло за собой разрушение торговли и превращение бывших провинций в небольшие государства под властью варварских королей. Хлеб Египта, в течение многих веков исправно кормивший подданных римских цезарей, оказался в руках мусульман, также они подчинили себе Испанию, полностью перекрыв движение торговых кораблей по Средиземному морю. Англия, на несколько веков превратившаяся в арену междоусобных войн между пришлыми германоязычными и местными кельтскими племенами, а также датчанами, желавшими подчинить себе острова, – оказалась более не в состоянии экспортировать зерно. Меровингская Франция оказалась волей-неволей предоставлена в этом вопросе сама себе.

Впрочем, римская техника хлебопашества с помощью легкой сохи, почти целиком сделанной из дерева, на воловьей или человеческой тяге, совершенно не годилась для тяжелых залежных земель, составлявших едва ли не большую часть французской территории, урожаи были весьма скромными, так что, профессиональное хлебопечение сумело выжить лишь при дворах крупных феодалов и самого короля, а также в немногих достаточно богатых городах, в то время как сельское население, словно в каменном веке, питалось кашами из ячменя или овса, а также грубыми лепешками, выпеченными в золе, к которым по необходимости добавляли желуди, дикие грибы или ягоды, и наконец, овощи с огорода. Недоедание и неизменный его спутник – рахит были настоящими бичами меровингской деревни.

Во времена Каролингской монархии резкое падение цен на железо и стремительное развитие кузнечного дела привели к настоящему перевороту в технике землепашества. Тяжелый плуг с отвалом, на воловьей (а позднее – на конной) тяге, оказался в состоянии справиться даже с самыми тяжелыми залежными землями, на многие сантиметры вглубь пронизанными толстыми переплетающимися корнями растений. Увеличение площади распаханных полей позволяло вместе с людьми кормить в зимнюю пору также многочисленную скотину, исправно поставлявшую навоз, еще более повышавший плодородие полей. Посему эпоха Высокого Средневековья характеризуется бурным развитием всего и вся, так что в те времена любой здоровый человек, имеющий голову на плечах и умелые руки, в состоянии был прокормить и себя и свою семью. По расчетам специалистов-сельскохозяйственников, к концу XIII века, урожайность возросла вдвое – с 3 до 6 центнеров с гектара, так что 20 млн. человек (каковым было население Франции к концу XIII века) в обычных условиях могло прожить, не испытывая чувства голода [3].

Во времена Высокого Средневековья начинается заселение ранее пустынных земель, резкое увеличение плотности населения, рост городов и вместе с ними развитие ремесел и торговли. Именно в это время Франция по праву становится «хлебной страной», так что лучшие образцы подобной продукции уже покидают места своего изготовления и распространяются столь широко, сколь их способны доставить торговые караваны. Доброй славой пользуется «хлеб из Шайи» – распространившийся вплоть до Амьена и сумевший значительно потеснить на рынке местные сорта, «хлеб из Гонесса» и другие прославленные марки. О том, что хлеб играл важнейшую роль в рационе человека времен Высокого и Позднего Среднековья, свидетельствуют расчеты французского исследователя конца XIX в. Луи Стуффа на основе счетных книг папского «студиума» в Тре (см. таблица 1).

Продукт	Ежедневный рацион	Количество дней в году, когда употреблялся продукт	Ежегодный рацион
Пшеничный хлеб	575 г	365	210 кг
Свежее мясо (баранина)	130 г	162	21 кг
Солонина (свиная)	63 г	55	5,5 кг
Свежая рыба	100 г	65	6,5 кг
Сыр (школяры)	20 г	92	1,8 кг
Сыр (преподаватели)	20 г	243	4,8 кг
Оливковое масло	3,3 г	149	500 г

Бобовые	85 г	52	4,5 кг
Вино	0,62 л	365	226 л

Таблица 1. Ежедневный и ежегодный рацион человека классического средневековья согласно данным счетных книг папского «студиума» в Тре.

Таким образом, можно утверждать, что Высокое Средневековье достигает пика технологического и культурного развития, возможного для своего времени, после чего начинается резкий спад благосостояния, разрешить который сможет лишь Великая Французская революция.

Начиная приблизительно с первых лет XIV века на место прежнего благосостояния приходит тяжелейший кризис, в первую очередь выражающийся в неуклонном росте цен на хлеб – важнейший продукт потребления города и деревни.

Резкий климатический скачок, известный под именем Малого ледникового периода, вызванный изменением течения Гольфстрима, уменьшением активности Солнца и т.д., привел к катастрофическим результатам. Три «года без лета», когда в течение всего теплого времени года напролет поля заливали ледяные дожди, а зерно вымерзало и гнило в земле, привели к острой нехватке продовольствия, причем компенсировать недостачу, как это делалось в обычные времена (к примеру, Париж в случае недостатка хлеба имел обыкновение закупать зерно в Нормандии), было невозможно: беда поразила равно всех. Таким образом, нет ничего удивительного, что это время ознаменовалось катастрфой, известной под именем Великого Голода (1315-1317 гг.). Недостаток пищи особенно остро проявился в резко изменившемся к худшему (ставшему более холодным и влажным) климате Европы и ощущался вплоть до 1325 года.

Вторая в истории человечества пандемия чумы, более известная как Черная Смерть, разразилась в 1346-1353 гг. [2, с. 30; 4]. Население Европы сократилось едва ли не вдвое. Для нас важно то, что огромная смертность среди деревенского населения привела к резкому сокращению количества пахотных полей, пашни превращались в пастбища, т.к. скотоводство по определению своему требовало куда меньшее количество работников. Неизбежно принялись расти цены на важнейшие продукты потребления – в том числе и на пшеничный хлеб, возникшая инфляция, раз начавшись, уже не прекращалась.

Усугубила ситуацию Столетняя война. Оставшиеся на земле крестьяне зачастую переходили от хлеба к выращиванию красильных растений – представлявших собой куда меньший соблазн для мародеров из обеих армий. Кроме того, во времена осад

и обострения ситуации на фронтах, положение податного сословия становилось ужасающим.

Таким образом, роль хлеба в средние века трудно переоценить. Хлеб и цена на него являются важнейшими индикаторами состояния исторической эпохи. Вместе с тем необходим анализ конкретных источников о производстве зерна, сезонных колебаниях цен на хлеб, а также эволюции цен для определенных исторических периодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Desportes F. Le Pain au Moyen âge / Françoise Desportes. – Paris: Olivier Orban, 1987. – 228 p.
2. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West / David Herlihy. – New York: Harward University Press, 1997. – 128 p.
3. Gauthier A. Alimentations médiévales V–XVI siècle / Alban Gauthier. Éclipses Édition Marketing S.A., 2009. – 176 p.
4. Kelly J. The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time / J. Kelly. – New York: Harper Collins, 2005. – 304 p.

АННОТАЦИЯ

Лионидас З. Хлеб и экономический, социальный и культурный кризис Позднего Средневековья.

Статья посвящена роли хлеба в жизни средневекового человека и сущности перемен, произошедших в период Позднего Средневековья с производством зерна, количеством, качеством и ценой на хлебопродукты. В статье разбираются причины и основные составляющие позднесредневекового кризиса. Отмечается, что самым тяжелым для жизни был четырнадцатый век: Великий Голод 1315-1317 гг. сменился Великим Мором 1348-1349 гг. Численность населения резко сократилась. В то же время климат в Европе испытал значительные изменения. Средневековая климатическая аномалия с ее теплыми условиями заканчивалась в конце тринадцатого века и сменилась фазой перехода к малому ледниковому периоду. Голод и чума вызвали позднесредневековый экономический, социальный и культурный кризис. Начинается резкий и длительный спад благосостояния. В первую он очередь выражается в неуклонном росте цен на хлеб – важнейший продукт потребления города и деревни. Количество производимых злаков неуклонно снижается, в то время как цены постоянно растут, доходя в особенно тяжелые годы до умопомрачительных высот. В статье делается вывод о том, что хлеб и цена на него являются важнейшими индикаторами состояния исторической эпохи.

Ключевые слова: хлеб, цена на хлеб, голод, климат, малый ледниковый период.

SUMMARY

Lionidas Z. Bread and the economic, social and cultural crisis of the Late Middle Ages.

The article deals with the role of Bread in the life of a medieval person, as well as the nature of the changes which happened to emerge during the Late Middle Ages concerning the grain production, the quantity, quality and the price of Bread. The article investigates the reasons and the main patterns of the crisis of the Late Middle Ages. It points out that the XIVth century turned out to be the hardest living period for the Europeans, as the Great Famine (1315-1317) was followed by the Black Death (1348-1349). The population number decreased dramatically, while the climate in Europe underwent drastic change. The Medieval Warm Period with its mild weathergave place to the Little Ice Age.The famine and the plague caused an economic, social and cultural crisis of the Late Middle Ages. The well-being of the population decreased in a drastic way and the said decrease needed a lengthy time to be overcome; and first of all, it manifested itself in the continual growth of the price of bread – the most important product for the survival of the rural and the urban population. While the quantity of grain suffered constant decrease, the prices rose, reaching breathtaking levels in the most difficult years. The article comes to a conclusion that the Bread, together with the Bread Price, should be considered as the most important economic indicators of the said period.

Key words: Bread, Bread Price, Famine, Climate, Little Ice Age.

Андрей Александрович Миргородский
кандидат философских наук, старший преподаватель
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»
г. Донецк, ДНР

УДК 470.071

РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Александр Владимирович Мень (1935-1990) – священник Русской православной церкви, богослов и проповедник, историк философии, автор книг по богословию, истории христианства и других религий («В поисках пути, истины и жизни» (1970-1983), «Сын человеческий» (1969), «Таинство, слово и образ» (1980). Александр Мень, будучи высокообразованной и интеллигентной личностью, обладал даром открытости к светской культуре и науке, к другим религиозным конфессиям, а также творческой энергией,

направленной на понимание каждого собеседника, которая сроднила его с духовной культурой Серебряного века.

А.В. Мень отмечает, что процесс духовных поисков в начале XX столетия привел к появлению таких знаменитых литераторов и философов, как Владимир Соловьев, Николай Бердяев, отец Сергий Булгаков, Семен Франк и другие. Данная плеяда создала движение, которое теперь принято называть русским религиозным ренессансом XX века. И весь мир сегодня знает о русской философии по этим именам. Они сознательно избрали путь восстановления нарушенных связей с церковной культурой. По А.В. Меню, их возвращение к христианскому идеалу было не слепым, а зрячим возвращением. По мнению А.В. Меня, они были убеждены, и не без основания, что найдут в христианстве тот источник творчества, жизни и общественного созидания, который не могли найти на путях позитивизма, механицизма и других некогда модных теорий [4]. А.В. Мень пишет: «Владимир Соловьев положил основание оригинальной, я бы сказал, неповторимой русской религиозной философии XX в., которая включает в себя такие имена, как Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Семен Франк, Павел Флоренский, Николай Лосский и многие-многие другие. Опять-таки взрыв! Опять-таки целая плеяда, огромное течение, которое было прервано бурными событиями войны и революции. Большая часть участников этого движения оказалась за рубежом» [4, с. 8]. Имена этих мыслителей сейчас возвращаются к нам.

Александр Мень делает экскурс в историю русской философии и находит ее корни: «Уже при первых шагах древнерусской киевской культуры у ее писателей, проповедников, мыслителей проявились первые попытки осмыслить сложнейшие проблемы бытия» [4, с. 8]. В частности, в 11 веке Митрополит Иларион ставит острые богословские вопросы, в частности, вопрос о законе и благодати. А.В. Мень в этой связи пишет: «Это очень важный вопрос. Все религии древности так или иначе ориентировались на закон. Закон – это то, что нам понятно: это система, это структура, это запрет, это повеление. Когда мы начинаем учить детей, мы говорим им: это нельзя делать, а вот так надо делать. И поэтому закон как форма религиозной жизни неизбежен в начале развития культуры. Но наступает такой момент, когда открывается иной мир. Закон повелевает и запрещает. А в благодати открывается источник новой силы. Здесь уже нет запрета, который сажает человеческую волю на цепь или ставит ей барьер, а здесь есть имманентная, внутренняя сила, которая побуждает его к творчеству, к добру, к красоте, к самоотвержению» [4, с. 9]. В этом плане можно вспомнить работу Бориса Вышеславцева «Этика преображенного Эроса».

По мнению Александра Меня, Владимир Соловьев блестяще раскрыл антитезу закона и благодати в своей книге «Духовные основы жизни», о которой, в свою очередь, размышлял митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» в 11 веке [4, с. 9]. По мнению отца Александра, книгой это назвать нельзя, это «слово», небольшое эссе, по-нашему. Он пишет, что обращается к людям, которые понимают суть вопроса, образованным людям. То есть у него уже тогда была серьезная аудитория, с которой он мог говорить о таких сложных вещах [4, с. 9]. Александр Мень считает, что в дальнейшем русская религиозная мысль выражалась преимущественно в нравственном русле, через блестящие проповеди, образцом которых служили византийские творения, проповеди Смолятича или Кирилла Сурожского. Здесь ставились вопросы, самые важные для человеческой жизни: о том, что есть добро и что есть зло. Вопросы, которые актуальны всегда [4, с. 9].

А.В. Мень считает, что для правильной оценки любой культуры необходимо внутреннее сопереживание, вчувствование и понимание сущности и подлинной динамики другого человека и соответственно других культур. Как мы уже отмечали, в творчестве А.В. Меня происходит не эклектическое создание универсальной обезличенной религии, а глубокое уважение к культурным и национальным особенностям религиозных проявлений [1-3]. Отец Александр Мень отмечает, что во Христе «нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного». То есть христианское умение любить, уважать, чтить другие народы является не каким-то праздным дополнением, а жизненной необходимостью, потому что полнота культуры раскрывается в совместном творчестве разных народов. Глубоко человечным рисуют Христа евангелисты. На глазах Его видели слезы, видели, как Он скорбит, удивляется, радуется, обнимает детей, любуется цветами. Речь Его дышит снисходительностью к слабостям человека, но Своих требований Он никогда не смягчает, оставаясь самим собой. При этом, находясь в гуще жизни, Он одновременно как бы пребывает в ином мире, в единении с Отцом [5, с. 39].

Иисус Христос ставит на первый план то, что при виде слабостей ближнего мы должны не выносить ему приговор, а сострадать, памятуя о собственной греховности. Ожидая прощения от Бога, человеку нужно учиться прощать самому. «Хорошо ли поступит тот человек, который, получив от царя прощение большого долга, сам окажется безжалостным кредитором и бросит своего товарища в долговую тюрьму?». Например, мытари, которых не признавали за людей, и уличные женщины нередко оказывались в числе тех, кто окружал Христа. Это шокировало добропорядочных книжников, кичившихся своей праведностью. Слыша их нарекания, Иисус

говорил: «Не здоровым нужен врач, а больным. Пойдите и научитесь, что значит: «милосердия хочу, а не жертвы». Для А.В. Меня это необходимо взять за основу [5, с. 51].

По мнению мыслителей русского религиозного Ренессанса, в христианстве отбрасывается ветхозаветный постулат «око за око – зуб за зуб», ставится на первый план внутренняя составляющая закона, призыв любить врагов и побеждать зло добром. «Это высший подвиг и проявление подлинной силы духа, уподобление Самому Творцу» [5, с. 55].

А.В. Мень в своих работах особо акцентирует внимание на том, что такие ветхозаветные пророки, как Исайя, Иеремия, говорили о «Дне Господнем», когда кончится царство зла среди людей. Но именно поэтому пророки не собирались мириться с язвами общества. Духовному взору Исайи преподносилось явление Помазанника, через Которого Сущий установит Свое Царство. Тогда все народы оставят идолов и преступные дела. Бог «отрет каждую слезу», и земле снова будет возвращен Эдем. Пророк Иеремия связывал конец старого мира с Новым Заветом, который будет начертан уже не на каменных скрижалях, а в душах людей, и «все народы познают вечную правду» [5, с. 34-39].

По мнению А.В. Меня, пророков нельзя называть социальными утопистами. Так, если Платон разработал проект режима с общностью имущества и контролем правительства над всеми сферами жизни, а философ Ямбул мечтал о Городе Солнца, где все будут равны, то пророки знали, что одних только внешних перемен недостаточно, поэтому ставили на первое место веру в реализацию человеком нравственных задач. По мнению А.В. Меня, Иисус Христос принес миру не новые философские доктрины или проекты общественных реформ. Он в корне изменил самое отношение людей к Богу, открывая им истину о том, что единение с Творцом есть великая радость. Проповедь Иисуса Христа обращена не к «толпе», «муравейнику», а к личности. В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов. Поэтому Христос придает такое значение отдельным судьбам. В любом человеке заключен целый мир, бесконечно ценный в очах Божиих [5, с. 46].

По мнению А.В. Меня, любовь Божия не нарушает свободу как главное свойство человеческой личности (Н.А. Бердяев). А.В. Мень считает, что Бог подобен хозяину дома, который зовет всех к себе на пир и для которого гости – великая радость. Еще яснее выразил Христос эту мысль в притче о блудном сыне [5, с. 47]. Если, как говорится в притче Христовой, даже бессердечный судья не смог отказать бедной вдове, которая неотступно просила его, то откажет ли любящий Отец тем, кто обращается к Нему с мольбой? А.В. Мень

отмечает, что в молитве важна уверенность, что человек будет услышан [5, с. 49].

А.В. Мень отмечает еще один важный аспект, что последняя книга Библии – «Апокалипсис Иоанна» – является предупреждением человечеству о том, что, если оно будет пренебрегать Заветом Любви, его ждет возмездие. Но не потому, что Бог будет его наказывать. Для А.В. Меня это – примитивное представление о Боге. А потому, что Он создал нравственный миропорядок, в результате которого добро все равно будет торжествовать. Также А.В. Мень заключает, что, по существу, Божий Суд совершается в истории постепенно и «незаметным» образом и в исторической перспективе мир должен пройти через «очистительный огонь» правды Божией [5, с. 133]. Данное мнение Александра Меня роднит его с отцом Сергием Булгаковым.

Таким образом, соединение с культурой русского религиозного Ренессанса в творческом наследии А.В. Меня проявляется в акценте на главенстве любви, внимании и уважении к человеческой личности, добром отношении ко всему живому. Как и мыслители русского религиозного Ренессанса, он выступает за сближение национальных культур и религий на основе глубокой человечности, справедливости и любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремин А. А. Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков / А. А. Еремин. – М.: Carte Blanche, 2001. – 496 с.
2. Илюшенко В. И. Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе / В. И. Илюшенко. – М.: Пик, 2000. – 496 с., ил.
3. Мень А. В. Быть христианином (интервью и последняя лекция) / Составитель Марк Макаров / А. В. Мень. – М.: Anno Domini, 1994. – 32 с.
4. Мень А. В. Русская религиозная философия / А. В. Мень. – М.: Фонд имени протоиерея Александра Меня, 2002. – 279 с.
5. Мень А. В. Сын Человеческий / А. В. Мень. – М.: Фонд имени протоиерея Александра Меня, 1998. – 256 с.

АННОТАЦИЯ

Миргородский А.А. Русский религиозный Ренессанс и творчество Александра Меня.

В статье рассматривается содержание основных концептов в творчестве Александра Меня на фоне философии русского религиозного Ренессанса. Используя метод историко-философского анализа, опираясь на творческое наследие Александра Меня и мыслителей русского религиозного Ренессанса, мы делаем вывод, что свобода на основе любви – главная характеристика и идеальное проявление личности, мерило ее духовности.

Ключевые слова: свобода; религиозная философия; любовь; личность; творчество; закон; благодать.

SUMMARY

Mirgorodskiy A.A. The Russian religious Renaissance and the creativity of Alexander Men.

The article discusses the content of the main concepts in the creativity of Alexander Men on the background of the philosophy of Russian religious Renaissance. Using the method of historical-philosophical analysis, drawing on the creative legacy of Alexander Men and the Russian religious thinkers of Renaissance, we infer that freedom on the basis of love is a major feature and perfect manifestation, a measure of spirituality of a personality.

Key words: freedom; religious philosophy; love; personality; creativity; law; grace.

Ирина Александровна Навка
кандидат исторических наук, доцент
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 316.61/77

РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Современность невозможно представить без этого неоднозначного явления. Сегодня реклама прочно вошла в нашу жизнь, нравится нам это или нет. Реклама достигла такого размаха именно в XX веке потому, что, будучи включенной в средства массовой коммуникации, она стала прогрессировать вместе с ними. Реклама все чаще вмешивается в жизнь человека, управляя им на осознанном и бессознательном уровнях. Реклама пропагандирует не только товары, но и тенденции, ценности, идеалы, моду, что является причиной глобального влияния на характер жизни и мыслей человека. Например: использование копирайтерами худых моделей в печатной и телевизионной рекламе привело к моде на худобу, а также стало причиной появления таких болезней, как булимия и анорексия. Именно это колоссальное и неявное влияние характеризует рекламу на этом этапе её развития. Реклама – одна из социальных сфер. Она является не только мощнейшим инструментом торговли, но и неотъемлемой частью современной социальной культуры. Именно поэтому большой интерес представляет реклама для социологов.

Среди отечественных исследователей социо- и психолингвистические особенности рекламы изучаются Ю.А. Сорокиным, П.Н. Землянским, И.П. Моисеенко, О.В. Анопиной, О.И. Красновым, А.А. Леонтьевым, О.И. Негневицким, А.М. Шахнаровичем, Е.Ф. Тарасовым. Особое внимание обращено на рекламу, как инструмент маркетинга в работах Т.В. Колисниченко, И.Л. Викентьева, Ф.А. Котлера.

Однако, несмотря на то, что проблема рекламы исследуется достаточно широко, вне внимания остаётся освещение вопроса формирования новых социокультурных стереотипов под ее воздействием, что и объясняет актуальность данной статьи. Основная цель нашего исследования – анализ изменений мировосприятия в современном обществе под влиянием рекламы.

Реклама сегодня прочно вошла в нашу жизнь. Иногда мы реагируем на нее, иногда нет. Иногда мы положительно смотрим или читаем ее с интересом. Иногда стремимся скрыться от нее, что в наших нынешних условиях достаточно сложно. Иногда реклама информирует, иногда убеждает, развлекает или заставляет скучать, но она подспудно влияет на нас, не только заставляя делать покупки, но и изменяя наше поведение.

Реклама – это весьма важный и тонкий рыночный инструмент. За свою длительную историю реклама качественно эволюционировала. Она прошла путь от информирования к увещеванию, от увещевания – к выработке условного рефлекса, от выработки условного рефлекса – к подсознательному внушению, от подсознательного внушения – к проецированию символического изображения. Реклама последовательно добивалась сначала сознательного, обдуманного восприятия покупателем рекламного образа, затем автоматического совершения покупки. Теперь рекламе от покупателя требуется согласие, пусть неосознанное, но реальное.

Арманд Дейян в в своем ставшем уже классическим труде «Реклама» выделяет трансляционную и посредническую функции рекламы. Причем, он выводит свое очень интересное понимание рекламы как однонаправленного действия, агитирующего в пользу кого-либо или чего-либо. Здесь даже не употребляются слова: «рынок», «сбыт», т.е. дается широкое, почти философское понимание термина.

С ним перекликается мнение ряда других авторов, которые отводят рекламе свое, особое место. Где-то между творчеством, религией и торговлей. «Реклама – хорошо пересказанная правда», – утверждает в работе «Современная реклама» Бове Арепс [2, с. 34]. Но еще дальше пошел В.В. Маяковский, который в начале прошлого века воскликнул: «Реклама – это имя вещи. Думайте о рекламе». Здесь, как мне кажется, высказывающиеся хотели сказать о творческом,

просветительском и развивающем значении рекламы. Интересно, что М. Маклюэн считал рекламу самостоятельным каналом массовой коммуникации, наряду с прессой, радио и телевидением. Он, в частности, пишет о том, что реклама предназначена для того, чтобы оказывать влияние на расстоянии, как при телепатии. По его мнению, реклама представляет необычайный вид энергии.

Среди американских социологов является практически неоспоримым тезис о том, что реклама формирует ложные потребности. Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что практически все исследователи рекламы отводят ей важную роль в социальной жизни современного общества.

Обобщив все вышесказанное, можно сделать вывод, что реклама является, прежде всего, формой массовой коммуникации, которая становится средством социально-психологического воздействия. Эта форма опирается на опосредующие носители информации; ее целью является создание позитивного или негативного отношения получателя информации к сообщению, а также формирование определенной направленности процесса принятия решений.

Что качается общественного сознания, то, как известно – это сознание масс людей конкретного общества, отражающее условия их повседневной жизни, потребности, интересы. Оно включает в себя распространенные в обществе идеи, взгляды, представления, иллюзии, социальные чувства людей. Между индивидуальным и общественным сознанием нет твердых границ. Напротив, между ними происходит постоянное взаимодействие. Исторически выработанные обществом нормы сознания становятся предметом убеждений личности, источником нравственных предписаний, эстетических чувств и представлений. Общественное сознание существует, как факт сознания только через свою приобщенность к реально функционирующему сознанию индивида. Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что влияние на сознание конкретного человека, а тем более, на сознание массы людей, естественным образом будет отражаться на общественном сознании.

Прежде всего, возможности влияния манипуляции в рекламе опираются на такой психический процесс, как принятие решения. Таковым является выбор из имеющихся альтернатив. Особенность этого процесса состоит в том, что всегда сравнивается нечто представленное сознанию, а не то, что находится за его пределами. Если ставится задача управлять сознанием, то человеку предлагают те аргументы, которые нужны именно суггестору, внушателю.

Рассмотрим различные суггестивные подходы.

1. Психоаналитически ориентированные подходы

С середины XX в. применение массового психоанализа стало основой содержанием нового направления в рекламе. Исследования

показывают, что реклама, использующая технологии воздействия на подсознание, не создает новых потребностей, но она эффективна в области принятия решений.

Реклама широко обращается к подсознательным мотивам, например в транзактном анализе с его разделением личности на три части – внутренних ребенка, взрослого, родителя. Огромное количество рекламных роликов конструируется именно с этой позиции. Например, одна из функций внутреннего Ребенка – развлекаться. Следовательно, отдых и развлечения для взрослых, азартные игры успешно рекламировались с участием «актуального ребенка». Связь «внутренняя часть личности – реальное обозначение» напрашивается сама собой. Одна из функций внутреннего Родителя – следить за порядком и соблюдением традиций. Ежедневно чистить зубы, например, человека заставляет именно родительская часть личности. Поэтому рекламу зубной пасты, вполне понятно, делают через показ отношений реальных родителя и ребенка.

Часто говорится о том, что социальные программы управляют людьми, которые начинают действовать, часто не осознавая мотивов своих действий. Эти программы позволяют включаться на ключевое слово, символ, знак и т.д. и детерминировать, то есть определять поведение человека. Опишем один из механизмов воздействия рекламы на потребителя, чтобы понять социальное значение данного феномена. Суть его состоит в следующем: помимо основного канала, несущего текст рекламного сообщения, может существовать еще один канал воздействия на психику потребителя. Это так называемое «коллективное бессознательное», которое управляет коммуникацией и поведением всех участников рекламного взаимодействия, но самого факта программирования в ряде случаев не осознают ни рекламодатель, ни потребитель, ни даже производитель рекламы.

2. Гипнотический подход

В гипнотических подходах широко применялись результаты исследований, всплеск которых имел место в США после второй мировой войны, когда четко обозначился интерес к манипуляции сознанием, особенно в сфере рекламы.

Суггестия или внушение – это процесс воздействия на психику человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания, не требующий ни развернутого личного анализа, ни оценки побуждений к определенным действиям. Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а через них – на его волю и разум. Следует иметь в виду, что разные люди обладают разной степенью внушаемости. Психологи утверждают, что внушаемость зависит от ряда факторов, к числу которых относятся: неуверенность, робость,

низкая самооценка, впечатлительность, слабость логического анализа.

Вот некоторые из приемов суггестии:

1. *Конкретность и образность ключевых слов.* Использование слов, смысл которых конкретен, содержание которых легко себе предоставить, существенно повышает эффект внушения. А вот абстрактные понятия резко снижают силу внушения.

2. *Избегание отрицательных частиц «нет» и «не».* Психика человека сопротивляется им, настораживая, вызывая сомнения. Одно дело в рекламе лекарственного средства заявить «Вы не будете болеть!» и совсем другое «Оно исцелит Вас!».

3. *Речевая динамика.* Одно из сильнейших средств суггестии. Основные приемы речевой динамики, способные повысить суггестию речи: мягкость и сила голоса; богатство интонаций; паузы; высокий темп речи. По наблюдениям психологов, в рекламных целях выигрышнее использовать мужской голос, особенно низкий, «бархатный».

Существует множество *техник наведения трансового состояния*, используемых в рекламном деле, а именно: показ трансового поведения; возрастная регрессия; использование естественных трансовых состояний; перегрузка сознания; разрыв шаблона; использование полной неопределенности, непредсказуемости; техника рассеивания; обращение к авторитету и др.

Остановимся на некоторых из них немного подробнее. Как известно, одна из основ быстрого наведения транса в психотерапии, с успехом перенесенная в практику рекламного дела, – *показ трансового поведения*, показ готового поведенческого образца того, как надо реагировать на внушение. Когда в рекламном фильме показывают или в рекламном тексте описывают трансовое поведение одного или нескольких персонажей при встрече с рекламируемым товаром, то тем самым осуществляется проекция того, что реальные люди, покупая именно этот товар или осуществляя иное действие, отраженное в рекламе, будут вести себя предписанным образом.

Естественные трансовые состояния используются в сюжетах роликов через показ состояния после пробуждения (обычно применяют в рекламе кофе, и спальной мебели) и состояния перед засыпанием, в сериях «отдыха у воды» (рыбалка, пляж) – персонажи смотрят на водную поверхность, показ утомительного путешествия в автомобиле, в автобусе; показ персонажей, рассеянно созерцающих картины природы, рассматривающих небо. Словесные описания: «комфорт, уют, покой, расслабленность».

Наведение транса через *перегрузку сознания* достигается в сюжетах фильмов через показ двух одновременно говорящих

персонажей, быстрое и хаотичное чередование картинок в кадре и в сочетании с быстрой речью и т.п.

Психологам хорошо известно, что бездумное стремление к достижению цели не всегда помогает достичь ее. Так, лобовая реклама, основанная на прямом призыве «Покупайте! Это хороший товар!» – звучит не очень убедительно, даже если товар действительно хорош. Наше мышление, как правило, отторгает ее. Люди чаще начинают верить рекламе, когда узнают о качествах товара как бы невзначай, когда они как бы само собой подразумеваются. В этом случае нам не с чем и не с кем спорить. Мы просто должны пойти и купить то, без чего не может существовать нормальный современный человек. Даже если человеку и не нужна рекламируемая вещь, он не скажет, что она плохая. Ему такая мысль даже не придет в голову.

Прочное запечатление в памяти «очевидных» вещей составляет суть латерального программирования психики. Когда человеку убежденно говорят то, что выглядит как само собой разумеющееся, не требующий доказательства факт, он часто теряет способность критически оценить ситуацию. Латеральное программирование воздействует на поведение человека непосредственно, то есть помимо его сознания, а следовательно, и воли. Главное в латерально сконструированных высказываниях всегда остается как бы сбоку и принимается людьми как нечто очевидное. Существует как бы второй или двойной план в высказываниях, который практически не воспринимается и не осознается, он минует сознание человека, он не подвержен рефлексии, в то время, как к основной теме разговора человек относится субъективно, соглашаясь или не соглашаясь с собеседником. Латеральное программирование психики – метод манипулирования сознанием другого человека и он находит самое широкое применение, как в практике идеологического воздействия, так и в практике рекламного воздействия.

3. Подход нейролингвистического программирования (NLP)

Самое важное открытие в NLP: в опыте человека нет ничего, кроме зрительных образов, звуков и ощущений. И у каждого человека есть свой собственный способ создания «карты» реальности: в картинках, звуках или чувствах и ощущениях. С позиции NLP в рекламном сообщении необходимо использовать все три системы восприятия.

Современный российский исследователь М.А. Ариарский в своей работе выводит рекламу как «доминанту в формировании массового сознания» [4, с. 49]. Свою точку зрения он аргументирует тем, что реклама формирует в общественном сознании стандартные социально-престижные образы, навязывает определенный стиль жизни, интересы и потребности. Она заставляет нас тянуться за выдуманными образцами внешности, поведения, образа жизни, организации досуга. Секрет её влияния содержится в особенностях

человеческой психологии, а точнее – в механизме уподобления. То есть, на подсознательном уровне реципиент отождествляет рекламного героя с собой и пытается ликвидировать разницу через уподобление. Этот механизм делает использование рекламного героя как элемента рекламы вообще очень использованным.

Реклама, которая создает привлекательный образ и направленная на определенную аудиторию, довольно эффективна. Она оказывает большое влияние на формирование уровня и стиля потребления, образа жизни, моды и т.п. В Великобритании было проведено исследование о влиянии рекламы. Выяснилось, что каждый четвертый британский школьник признал: на протяжении последнего года он так или иначе преступал закон. Среди причин отмечается отрицательное влияние рекламы, которая пропагандирует владение материальными «статусными» вещами, т.е. атрибутами рекламного образа. Ситуация может становиться более серьезной, когда высказывание звучит из уст лица, которое является авторитетным для подростков. На оценку восприятия ими информации в значительной мере влияют такие социально-психологические механизмы, как престиж коммуникатора, который начинает действовать до контакта личности с источником информации.

Реклама – это миф. Поэтому все характеристики мифа, которые даны по работам философа А.Ф. Лосева, применимы к рекламе. Миф – это реальность для современного человека, это, если вспомнить работу А.Ф. Лосева «Диалектика мифа», «общее простейшее дорефлективное интуитивное взаимоотношение человека с другими объектами» [3, с. 113]. Поэтому реклама часто бывает очень наивной – но таковы общественные потребности. Не случайно самая знаменитая книга российского теоретика рекламы Б. Ульяновского называется «Мифодизайн рекламы».

Отметим некоторые метаморфозы, случившиеся с нашим обществом за последние несколько лет:

- стиль быстрой еды на улице;
- потребление пива и других напитков на ходу: на улице, в транспорте;
- употребление в пищу ранее нетрадиционных для нас продуктов (йогурт, чипсы);
- появление новых стереотипов в питании домашних животных;
- навязывание культа успеха и материального благополучия;
- появление своеобразного культа гигиены полости рта: от профилактических и отбеливающих зубных паст, жвачек до различных стоматологических клиник;
- изменение сферы досуга: ночные клубы, вечеринки, модные кинотеатры, отдых за границей (новые ценности и правила поведения);

• совершение покупок, появилось понятие «шоппинг» как форма проведения досуга;

• публичное обсуждение проблем безопасного секса;

• изменение языка общения: появление новых выражений, афоризмов и устойчивых сочетаний, прочно вошедших в обиходную речь из рекламы.

«Сникерс» позиционировали как быстрый перекус, (полон орехов, съел – и порядок), так он позиционируется в США и до сих пор, а у нас шоколадом не перекусывают, даже если он полон орехов, у нас перекусывают бутербродом. Шоколад у нас всегда был лакомством, ассоциировался с праздником, а никак не дополнение к тяжелой мужской работе. Кроме того, еще совсем недавно есть на улице было просто табуированным процессом, чем-то неприличным, на грани дурного вкуса. Сейчас жующий на улице подросток, или даже взрослый никого не удивляет. Темп жизни изменился и реклама очень удачно на этом сыграла. Шоколадный батончик, удобно зажимаемый в руке – не десерт, а незначительный перекус для тех, кто считает себя молодым.

Таким образом, реклама изменяет менталитет человека и общества: правила поведения, социальные нормы, привычки. При этом 80 % населения заявляет о своем отрицательном отношение к рекламе и признается, что при ее появлении переключает на другой канал или занимается домашними делами. Но, тем не менее, мы постоянно наблюдаем изменения поведенческих стереотипов под влиянием рекламы. Реклама вызвала гиперизменения в массовом сознании: мы стали лучше следить за своей внешностью (зубы, кожа, волосы),по-другому вести себя в межличностных отношениях. Помимо прямых функций реклама имеет и скрытые, например, рекламируя порошки, пасты и гели для чистки поверхностей, нам внушают мысль об идеальном доме: в нем ежедневно отчищают плиту, кафель, раковину, унитаз. Таким образом, создается замкнутый круг: они моют средством «...», следовательно, они моют ежедневно средством «...», таким образом, они хорошие хозяйки, поэтому они ежедневно моют. Вывод: если ты хочешь показать себя хорошей хозяйкой, то ты пользуешься средством «...». Но даже если ты не пользуешься средством «...», будучи хорошей хозяйкой, ты должна иметь дома чистую раковину, плиту, унитаз и т.д.

Таким образом, неоспоримым является тот факт, что реклама все чаще вмешивается в жизнь человека, управляя им на осознанном и бессознательном уровнях. В условиях социокультурной трансформации нашего общества изучение рекламы с точки зрения социологии приобретает все большее значение, так как сегодня реклама является частью повседневной общедоступной культуры, информационной составляющей

коммуникационных процессов и выступает одним из показателей развития общества. При этом реклама постоянно выходит за рамки коммерческих интересов и навязывает потребителям систему определенных стандартов, точку отсчета жизненных ценностей, мировоззренческих идей и представлений. Иначе говоря, реклама как общественный феномен распространяет свое влияние не только на экономическую сферу человеческих отношений, но и влияет на социальное обращение, ценностный выбор и психологический комфорт личности.

Заметим, что реклама действует на потребителей тем сильнее, чем больше в них внутреннего соответствия, готовности принять новые сведения. Если этой готовности нет, то, по теории когнитивного диссонанса, потребители или отказывают в доверии источнику информации, или просто блокируют ее, используя более подходящие источники. Однако у каждого человека в подсознании сохраняются образы, на которые хотелось бы равняться или, как минимум, которые для нас является чем-то привлекательными. Подбирается определенный образ, исходя из типичных преимуществ обычного читателя или зрителя, который выполняет какие-то действия, проговаривает весомые слова, и люди, как-то говорят, «ведутся».

Как и в любой ситуации, для человека, как для социального существа, важным информационным фактором формирования его поведения являются искусственные или естественные образы, которые генерируются обществом как непосредственные ценностные ориентации для каждого члена этого общества в зависимости от его социального положения и общей позиции. С развитием массмедийних средств коммуникации эти образы стали более распространенными и более гибкими, их стало значительно легче контролировать и применять в коммерческих или других интересах определенной группы людей или целой социальной системы. Современная реклама становится могущественным инструментом и оружием, которое может быть использована в разных, иногда, совсем далеких от общечеловеческой морали целях. Конечно, человек не всегда воспринимает буквально тот или другой стереотип поведения, которое навевается рекламой, но глубокое влияние она все же имеет на каждого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейян А. Реклама / А. Дейян. – М.: Владос, 1993. – 576 с.
2. Дональд У. Основы рекламного дела / У. Дональд, И. Гордон. – Самара: Евразия, 1996. – 415 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1976. – 606 с.

4. Пушкарёв Н. Искусство рекламы / Н. Пушкарев. – Казань, 1992. – 317 с.

АННОТАЦИЯ

Навка И. А. Реклама как средство социокультурного влияния на современное общественное сознание.

В статье рассматривается реклама как феномен современного общества, являющийся одновременно причиной и следствием социокультурных трансформаций. Подчеркивается, что влияние рекламы на общественное сознание основывается на суггестии, т.е. непрямом внушении. Среди различных суггестивных подходов выделяются и анализируются такие, как психоаналитически ориентированные подходы, гипнотический подход, подход нейролингвистического программирования.

Ключевые слова: реклама, манипуляция, социокультурные трансформации, общественное сознание.

SUMMARY

Navka I.A. Advertisment as a mean of social-culturological influence to modern social consciousness.

In the article it's considered advertisment as a phenomenon of modern society, and as a result of socio-cultural transformations. It's underlined the basic meaning of suggestion (first of all inderectional) in the effect of advertisment. Among the other ways of suggestion it's considered such as psyhoanalitical and hypnotical methods, hupnosis by Ericson and neurolonguistical programming.

Key words: advertisment, manipulations, sociculturaltransfomations, social consciousness.

Юрий Александрович Никулин
ассистент кафедры философии и истории
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 94(47)«1914/1918»

ДОНБАСС И ЮЖНОРОССИЙСКИЕ ГУБЕРНИИ В НЕМЕЦКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Затяжные военные конфликты не бывают спонтанными. Определенной долей спонтанности могут быть наделены кратковременные вооруженные конфликты, однако война любит холодный рациональный расчет и жестоко карает тех, кто им пренебрегает.

Любой вооруженный конфликт, тем более конфликт глобального масштаба, требует консолидации всех государственных ресурсов, в широком смысле этого слова, в единое русло. Соответственно, «гамбит» должен быть окуплен и обратиться для государства приумножением ресурсов, пусть и в потенциальной плоскости. Поэтому военным конфликтам предшествует длительный этап подготовительного планирования и просчета геополитических векторов дальнейшего воздействия.

Конечно же, геополитические интересы государств нередко реализуются и в дипломатической плоскости, это значительно сокращает расходы ресурсов, но пропорционально сокращаются и приобретенные ресурсы. Война более продуктивный и более естественный для человека способ реализации геополитических потребностей. В данном контексте естественность войны – это не попытка апелляции к философии Гоббса и других сторонников «общественного договора», ведь речь не о войне всех против всех. Естественность войны связана с ее неотрывностью от исторического процесса, в котором, будучи крайней мерой решения противоречий, она является залогом развития, так как развитие и есть преодоление противоречий. Война – неотступный попутчик человека, принесенный им из животного мира, но при этом и внушительно модернизированный пропорционально увеличению разрыва между человеком и животным миром. В противном случае, война бы не пережила испытания тысячелетий, а превратилась бы в еще один рудиментарный пережиток человеческой истории.

В этой связи, непосредственно, боевые действия несут второстепенный характер, ведь их результаты закрепляются дипломатическим путем и именно это поприще является основным для реализации геополитики. Еще Карл фон Клаузевиц в трактате «О войне» писал: «Целью любой войны является мир на условиях, благоприятных для победившей стороны».

Стоит отметить, что сущность понятия «геополитика» в интересующий нас период в значительной мере отличалась от принятой на сегодняшний день его интерпретации. Геополитика, так или иначе, фигурировала в трудах мыслителей, начиная с периода древности, однако само понятие было сформировано на рубеже XIX и XX века шведским политологом Рудольфом Челленом. И дефиниция этого понятия в полной мере соответствовала требованиям, а главное, самому «духу» своего времени, в особенностях которого мы и попытаемся разобраться, ведь именно он ведет нас к беспрецедентно новому событию в истории человека – Первой мировой войне.

Не стоит искать истоки Первой мировой войны в Сараевском убийстве или Балканских войнах. Конечно, «пороховая бочка Европы» стала приводным механизмом и катализатором войны,

причины которой, однако, крылись гораздо глубже. Первой отправной точкой для будущей войны стало 18 января 1871 года, когда в Версале была провозглашена Германская империя во главе с кайзером Вильгельмом I и главным идеологом ее создания, «железным» канцлером – Отто фон Бисмарком. Судьбоносность этого события не ограничилась пределами Германии, а стала непосредственной угрозой для Европы и мира в целом, ведь объединенный под прусской властью Рейх возвел хищный прусский милитаризм в ранг государственной идеологии. Еще до недавнего времени отстающая по темпам экономического роста Германия, заполучив в результате трех последовательных войн потенциально сильные экономические районы и внушительную контрибуцию, образовала мощнейший базис для реализации тех самых милитаристских настроений.

Если еще в 60-е и 70-е годы XIX века Германия по описанию Ленина была «жалким ничтожеством, если сравнивать ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии» [6, с. 281], то менее чем за полтора десятка лет с основания Германской империи, она начинает в значительной мере вытеснять ту же Англию с ее позиций во внешней торговле, что подтверждается выводами английской специальной парламентской комиссии, изучающей причины падения британской внешней торговли [5, с. 29].

Второй причиной является то, что Германия, как и остальные крупные европейские страны, вступает в монополистическую ступень развития капитализма, при которой свободная конкуренция сменяется господством монополий. Если в условиях домонополистического общества развитие капитализма происходило относительно равномерно, одни государства, опережая другие в темпах экономического развития, имели возможность расширения за счет колониальных захватов, при этом не вызывая военных столкновений в мировом масштабе, ограничиваясь лишь колониальными войнами. То в условиях монополистической стадии капитализма развитие происходит скачкообразно и неравномерно, при этом завершенным является и процесс раздела территории планеты крупнейшими капиталистическими государствами. Соответственно, любая держава, переживающая скачок экономики, будет требовать расширения территории для реализации в полной мере своего экономического потенциала, сможет это сделать, лишь насильственно отнимая земли других государств.

Именно в этих условиях и рождается геополитика, и именно в этот период она впитывает в себя «дух времени», который постепенно ведет нас к Первой мировой войне. Немецкий геополитик, профессор Адольф Грабовский писал, что для появления геополитики «должна наступить эпоха империализма, в которую как в области политики,

так и в области экономики господствует стремление к пространству» [1, с. 17].

«Стремление к пространству» стало краеугольным камнем для политики Германской империи конца XIX-XX вв., ведь в период монополистического капитализма резкий скачок немецкой экономики жестоко ограничивался отсутствием колониальных сырьевых придатков и рынков сбыта. «Колонии, которые Бисмарк успел захватить с середины 80-х годов, были малоценны и незначительны. Вскоре Бисмарку пришлось отказаться от дальнейших захватов, ибо его агрессивная политика в Европе крайне осложнила международное положение Германии» [5, с. 44]. Соответственно с законом неравномерного экономического и политического развития капитализма происходит диссонанс между существующим разделом мира и соотношением сил на капиталистическом мировом рынке, именно этот диссонанс поставил Германии прямую необходимость искать, по заветам фон Бюлова, свое «место под солнцем».

Несмотря на то, что Германский Рейх «к 1912 году превратился в колониальную империю, размеры которой были в шесть раз больше размеров метрополии» [4, с. 93], удельный вес этих колоний был слишком мал для реализации немецкого экономического и политического потенциала в мировой капиталистической системе. Для сравнения: на 1914 год территория колониальных владений Германии составляла 2,9 млн. кв. км, а население колоний – 12,3 млн. жителей; Англии – 33, 5 млн. кв. км и 393,5 млн. жителей; Франции – 10, 6 млн. кв. км и 55,5 млн. жителей соответственно [6, с. 245].

Эти данные весьма красноречиво иллюстрируют, насколько кайзеровская Германия была ограниченна в «месте под солнцем» и дают нам понимание того, почему географический детерминизм стал основой немецкой геополитики. Ранее мы говорили о том, что термин «геополитика» вводит Рудольф Челлен, но его идеи основывались на трудах Фридриха Ратцеля, особо интересующего нас в контексте данной тематики. «Без Ратцеля это развитие геополитики было бы немыслимо. Поэтому Челлен, например, или кто-либо другой не может быть назван, как это иногда случается по невежеству, отцом геополитики. Им является Ратцель» [2, с. 617]. Именно с подачи Ратцеля в научный обиход входит термин «жизненное пространство на Востоке».

Восток в немецкой идеологии имел важное стратегическое, если не сакральное значение. Именно с Востоком связанны ключевые для германской геополитики понятия: «жизненное пространство», «Натиск на Восток», «Остфоршунг». Эти понятия активно развиваются именно в период конца XIX – начала XX века, в связи с прямой необходимостью обоснования экспансионистских намерений. Однако и с поражением Германской империи в

ПМВ, они еще длительное время будут сохраняться в немецкой геополитической мысли, получив новый виток развития в период Третьего Рейха.

Что же вкладывали в понятие «Восток» немецкие геополитики? Под доктрину «Натиска на Восток» попадали территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Однако ключевую роль в этой доктрине играли территории Российской империи. Демографическая ситуация в Германии в частности и Западной Европе в целом пребывала в кризисном состоянии в связи с перенаселением, Россия же, со сравнительно низким уровнем урбанизации и плотности населения, представляла собой выгодный объект для колонизации. Естественно, территории Российской империи интересовали Германию не только как потенциальный плацдарм для решения демографического кризиса: ряд российских земель имел первоочередное стратегическое значение, исходя из географического положения и ресурсно-промышленной базы. Среди них стоит отметить ряд превалирующих векторов: «в среде господствующих классов Германии укореняется взгляд, что Россия, в особенности ее богатые южные области, прилегающие к Черному морю до Кавказа, и прежде всего прибалтийские провинции, призваны стать колониальным придатком германского империализма» [5, с. 204].

В обоих случаях особый интерес немецких колонистов представляют два промышленно важных региона, в индустриализации которых активное участие принимали германские капиталисты. Трудно вычислить какова была доля этого капитала в акционерных обществах балтийского региона, а какова – сосредоточена в промышленности южных губерний России, но по общему количеству капитала Германия в российской промышленности занимала третье место, что составляло 219,3 млн. рублей на 1900-й год [8, с. 15]. Помимо сугубо экономической выгоды, колонизация данных регионов позволила бы Рейху значительно укрепить свои внешнеполитические позиции.

Отдельно остановимся на «южном» направлении геополитических интересов Германии, ведь его территориальные рамки включают и наш регион. В сферу немецких интересов попадали весьма обширные территории, географически располагающиеся на юго-западе Российской империи, включающие в себя: Поднепровье, Северное Причерноморье, Крым, Донбасс, Приазовье, Нижнее Подонье и Кавказ. Притязания на эти земли, помимо прочего, обосновывались тем, что в IV веке эти территории (за исключением Поднепровья и Кавказа) были колонизированы в ходе Великого переселения народов германскими племенами остготов и герулов, что подробно описано Иорданом.

Колонизация региона не была эфемерной геополитической идеей, а имела вполне действенные пути реализации без применения военного вмешательства. Реализовалась она через немецких поселенцев – фольксдойче, которые «поощряемые германским правительством, а также пользуясь поддержкой генерального штаба, который был заинтересован в создании «опорных пунктов» на территории России, устремлялись на Украину и в Крым, оседая там компактными массами, преимущественно вдоль железных дорог, имевших стратегическое значение» [5, с. 204]. Поселения колонистов являлись форпостами немецкого национализма, и в случае военного вторжения германских частей, должны были предоставить им широкую поддержку, фольксдойче стали проводниками идей «Пангерманского союза» – идеологического ядра экспансионистских планов германии [5, с. 205]. Для иллюстрации того, насколько планы внедрялись в жизнь, стоит добавить статистические данные переписи 1897 г., исходя из которых, в западных и юго-западных губерниях России проживало 1500 тыс. немцев, среди них 1300 тыс. являлись выходцами непосредственно из Германии и имели двойное подданство [7, с. 210].

Сугубо географически, а географический детерминизм был основополагающим в немецкой геополитике того периода, «южный» вектор интересов Германии имел особое значение, ведь данные территории успешно совмещают в себе целый ряд преимуществ. Первое из них – это исключительное географическое положение на стыке Европы и Азии, Кавказ является стратегически важной «дорогой на Восток», в Азию, колониальная эксплуатация которой стала залогом процветания капиталистической Европы и в разделе которой Германия не участвовала. Кроме того, Кавказ открывал Германской империи выход к тылу колониальных владений основного политического и экономического соперника – Британской империи. При условии владения Черным морем вместе с проливами, учитывая, что Османская империя и Болгария попадают в фарватер германской политики, Рейх получает значительный стратегический перевес, который сильно нивелирует колониальные преимущества Британии.

Второе преимущество – это высокий и сбалансированный экономический потенциал данного направления, как в индустриальной, так и в аграрной сфере. Казалось бы, что в условиях повсеместной индустриализации и монополизации производства, значение аграрного сектора экономики должно отходить на второй план, но основной политической силой Германии по-прежнему является юнкерство – земельная аристократия, для которой аграрная колонизация остается важнейшей составляющей доктрины «Натиска на Восток». В этом

аспекте украинский чернозем и плодородные почвы юга России являются весьма перспективным направлением. Минерально-ресурсная база Донбасса имела колоссальный экономический потенциал и в Германии это прекрасно понимали, именно поэтому немцы, чья скрупулезная практичность стала визитной карточкой народа, вкладывали в развитие его промышленности крупные капиталы. В первую очередь, Донбасс известен своими крупными залежами каменного угля, в Донецком бассейне добывалось 87% угля Российской империи [9, с. 139], в свою очередь, уголь имеет первоочередное значение, ведь является основным топливом, как в промышленной, так и в транспортной сфере. Промышленная база Донбасса также имеет сильный металлургический сегмент, имеющий доступ к собственному сырью и топливу. Среди рудных ископаемых первое место занимает ртутное месторождение, – занимающее третье место в мире и второе в Европе, железные руды представлены маломощными месторождениями, имеющими местное значение, также имеются месторождения цветных металлов. Промышленная база Донбасса имела развитую систему транспортного сообщения, что в значительной мере повышало коэффициент полезного действия промышлености и позволяло сформировать относительно замкнутый цикл производства. Этим и обусловлено особое значение этого направления в немецких геополитических планах накануне Первой мировой войны, реальность этих планов подтверждается значительным количеством фольксдойче заселявших регион со второй половины XIX века, а также тем, что после Брест-Литовского мирного договора именно это направление подверглось военной интервенции Центральных Держав.

Таким образом, геополитика возникает на рубеже XIX и XX века в связи прямой необходимостью обоснования экспансионистских намерений Германской империи, у истоков геополитики стояли Фридрих Ратцель и Рудольф Челлен. В немецкой геополитике накануне Первой мировой войны можно выделить ряд направлений, однако особое место в ней занимают идеи колонизации Востока – доктрина «Натиск на Восток». В восточном направлении геополитических притязаний Германии стратегически важным было направление Поднепровья, Северного Причерноморья, Крыма, Донбасса, Приазовья, Нижнего Подонья и Кавказа. Стратегическое значение этих территории обусловлено исключительно выгодным географическим положением на стыке Европы и Азии, а также весьма высоким и сбалансированным экономическим потенциалом, качественно соединяющим плодородные земли с мощной минерально-сырьевой базой и развитой промышленостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grabowsky A. Staat und Raum / Adolf Grabowsky. – Berlin, 1928. – 107 s.
2. Maull O. Friedrich Ratzel zum Gedachtnis / Otto Maull // Zeitshcrift fur Geopolitik. – 1929. – № 8. – S. 617.
3. Волков В. К. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871-1918 гг. / Под ред. В. К. Волкова. – М. : Наука, 1977. – 322 с.
4. Гейден Г. Критика немецкой геополитики / Гюнтер Гейден. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 307 с.
5. Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века / А. С. Ерусалимский. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 611 с.
6. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22 / В. И. Ленин. – Л. : Государственное изд-во политической литературы, 1948. – 375 с.
7. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II / П. И. Лященко. – Л. : Государственное изд-во политической литературы, 1947. – 682 с.
8. Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П. В. Оль. – Л., 1925. – 35 с.
9. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну / Г. И. Шигалин – М. : Воениздат, 1956. – 332 с.

АННОТАЦИЯ

Никулин Ю.А. Донбасс и южнороссийские губернии в немецкой геополитике накануне Первой мировой войны.

В данной статье рассматриваются особенности геополитики Германской империи на рубеже XIX и XX веков и место Донбасса и юго-западных губерний Российской империи в них.

Ключевые слова: Первая мировая война; геополитика; географический детерминизм; экспансия; «Натиск на Восток»; «жизненное пространство»; «остфоршунг».

SUMMERY

Nikulin Y. Donbass and Southern governorates of Russian Empire in German geopolitics on the eve of the World War I.

This article study specific features of German Empire geopolitics at the turn of XIX and XX centuries and the meaning of Donbass and Southern-West governorates of Russian Empire in it.

Key words: World War I; geopolitics; geographical determinism; expansion; “thrust toward the East”; “living space”; “Ostforschung”.

Ирина Николаевна Петрова
студентка 3 курса, специальности «История»
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
г. Донецк, ДНР

УДК 94(44).027

ПРИМЕНЕНИЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗОВ ЛЮДОВИКА XI И КАРЛА СМЕЛОГО У ФИЛИППА ДЕ КОММИНА

Во второй половине прошлого века история стремительно сдвинулась от традиционных направлений: нарастает тенденция психологизма в историческом познании, в котором одну из приоритетных ролей занимает проблема роли личности в контексте истории. Однако, несмотря на то, что использование биографии исторических личностей как средства исторического познания достаточно активно развивается, многие исследования, посвященные «великим личностям» носят, скорее научно-популярный характер. Причина, по мнению О.Н. Мухина, кроется в недостаточности специального методологического инструментария, позволяющего осуществить научный анализ биографии исторического персонажа [7, с. 3-4]. В связи с этим, становится актуальным применение междисциплинарного подхода в историческом исследовании в сочетании с использованием количественных методов, что позволит всесторонне изучить биографию исторической личности.

В данной статье осуществлена попытка изучения характеристик личностей французского короля Людовика XI и герцога Бургундии, Карла Смелого, на основе сочетания сравнительно-исторического метода и количественного контент-анализа.

В качестве источника биографических фактов были использованы «Мемуары» Филиппа де Коммина, бургундского дворянина, который вначале служил Карлу Смелому, потом перешел на сторону Людовика XI, находясь в самой гуще политических событий. Данный источник представляет огромный интерес, потому что, во-первых, Ф. де Коммин лично знал и являлся близким соратником и Карла Смелого, и Людовика XI, во-вторых, автор пишет о том, что он сам видел, слышал или в чем принимал личное участие. Важно отметить, что, так как базисом данного исследования являются мемуары Ф. де Коммина, мы будем рассматривать личности исследуемых исторических деятелей через призму психологических установок, симпатий мемуариста. Таким образом, мы узнаем и историю самого Коммина, что может стать одним из факторов дальнейшего изучения жизнедеятельности одного из наиболее проницательных умов своего времени.

Объекты изучения были выбраны неслучайно: Людовик XI и Карл Бургундский – две исторические личности, которые жили в одно время, формирование личностей которых протекало в схожей социокультурной среде. Несмотря на узы близкого родства, несмотря на услуги, оказанные герцогом и его отцом Людовику, когда он был еще дофином, это две совершенно противоположные личности, с различным мировоззрением и методами ведения политики. Это также два противника, противостояние которых было затяжным, а перемирия нередко сменялись обострениями конфликта. Чертой возникновения противостояния можно по праву считать 1461 г. – год вступления Людовика XI на престол, с этого момента и формируется два противоборствующих лагеря: Людовик XI выступил представителем центростремительных сил, а Карл Смелый – центробежных. Важно отметить, что эта борьба за власть являлась в равной степени тяжелым вызовом как для короля, так и для герцога, ставшей судьбоносной для них двоих.

Личности исследуемых персоналий носят крайне спорный и неоднозначный характер и всегда вызывали интерес историков и романистов. Притом в обиходе сложились определенные характеристики: Людовик XI считается «всемирным пауком», жестоким, расчетливым обманщиком и интриганом, Карл Смелый – «последний рыцарь», храбрый и отважный воин. Соответственно, выдвигается гипотеза для анализа: совпадают ли сегодняшние представления о Людовике XI и Карле Бургундском с видением их личностей со стороны современника? Исходя из данной гипотезы, мы можем сформулировать следующие уточняющие вопросы:

- Какое качество личности, с точки зрения Ф. де Коммина, наиболее характерно для исследуемых личностей?
- Какие эмоции превалируют в поведении Людовика XI и Карла Смелого?

Данные вопросы помогут лучше понять психологический облик объектов исследования. Ведь именно благодаря изучению черт характера мы можем узнать тип темперамента – индивидуальную характеристику человека со стороны особенностей его психической деятельности, таких как интенсивность, скорость, темп психических процессов. В свою очередь, эмоции являются «истинными оттенками души», отображая реальное отношение относительно той или иной ситуации.

Таким образом, на основании выдвинутой гипотезы построим регистрационную карточку контент-анализа (Приложение 1). Подлежащим данной таблицы выступают личности Людовика XI и Карла Смелого, сказуемое разделено на две категории: черты характера и эмоции. Генеральной совокупностью материалов, подлежащих анализу, является количество страниц,

«Мемуаров» Ф. де Коммина, так как в данной статье была использована публикация мемуаров 1989 г., следовательно, генеральной совокупностью принято считать 378 страниц. Классификатор контент-анализа – конкретные менты, то есть упоминания Ф. де Коммина, его характеристики рассматриваемых исторических деятелей. Например: «наш же король был очень мудрым», «Герцог Бургундский, охваченный гневом» и т.д. Таким образом, единицей анализа является «слово», контекстуальной единицей – «предложение» [2], [6].

Преобразуем данные, полученные в результате контент-анализа, в виде двух столбчатых диаграмм согласно рассматриваемым категориям (Приложение 2,3). Таким образом, мы видим, что модой выборки категории I для Людовика XI является такая черта характера, как мудрость, для Карла Смелого характерны расточительность и демонстрация своего богатства. Безусловно, на основании данной выборки мы не можем утверждать, что Людовик XI всегда поступал правильно и мудро, Ф. де Коммин упоминает и о пороках, и об ошибках короля, однако становится очевидным, что Людовик обладал высоким интеллектуальным уровнем. Столь частое упоминание Людовика XI – мудреца, также свидетельствует о личной симпатии мемуариста, известно, что Коммин во многом разделял методы ведения политики короля [5, с. 418-422].

Кроме того, в данной выборке мы видим, что такая черта характера, как жестокость, по мнению Ф. де Коммина, больше присуща Карлу Смелому, что противоречит современному рыцарскому образу герцога Бургундии. Интересен также тот факт, что Коммин, упоминая о пытках, которые применял Людовик XI к своим врагам и заключенным, не считает его жестоким, порой оправдывает, объясняя мнительностью короля или же необходимостью таких мер. Это также говорит о личном отношении автора источника к королю и герцогу, но не исключено, что данные показатели также свидетельствуют о разном понимании слова «жестокий» современного человека и Ф. де Коммина, мемуарист скорее понимал пытки в заключении, скорее нормой, чем отклонением. Ведь и сам Коммин упоминает, что был заключен восемь месяцев в маленькой клетке, в которой невозможно было ни сесть, ни лечь, однако пишет об этом без особых эмоций [3, с. 256-257].

Относительно данных категории II видим, что в воспоминаниях Коммина чаще других эмоций Людовик XI испытывает чувство страха, а Карл Смелый подвержен гневу. Таким образом, становится очевидным, что герцог Бургундский был невероятно эмоциональной и импульсивной личностью. В свою очередь чувство страха, у Людовика XI, несмотря на то, что Ф. де Коммин не хотел выставить своего господина боязливым, трусливым,

упоминается в разы чаще, нежели все остальные рассматриваемые эмоции, особенно под конец жизни короля. Известно, что последние годы жизни Людовик XI жил изолированно в замке ***Плесси-ле-Тур, оградился от внешнего мира, выставив охрану в замке, и даже ограничил собственные прогулки,*** боялся семьи, слуг, приближенных, но больше всего – оказаться в забытьи и смерти. Как отмечают исследователи, страх смерти – один из самых глобальных и вечных страхов человечества. В первую очередь, это объяснимо тем, что человеку не суждено знать, что представляет собой смерть. Следовательно, эмоции и реакции, возникающие при столкновении в действительности с угрозой для жизни: волнение, беспокойство, испуг, тревога – естественная и нормальная реакция здорового человека. Однако параноидальное поведение короля свидетельствует уже о психологической болезни, танатофобии [1].

Танатофобия проявляется не как страх перед фактом смерти, а как боязнь обстоятельств, сопутствующих процессу умирания. Например, для больных неприемлемо на последнем отрезке жизни утратить чувство собственного достоинства: когда недееспособный больной будет не способен самостоятельно ухаживать за собой, и он будет вынужден прибегнуть к помощи посторонних. Именно страх беспомощности и воздействия со стороны других являлся ключевым в последние годы жизни Людовика XI. В частности, Коммин вспоминает, что во время одного из приступа короля подняли из-за стола и подвели к огню; окна были закрыты, и хотя Людовик порывался подойти к ним, его кое-кто удержал от этого, думая сделать как лучше. Когда ему стало легче, король, узнав, кто удержал его и не дал подойти к окну, немедленно выгнал их из своего дома, некоторых он лишил службы и велел не показываться ему на глаза [3, с. 239-240]. Столь странное поведение, боязнь лишится беспрекословного повиновения, Коммин объяснял тем, что Людовик XI боялся повторить судьбу отца. Ведь, заболев, король Карл, вообразил, что его хочет отравить собственный сын, его страх был настолько велик, что Карл вообще перестал принимать пищу; и тогда было принято решение кормить его силой, однако вскоре Карл VII скончался [3, с. 240-241]. Это событие отпечаталось в сознании короля Людовика, им овладел страх, что его возьмут под опеку, и без него будут решать все дела и вопросы под предлогом, что его рассудок не в порядке. Поэтому Людовик XI всячески привлекает к себе внимание, рассылая послов, заказывая в различных европейских государствах уникальных животных, «однако, когда ему их доставляли, он не проявлял к ним никакого интереса», одевался в дорогие одежды, причем ранее предпочитал простое одеяние и не любил церемоний [3, с. 139-245].

Итак, согласно данным контент-анализа, в последние годы жизни ***у Людовика XI обостряется чувства тревоги и страха,*** проявляется боязнь быть забытым, беспомощным и слабым, возникает навязчивый страх смерти. ***Вследствие чего у короля наблюдаются коренные изменения в поведении:*** он***оградился от внешнего мира, и даже ограничил личную свободу, всячески привлекал внимание к своей персоне, пытался избежать смерти с помощью лекарей, религии и чуда***. Таким образом, Людовик словно сам себя обрек на заточение, «правда, место его заточения было большим, чем обычная тюрьма, однако и сам он был больше, чем обычный узник» [3, с. 139-241, 244-246, 255-256].

На основании данных анализа, мы также можем определить, к какому из типов темперамента принадлежат исследуемые исторические личности. Темперамент отражает динамические аспекты поведения преимущественно врождённого характера, поэтому свойства темперамента наиболее устойчивы и постоянны по сравнению с другими психическими особенностями человека. Согласно гиппократовской классификации типов темперамента: сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик, Карла Смелого можно характеризовать как холерика. Это человек, нервная система которого определяется преобладанием возбуждения над торможением, вследствие чего он реагирует очень быстро, часто необдуманно, проявляет нетерпение, порывистость, резкость – именно таким и предстает перед нами герцог Бургундии в «Мемуарах» Ф. де Коммина. В свою очередь, Людовик XI принадлежит к сангвиникам, его поступки обдуманны, он легко сходится с новыми людьми. Он продуктивный деятель, но лишь тогда, когда занят чем-то, в противном случае «он с трудом переносил спокойную жизнь» [4, с. 105-109], [3, с. 35].

Таким образом, на основании применения исторических, психологических и статистических методов был проведен сравнительный анализ исторических личностей, Людовика XI и Карла Смелого. Также впервые был проведен контент-анализ «Мемуаров» Ф. де Коммина. В ходе работы были определены основные характеристики личности, наделяемые королю и герцогу их современником, выявлено, что образы Людовика XI и Карла Бургундского в описании Коммина во многом различны с современными оценками рассматриваемых личностей. Кроме того, установлены индивидуальные особенности личностей, что во многом и определяло способы ведения политики, мотивы поведения, в той или иной мере повлиявших на ход истории. В результате анализа, становится очевидным целесообразность применения междисциплинарного подхода, а также количественных измерении истории, не только при изучении массовых исторических событий и явлений, а также и при биографическом исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин Е.П. Боязнь смерти [Электронный ресурс] / Е.П. Ильин // Психология страха. – Режим доступа: https://rutlib.com/book/27242/p/22 – 09.03.2017.
2. Ковальченко И.Д. Формализация и измерение исторических явлений [Электронный ресурс] / И.Д. Ковальченко // Методы исторического исследования. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/kovalchuk_metodi/07.aspx – 07.03.2017.
3. Коммин Ф. Мемуары / Ф. Коммин; пер. с фр. Ю.П. Малинина. – М.: Наука, 1986. – 500 с.
4. Кривцова М.А., Авраменко А.В., Клименко А.А. Темперамент личности и его свойства / М.А. Кривцова, А.В. Авраменко, А.А. Клименко // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – Вып. 5. – С. 105-111.
5. Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» / Ю.П. Малинин // Коммин Ф. Мемуары. – М.: Наука, 1986. – С. 384-437.
6. Манаев О.Т. Контент-анализ как метод исследования [Электронный ресурс] / О.Т. Манаев. – Режим доступа: http://psyfactor.org/lib/content-analysis3.htm – 07.03.2017.
7. Мухин О.Н. Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на примере историко-психологического анализа личности Петра I): автореф. дис. д-ра ист. наук: спец. 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторических исследований / О.Н. Мухин. – Москва, 2015. – 56 с.

АННОТАЦИЯ

Петрова И.Н. Применение контент-анализа в биографическом исследовании: на примере изучения образов Людовика XI и Карла Смелого у Филиппа де Коммина.

В данной статье осуществлена попытка изучения личности Людовика XI и Карла Бургундского на основе методологического синтеза исторической и психологической наук, применения метода контент-анализа в историческом исследовании. Обоснована необходимость применения количественных методов в биографическом исследовании. Проанализированы характерные особенности личности Людовика XI и Карла Смелого на основе воспоминаний современника Филиппа де Коммина, выявлены их индивидуальные особенности.

Ключевые слова: Людовик XI, Карл Бургундский, количественные методы, историческая психология, контент-анализ.

SUMMARY

Petrova I. The application of content analysis in biographical research: on the example of the analysis of the persons of Louis XI and Charles the Bold at the Philippe de Commines.

This article attempts to study the personality of Louis XI and Carl of Burgundy on the basis of the methodological synthesis of historical and psychological sciences, the application of the content analysis method in historical research. The necessity of applying quantitative methods in a biographical study is substantiated. The characteristic features of the personality of Louis XI and Charles the Bold on the basis of the memoirs of a contemporary of Philippe de Commines are analyzed, and their individual characteristics are revealed.

Key words: Louis XI, Carl of Burgundy, quantitative methods, historical psychology, content analysis.

Приложение 1

Регистрационная карточка контент-анализа

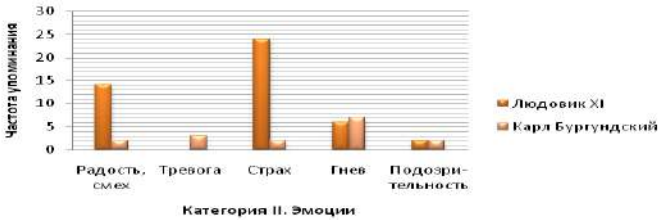
Категория	Подкатегория	Людовик XI		Карл Смелый	
		Частота поминания абсолютная	Частота упоминания относительная	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная
I Категория (черта характера)	Мудрый, умный	23	6, 08 %	0	0%
	Храбрый	1	0, 26 %	3	0,79%
	Жестокий	2	0, 52 %	4	1,06%
	Демонстрирует роскошь, расточительный	2	0, 52 %	5	1,32%
Итого		28	7,38%	12	3,17%
II Категория (эмоции)	Радость (смех)	14	3,7 %	2	0, 52 %
	Тревога	0	0%	3	0,79%
	Страх	24	6, 35 %	2	0, 52 %
	Гнев	6	1,59 %	7	1,85%
	Подозрительность	2	0, 52 %	2	0, 52 %
Итого		46	12,16%	16	4,2%

Приложение 2

Столбчатая диаграмма частоты упоминания черт характера
Людовика XI и Карла Бургундского
в «Мемуарах» Ф. де Коммина

Приложение 3

Столбчатая диаграмма частоты упоминания эмоций, проявляемых
Людовиком XI и Карлом Бургундским,
в «Мемуарах» Ф. де Коммина



Мария Андреевна Полякова
преподаватель
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 94:37(470+571+477)«1918/1920»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ, ПРОВОДИМЫХ В РСФСР И УССР В 1918-1920 гг.

В настоящее время особой актуальности в рамках исторического исследования набирает проблема деятельности партии большевиков, а также проводимая ею политика.

Для нас предметом интереса выступает преобразования большевиков в системе образования в РСФСР и УССР, а также определение степени влияния коммунистической партии на послереволюционную школу в первой трети XX века.

Предложенная проблема является актуальной, поскольку предусматривает сравнительный анализ системы образования двух

формирующихся республик, которые постепенно вошли в одно государственное образование, но в то же время обладали различными социально-экономическими и культурными особенностями.

Безусловно, система образования находилась в сфере интересов отечественных историков, среди которых А.В. Черкашин, Г.И. Ясницкий. Считаем необходимым отметить научное исследование профессора В.В. Липинского, который в своей диссертации «Становление и развитие новой системы образования в УССР в 1920-е годы» совершил комплексный анализ проблемы формирования концепции образования УССР в 1920-е годы [4].

Однако, в новейшее время все еще дискуссионным моментом в проблематике формирования системы образования остается идеологическое влияние большевиков в период утверждения их власти, в том числе в Донбассе.

Переходя к непосредственному рассмотрению проблемы, отметим, что, по нашему мнению, большевистские преобразования во всех сферах жизнедеятельности государства, в том числе и в образовании, имели идеологическую подоплеку, что объясняется попыткой формирования авторитета власти и партии. Эта гипотеза будет ключевой в нашем дальнейшем исследовании.

Следует обратить внимание на то, что в первые послереволюционные годы большевики столкнулись с непринятием их власти со стороны населения. В связи с этим нам становится понятным стремление новой власти к преобразованиям в педагогической и образовательной сферах. Ведь, как известно, лучшим способом вербовки сторонников, воздействия на население и формирования необходимой социальной базы является воспитание.

В подтверждение вышеизложенного приведем высказывание наркома просвещения А.В. Луначарского: «Совершенно ясно, что школа подлежит революционной ломке» [5].

Итак, какие же меры предполагала так называемая «революционная ломка школы», и с какой целью она предполагалась?

«Обращение народного комиссара по просвещению» от 29 октября 1917 года, стало первым программным документом большевиков по вопросам образования. По нашему мнению, целесообразным является рассмотрение целей и принципов реорганизации образования, которые были предусмотрены этим документом, среди которых:

– «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения;

– все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления;

– создание единой для всех граждан абсолютно светской школы в нескольких ступенях» [1, с. 7-9].

Со своей стороны обратим внимание на то, что реализация выдвигаемых целей не была возможна, и это подтверждают следующие факты: материальной обеспечение, учебные программы и т.д. Таким образом, предложенная программа не располагала надлежащей базой для реорганизации образования.

Вышеизложенное позволяет нам прийти к выводу о том, что встала проблема выработки реальных для воплощения в жизнь проектов построения новой школы.

В связи с этим правительство разворачивает масштабную компанию по перестройке всей системы образования, в том числе и общего.

К первым предпринятым мерам надлежит отнести майский проект о принципах построения новой, так называемой, трудовой школы от 1918 года – «Положение о единой трудовой школе» [7]. Этот проект содержал такие положения:

– школа должна быть смешанной, бесплатной, одинаково доступной для всех слоев населения, единой трудовой;

– продолжительность пребывания в школе определялась девятью годами;

– устанавливалось двухступенчатое школьное образование (первая ступень – с восьми до тринадцати лет, вторая ступень – с четырнадцати до семнадцати лет).

С нашей точки зрения, такие перспективы формирования школьного образования можно назвать объективными. Однако анализируемый документ содержал и спорные тезисы, к которым можно отнести круглогодичное обучение и ежедневное обучение.

Проведенный анализ позволяет нам прийти к таким выводам:

– во-первых, центр внимания образовательного и воспитательного процесса переместился к реализации социально-научного фактора образования, а именно: главным результатом деятельности школы стало воспитание социально полезного ученика, способного реализоваться в рамках установленной общественной идеологии и стать полезным для трудовой жизни общества и государства;

– во-вторых, целью образования стало воспитание человека, способного к строительству нового общества. Эта идея воплотилась позже в постулат, выдвинутый В.И. Лениным: «Именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества» [8].

Следует также отметить, что в Совете народных комиссаров РСФСР развернулась дискуссия вокруг, уже упомянутого нами, «Положения о единой трудовой школе», связанная с вопросом о неукоснительной реализации всех изложенных принципов или же их частичном соблюдении. Несмотря на вызванный резонанс,

данный проект был утвержден. В его рамках выдвигались такие основополагающие принципы, как:

– единство школы;
– бесплатность обучения;
– обязательное обучение;
– совместное обучение обоих полов;
– запрет религиозного воспитания школы;
– выборность работников образования;
– связь обучения и воспитания с общественно полезным производительным трудом;
– демократизация школьной жизни;
– развитие ученического самоуправления [7].

Обращает внимание тот факт, что перечисленные нововведения носили прогрессивный демократичный характер, который был тяжело реализуем в условиях провозглашенной диктатуры пролетариата.

Идеологическую направленность школьного образования подтверждала и принятая в марте 1919 года программа школьного образования, в которой говорилось: «В период диктатуры пролетариата – то есть в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником воспитательного влияния пролетариата на не пролетарские слои трудящихся масс, в целях воспитания поколения способного окончательно установить коммунизм» [9].

Итак, с уверенностью можем утверждать, что все упомянутые нововведения, хотя и были необходимы, все же имели идеологическую подоплеку, которая преследовала такие цели, как: воспитание сторонников правительства в рамках идеологии, решение проблемы необразованности и кадровой голодовки, сооружения механизма влияния на людские массы.

Подобная заимствованная у РСФСР система образования внедрялась и на территории Украины под руководством народного комиссара образования В.П. Затонского.

Однако надлежит обратить внимание на то, что русская образовательная концепция не подходила для Украины, потому как не учитывала ее социально-экономические и национальные особенности.

Русская концепция была направлена на подготовку в целом образованного человека и подразумевала получение специального образования, начиная с восемнадцати лет. То есть среднее образование занимало девять лет, за ним следовала высшая школа, обеспечивающая профессиональную подготовку.

В то время как реальные украинские социально-экономические условия были в более плачевном состоянии, чем российские, а государство не могло обеспечить эффективного внедрения заимствованной модели образования. Поскольку Украина нуждалась в более быстрой подготовке рабочих кадров.

Таким образом, как указывает В.В. Липинский в своем исследовании, в Украине в начале 1920 года началась разработка собственной системы образования под руководством наркома образования Г.Ф. Гринько, который объяснял это разрушенным хозяйством и необходимостью его восстановления, из-за которой и начался пересмотр сложившейся образовательной концепции [4, с. 52].

Уже в марте 1920 года была утверждена модель образования УССР, обосновавшая совмещение общего образования со специальным.

Считаем необходимым заметить, что главной целью реформирования была скорейшая подготовка квалифицированных специалистов, в которых нуждалось государство, в связи с чем 1920 год ознаменовался расширением сети единых трудовых школ, основывавшихся на базе ликвидированных в 1919 году общеобразовательных школ российского образца.

Следует обратить внимание на то, что расширение сети трудовых школ продолжалось до 1921 года, этот факт объяснялся как потребностями государства, так и населения [4, с. 54].

Считаем важным заметить, что до конца 1920-х годов руководство Наркома состояло из сторонников украинской образовательной модели, которые направляли свою деятельность в русле ее усовершенствования.

Таким образом, сравнивая особенности представленных систем организации образования можно выделить как их схожесть (воспитание достойного гражданина отвечающего потребностям государства), так и различия (цели, выдвигаемые перед средней школой; длительность обучения и т. д.).

Что немаловажно, в отличие от образовательной концепции РСФСР, ядром которой было идеологическое воспитание, украинская система образования в качестве основной цели преследовала воспитание готового специалиста, способного восстановить государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов А.А., Кузин Н.П., Пузырев Ф.И., Литвинов Л.Ф. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. – 560 с.

2. Голуб Ю.Г., Поздняков А.Н. Известия Саратовского университета. Серия история. Международные отношения/ Ю.Г. Голуб, А.Н. Поздняков // Издательство Саратовского университета. – 2005. – №1. – С. 25-36.
3. Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920-1930 гг./ Е.И. Демидова. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2007. – 404 с.
4. Липинский В.В. Становление и развитие новой системы образования в УССР в 1920-е годы / В.В. Липинский. – Донецк : РИА ДНТУ, 2000. – 287 с.
5. Луначарский А.В. О воспитании и образовании / А.В. Луначарский. – М.: Педагогика, 1976. – 644 с., с. 306
6. Халецкий А. Оживление Советов и задачи Комсомола / А. Халецкий. – М.: Новая Москва, 1925. – 124 с.
7. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение). – Режим доступа: http://istmat.info/node/31601 (дата посещения: 25.10.2017).
8. Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи. – Режим доступа: http:// www.politpros.com/library/13/252/ (дата посещения: 25.10.2017).
9. Программа РКП(б). – Режим доступа: http://www.agitclub.ru/ center/comm/rkpb/duverge.htm (дата посещения: 25.10.2017).

АННОТАЦИЯ

Полякова М.А. Сравнительный анализ систем образования, проводимых в РСФСР и УССР в 1918-1920 гг.

В статье рассматриваются системы образования, проводимые российским и украинским правительствами в 1918-1920 гг., а также совершается попытка их сравнительного анализа и определения места идеологии в процессе реализации изучаемых образовательных концепций.

Ключевые слова: система образования, РСФСР, УССР, трудовая школа, декрет.

SUMMARY

Polyakova M.A. A comparative analysis of education systems conducted in the RSFSR and the USSR in 1918-1920.

The article discusses the system of education, pursued by the Russian and Ukrainian governments in 1918-1920, as well as attempt their comparative analysis and the definition of the place of ideology in the process of implementing the chosen educational concepts.

Key words: education system, RSFSR, USSR, labor school, decree.

Алексей Владимирович Рочняк
ассистент кафедры романо-германской филологии
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 316.74:37

ПРЕФИГУРАТИВНАЯ ПРИРОДА АНТИПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

Антипедагогика и постпедагогика – довольно малоизвестные направления для отечественного педагогического дискурса. Представляя собой наиболее радикальные теории в сфере образования, они служат выразителями необходимости революционных изменений, которые назрели вследствие тектонических общественных трансформаций, происходяших с последней трети XX столетия по сей день.

Образование в современном мире все чаще рассматривается не только как механизм репродукции культуры и ценностей, но и как отрасль общественного производства, напрямую преумножающая кадровый фонд государства. Однако еще известный немецкий ученый-педагог Адольф Дистервег в своей статье «О природосообразности и культуросообразности в обучении» выражает такое мнение: «Состояние культуры определенного народа в определенное время представляет собой данность, и создает ту среду, к которому привлекается каждый человек, рожденный в этих обстоятельствах. Поэтому каждый человек − продукт своего времени» [3]. Ценности системы образования по своей сути являются категориями историческими, то есть каждая историческая реальность требует определенного набора ценностей. При этом само образование часто служит не только ретранслятором существующих ценностей, но и их генератором.

На современном этапе исторического развития глобальной человеческой цивилизации многие традиционные ценности поддаются переоценке, а порой и просто отрицаются. Фундаментальная проблема заключается в том, что возникает явление, которое можно назвать «постиндустриальным барьером». Сущность данного явления заключается в том, что для постиндустриального производства нужно постоянное уникальное обновление существующих знаний, в то же время освоение новых знаний в рамках существующих институтов образования происходит много медленнее, нежели их устаревание. Это приводит к обессмысливанию текущего образования, так как за время, которое будет потрачено на освоение существующих знаний и навыков, они уже не будут соответствовать требованиям прогресса.

Поиск выхода из создавшегося сложного положения производится в рамках многих концепций. Одной из таковых следует считать антипедагогическую концепцию, которая предполагает сведение к минимуму внешнего воздействия на ученика, максимальную стимуляцию его уникальных качеств личности. Предполагается, что ученику нет необходимости овладевать какими-то «обязательными» знаниями или навыками; вместо этого он должен заниматься поиском деятельности, которая быв наибольшей степени соответствовала его природным возможностям, свободно реализуя собственную личность.

Сегодня образование характеризуется двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны − это личностно-ориентированное образование, с человеком в центре всего педагогического процесса, условиями для его творческого развития, а с другой − превращение современного образования в образование тотального контроля, в аналог эффективного машинного производства (прежде всего за счет доминирования неличностных форм контроля успеваемости).

Именно в качестве противостояния процессу нарастания тоталитарных тенденций, начиная с 60-х годов XX столетия возникает антипедагогика, которая основывается на противопоставлении авторитарному воспитанию в контексте постмодернизма.

Зарождение учения антипедагогики наблюдается в 60-х гг. XX века в США (К. Берейтер). Однако именно Германия положила начало концептуальной западноевропейской антипедагогической школе (Э. фон Браунмюль, «Антипедагогика», 1975). Это можно объяснить тем, что именно в Германии особенно остро стояли вопросы гуманизации и деневротизации образования, перехода к новой образовательной парадигме. Ведь, как известно, немецкое классическое образование стало орудием тоталитарного нацистского режима.

В основе антипедагогики как учения лежит глубокая убежденность в порочности субъект-объектной парадигмы отношений между учителем и учеником, в недопустимости воспитания как целенаправленного манипулятивного воздействия на личность с целью изменения её психологической природы в ориентировании на определенные стандарты и эталоны.

Детерминируя культурные типы по механизму их репродукции через образование, а именно выделяя «префигуративную», «кофигуративную и «постфигуративную» культуры» [1, с. 8], антипедагоги наталкивают нас на интересную возможность аналогии этих понятий с понятиями универсальной гегелевской диалектики. В трудах Эккенхарда фон Браунмюля переход от постфигуративной к префигуративной культуре через

кофигуративную рассматривается как некое уникальное во временном измерении явление. Это явление связывается со становлением антипедагогики как современного (или как минимум недавнего по времени возникновения) явления. Подобное понимание обусловлено так же линейным восприятием времени, которое свойственно европейской культуре. Такое восприятие задает понимание событий и явлений как имеющих только одно конечное место в пределах однонаправленного временного вектора.

Нам, носителям культуры, корнями уходящей в европейское Просвещение (а современная российская и постсоветская культура ввиду марксистского опыта именно такова, то есть в определенной мере более рационалистична, нежели современная западноевропейская), свойственно мыслить в пределах абстракций выделения, а не в пределах абстракций обобщения. То есть мы скорее находим некие явления и выделяем их в отдельный класс, нежели ищем общие черты в разрозненных на первых взгляд фактах. Нам свойственно привязывать в своем сознании понятия к неким формальным признакам, например, к временной шкале, к датировке, а не к сущностному наполнению. Отсюда проистекает идея, которая в педагогике проявляет себя как представление о развитии теории педагогики в одном конкретном направлении – например, гуманизации, демократизации, гармонизации, индивидуализации обучения, либо развитии «классового сознания», «национального сознания» и так далее. Но на самом деле данное ретроспективное рассмотрение в большинстве случаев искусственно.

Но если мы откажемся от линейного восприятия и будем рассматривать реальность в измерении циклического временного конструкта, то это может существенно расширить наши возможности. Прежде всего, мы увидим, что развитие педагогической теории концептуально привязано к циклам общественного развития, соотносится с ними. И, что важнее всего, постпедагогические и антипедагогические тенденции представляют собой естественный ответ на вызовы перехода от зрелой префигуративной к постфигуративной стадии культурного развития, которая всегда соотносится с глубоким кризисом, сломом существовавших фундаментальных норм. Проще говоря, это тот самый момент в жизни цивилизации, когда условные «взрослые», то есть носители предыдущего опыта, вынуждены настраивать представителей последующего поколения не на простое перенимание существующих знаний, а на поиск нового ответа на возникающие вызовы.

И здесь во многом линейное понимание хода истории является препятствием к решению вопросов. Б. Успенский,действительный член РАН и Европейской академии наук, писал: «Линейное время по самой своей природе абстрактно, тогда как циклическое время

конкретно. Линейное время равнодушно по отношению к тому, что наполняет его событиями ... В противном случае (при циклическом восприятии − прим. наше) события и время оказываются взаимно связанными самым непосредственным образом» [5]. При линейном восприятии на подобном стыке стадий развития весь предыдущий опыт оборачивается просто нагромождением данных, при циклическом он обретает полезную системность, в нем можно найти ответы и подсказки.

Как указывает М. Розенталь в своей работе «Принципы диалектической логики»: «Путь познания объективного мира лежит через абстракцию» [4, с. 3]. При циклическом или, скорее, спиральном восприятии времени, мы можем избавиться от гипнотического воздействия конкретного, иллюзии уникальности событий и явлений, и увидеть возможности обобщения, абстрагирования для понимания причинно-следственных связей в значительно большем масштабе.

Префигуративная культура в таком случае представляется таким культурным типом, в котором старшее поколение понимает невозможность построить актуальные представления для будущих поколений через недосягаемость для современников очертаний будущего. При этом оно пытается «создать открытую систему, которая концентрируется на будущем, и мы предоставляем детям, исходя из их возможностей, как можно меньше установок, оставляя за ними свободу принятия решений» (перевод наш − А. В. Р.) [1, с. 8].

Антипедагогическая концепция исходит из префигуративного культурного типа, так как предполагает не передачу готовых знаний и навыков, а совместную свободную работу учителей и учеников в одном направлении. Появление и актуализация антипедагогического концепта совпадает с обострением кризиса перехода от позднеиндустриального к постиндустриальному обществу.

Подготовка учеников в постфигуративном образовательном пространстве предполагает четкое представление о возможном будущем, в том числе о предполагаемых требованиях к навыкам. Однако это в принципе становится невозможным в условиях, когда бурный прогресс в корне изменяет возможности цивилизации.

Основой антипедагогического манифеста является то, что ценность авторитетов и уже имеющихся истин релятивна, относительна, и со школьной скамьи нужно отказаться от привязанности к ним. Это необходимо для того, чтобы избежать глубокого, неисцелимого внутреннего слома в тот момент, когда эти истины перестанут работать, что, как известно, рано или поздно произойдет. Общее ускорение исторического процесса способствует тому, что сломы происходят чаще и характеризуются большим ущербом, ведя к нигилистическому мировосприятию. При

этом опыт показывает нецелесообразность отказа от определенных классических научных канонов, которые еще не совсем себя исчерпали (по меньшей мере, как протокол аргументации для достижения согласия в диалоге между учениками и учителями).

Префигуративная природа антипедагогического концепта проявляет себя во многих теоретических положениях, и, прежде всего, в стремлении антипедагогов избежать готовых стандартов по отношению к образовательному процессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Braunmühl von E. Antipädagogik. Studien zur Abschaffung der Erziehung / E. von Braunmühl. − Weinheim, Basel, 1975. − 260 S.
2. Джуринский А. История зарубежной педагогики / А. Джуринский [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/Djurin/03.php – Заголовок с экрана.
3. Дистервег А. В природосообразности и культуросообразности в обучении / А. Дистервег [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://jorigami.narod.ru/PP_corner/Classics/Diesterweg/Diesterweg_Adolf_Nature_and_Culture.htm#A2_Дистервег – Заголовок с экрана.
4. Розенталь М. М. Принципы диалектической логики / М. М. Розенталь. − М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. − 477 с.
5. Успенский Б. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский [Электронный ресурс] − Режим доступа к книге: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/01.php – Заголовок с экрана.

АННОТАЦИЯ

Рочняк А. В. Префигуративная природа антипедагогического учения.

Статья рассматривает глубокие концептуальные связи между антипедагогикой, как радикальным учением постпедагогического толка, и префигративными моментами постиндустриальной цивилизационной модели. Рассматривается кризис перехода к постидустриальному укладу от позднеидустриального с точки зрения образовательной среды.

Ключевые слова: антипедагогика, постиндустриализм, постпедагогика, префигуративный культурный тип.

SUMMARY

Rochniak A. V. Prefigurative nature of antipedagogical theory.

In the article it is considered the deep conceptual relations between antipedagogy as a radical postpedagogical theory and someprefirative

moments of post-industrial model of civilization. It is regarded also a crisis of transition from late industrial to post-industrial order from the educational point of view.

Key words: antipedagogy, post-industry, post-pedagogy, prefirative cultural type.

Валерий Анатольевич Санжаров
кандидат исторических наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
г. Донецк, ДНР

УДК 94(44).027

АМБУАЗСКИЙ КОНКОРДАТ: ПАПА, КОРОЛЬ И ГАЛЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковная, и в том числе бенефициальная, политика Людовика XI шла вразрез с выработанными на протяжении как минимум предыдущего столетия принципами взаимоотношений королевской власти и первого сословия – галликанской церкви. На первый взгляд, ее отличают непостоянство, неожиданная смена приоритетов – от полной и безоговорочной поддержки притязаний пап до прямой конфронтации. Амбуазский конкордат 1472 года четко делит правление Людовика XI пополам. На первом этапе в условиях жесточайшего кризиса власти, фактически гражданской войны король показал способность и умение понимать ситуацию, быть адекватным обстоятельствам, вести результативную политику и переиначивать реальность в соответствии со своими желаниями и целями. В церковной политике к 1472 г. Людовику XI пришлось иметь дело с шестью папами (учитывая одного антипапу), к тому же он унаследовал окрепшую и добившуюся значительной автономии от Рима национальную – галликанскую церковь, закрепившую принципы своих взаимоотношений с королевской властью в Буржской Прагматической санкции. Папы идею конкордата не только давно вынашивали, но и время от времени предлагали для обсуждения задолго до прихода Людовика к власти: проекты 1442 (Пьетро дель Монте), 1444, 1446 (Робер Роже), 1450 (Альфонсо Сегюра), 1452 (кардинал Гийом Этутвий) [15, с. CXXIX–CXLVII]. Людовик XI Буржскую Прагматическую санкцию, как детище отца, отменил сразу придя к власти [13, т. 10, с. 393–396], а до конкордата дозревал. С.Л. Плешкова полагает, что «ценой уступки Риму в церковном вопросе Людовику XI удалось достичь компромисса с римским престолом», добиться от папы «прокоролевской» позиции во внутрифранцузских делах [1, с. 17].

Вторая половина правления Людовика XI приходится на понтификат одного папы Сикста IV (1471–1484) – генуэзца, бывшего генерала ордена францисканцев Франческо делла Ровере. Стороны обменялись посольствами (при этом Людовик подтвердил свое неприятие прагматической санкции), к согласию пришли быстро, соглашение заключили наспех, видимо, обоюдное стремление к политическому союзу было важнее проработки деталей, уточнения спорных мест, устранения двузначностей документа. Подписывая конкордат, король и папа преследуют собственные цели. Для Сикста IV укрепление светской власти папы в Италии ключевая задача понтификата, он считает себя вправе вмешиваться во все конфликты на полуострове, французский король – это его тыл и союзник. У Людовика цель не одна: с одной стороны, у него есть интересы и союзники среди итальянских князей и республик, с другой, он надеется при помощи папства эффективнее продвигать свои креатуры на бенефиции и контролировать как процесс избрания/назначения, так и лояльность новых прелатов в собственном королевстве. Кроме того, ему необходима поддержка папы в решении злободневных проблем: признании законности и результатов судебного процесса над кардиналом Жаном Балю, получении брачного диспенса для брата – Шарля Французского и назначении на авиньонское легатство королевского кандидата. Конкордат оставлял широкие возможности тратовать в свою пользу отдельные его положения для каждой из сторон. И король, и папа рассчитывали в будущем извлечь выгоду из таким образом «вкривь-вкось» составленного документа. Конкордат был обнародован папской буллой и уточняющим бреве от 13 августа 1472 года. Амбуазский ордонанс от 31 октября 1472 года повторил положения соглашения [11, с. 548–553; 13, с. 650–653; 10, с. 214].

В историографии утвердилось мнение о незначительности роли Амбуазского конкордата в королевско-папских отношениях: судя по постоянным претензиям он плохо исполнялся обеими сторонами, он встретил резкое непрятие галликанского духовенства, его стараются не замечать в судебной практике парижский и другие парламенты. Ж. Фавье само словосочетание ставит в кавычки: «Амбуазский конкордат» [5, с. 333-334; 1, с. 35].

Целью настоящей работы является определение места Амбуазского конкордата в церковной политике Людовика XI. Для этого должны быть решены следующие задачи: дана характеристика содержания конкордата, рассмотрена практика его применения каждой из сторон, определено влияние конкордата на формирование епископата, оценено отношение галликанского духовенства к содержанию и методам реализации конкордата и позиция властных структур королевства (верховный суд) в отношении правовых последствий заключенного королем и папой соглашения.

Амбуазский конкордат 1472 г. возвращался к принципу очередности в раздаче церковных бенефициев. Папа получал право на наделение бенефициями в течение шести месяцев года поочередно с ординарными (т.е. обычными – теми, кому это было положено по праву) раздатчиками (ст.1). Здесь же оговаривалось право на существование папских резервов (сохранение за папой права распоряжения определенными категориями бенефициев). В резерв включались бенефиции приближенных кардиналов сроком на шесть лет (ст.3) и бенефиции папских протонотариев, при условии постоянного ношения положенной им одежды (ст.5). Кроме того конкордат определял круг бенефициальных дел, подлежащих рассмотрению в римском суде (ст.7). Таким образом, святой престол восстановил свои полномочия в назначении на крупные и мелкие бенефиции, компетенцию папской юрисдикции в бенефициальной сфере и финансовые полномочия. Сикст IV надеется, что конкордат запустит в качестве регулятора отношений в бенефициальной сфере не только свод канонического права и положения булл «Exsecrabilis» Иоанна XXII и «Ad regimen» Бенедикта XII, но и правила папской канцелярии.

Вместе с тем уступки более чем скромные, если сравнивать с тем, что запросила себе королевская власть. Во время, отведенное для бенефициальных наделений папы, два из каждых шести пожалований должны были приходиться на долю назначенных королем, королевой, дофином или парламентами. Только после этого становились возможными следующие шесть наделений бенефициями (ст.2). Папа обязался не назначать на консисторские должности в королевстве, Дофине и других королевских землях и сеньориях никаких лиц, не получив на это предварительно королевских грамот, чтобы «назначать туда лиц верных, преданных и приятных» королю (ст.10) [11, с. 551-553].

Анализ папских «книг обязательств» перед апостольской палатой показал пиковые для смены епископов годы в правление Людовика XI (1461–1463, 1472–1473, 1478, 1482–1483) [3, т. 2]. Хотя только на основании совпадения дат рано делать какие-то выводы, нужно учитывать и другие возможные факторы, например, смерть или перевод на другой престол, одно очевидно – конкордат дал королю новые возможности для вмешательства в бенефициальные наделения.

Соглашение узаконивало позиции короля в бенефициальной области и признавало новую расстановку сил с заглавной ролью королевской власти в обмен на возвращение папам части утраченных ими прав в назначении на высшие и низшие бенефиции, судебной компетенции и фискальных привилегий. Но это не было и чистым разделом сфер влияния двух сил: капитулам был сохранен

ряд завоеванных ими прав. Сделка была выгодной и для короля, и для папы. К тому же французский король выступил в ней в роли третейского судьи между различными эшелонами церковной власти, гаранта сохранения прав одной из них, судьи, сознающего свою силу, не сомневающегося в своих полномочиях и определяющего другим степень их прав и обязанностей.

Два серьезных конфликта по поводу прав на епископство существовали уже на момент заключения конкордата. Первый, – борьба за епископский престол Кутанса (после смерти кардинала и президента курии эд Ришара де Лонгей) [3, с. 134]. Бенедикт де Монферран заручился папскими письмами к герцогу Бурбону, легату Виссариону и королю, а епископ Лана Рено де Бурбон при попустительстве короля силой оружия захватил большую часть диоцеза и получил доходы епископства [6, кол. 895]. После двух лет противостояния папа перевел Рено на архиепископство Нарбон [3, с. 199]. Бенедикт после двух лет отсутствия в диоцезе обменял его с родственником папы кардиналом Джулиано делла Ровере (июль1476) на епископство Лозанны [3, с. 173]. Но и здесь не обошлось без трудностей: король хотел перевести в Кутанс своего духовника епископа Авранша Жана Бошар, а Авранш передать в управление кардиналу Гийому Этутвий [12, с. 181–182]. Джулиано передал престол Галеаццо делла Ровере, но закрепиться в Нормандии у папских родственников не получилось. Тем не менее делла Ровере всерьез и надолго обосновываются в целом ряде французских диоцезов. Итальянизация части епископата королевства один из важных итогов конкордата.

Второй конфликт разворачивался в диоцезе Памье [3, с. 90]. В 1467 году папа назначил епископом Паскаля Дюфур, а каноники избрали родственника своего покойного епископа – Матьё Артигелюба. Матьё вначале отказался от своих прав в папской курии, но заручившись поддержкой королевских служащих, не пожелавших передавать бенефициальные доходы церкви Дюфуру, – передумал, нанял рутье, которые захватили епископскую резиденцию Ма-Сен-Антонен. Архиепископ Тулузы Жан де Рузье конфирмовал Артигелюба, а расстроеный папа наложил на диоцез интердикт. Уполномоченный тулузского парламента готов открыть церкви диоцеза, но король на этот раз выступает против собственного парламента на стороне папы. В 1474 г. конфликт разрешается в пользу Паскаля Дюфур.

В конкордате Людовик нашел то оружие, которого ему так не хватало в борьбе с собственной церковью. Он использует его в Теруане, Кастре, Бордо, Оше, Вердене и Сен-Флур [3, с. 196–197, 120, 113, 100, 269, 154–155; 4, т. 13, с. 225-235]. На вторую половину правления Людовика XI, когда ему удается оформить свои отношения с папством в виде конкордата, приходится пик

королевских вмешательств в бенефициальную сферу (удачных, во всяком случае).

Чаще всего согласие между папой и королем полное, фавориты и того, и другого получают назначения без затруднений. Так после смерти Жана Жувеналя Дезюрсена Пьер Лаваль по одной только рекомендации короля получает архиепископство Реймса [3, с. 222-223]. Чтобы предупредить выборы Людовик XI пишет каноникам кафедрального капитула, что он будет «помогать таким образом, чтобы провизия, которую для него сделает по нашей просьбе святой престол, возымела полное действие» [9, т. 5, с. 158]. Пьеру Лаваль удалось сохранить в управлении и только что полученное епископство Сен-Брие, за которое он в январе 1473 года платит общие службы.

В Париже после смерти Гийома Шартье в 1472 году Людовик XI намерен передать епископский престол сыну своего советника Людовика, сеньора де ля Форе двадцатипятилетнему (т.е. не отвечающему каноническим требованиям по возрасту) Людовику де Бомон [5, с. 331]. Король заручился папскими буллами для своего протеже и отказал капитулу в проведении выборов. Каноники отказались принимать поддержанного папой королевского протеже. Людовик угрожает арестом их доходов и передает Бомону бенефициальные доходы церкви. Под давлением капитул вынужден допустить торжественный вход и осящение нового епископа, оговорив, что не признают его настоящим епископом и сохранят свое право выбора до того времени когда будут «свободны» [9, т. 10, с. 474–487; 14, с. 24–31].

Людовик добивается, чтобы папа Сикст IV зарезервировал, вопреки праву и канонической традиции, архиепископство Тулузы для Пьера Леон при жизни архиепископа Бернара де Розье [3, с. 252; 12, с. 183].

При вакансии епископского престола Валанса в 1472 году каноники избирают епископом брата приближенного к королю Имбара де Батарнай Жака. Папа добивался епископства для своего племянника Рьярио [12, с. 182, сн. 8]. Несколько месяцев спустя после смерти Жака де Батарнай в 1474 г. на капитул, созванный для выборов епископа, прибывают два посланца Людовика XI с королевским предписанием избрать Антуана де Бальзак. За отказом каноников избрать королевского кандидата последует его назначение папой [3, с. 262].

Значительного усиления папской власти, а тем более поворота к прежней бенефициальной системе в результате конкордата Людовик XI не опасался. В его руках находилось действенное, быстроотрезвляющее антипапское оружие, временами расчехляемое, – угроза созыва собора. Карл VII не проявлял в

этом вопросе личной инициативы, но и не сдерживал призывы духовенства, парламента и университета. Людовик XI не брезгует этим средством, даже когда речь идет о поощрении его окружения. Двенадцать лет король и папа, сознавая выгоды от конкордата, балансируют на грани разрыва отношений благодаря разным интересам вне области формирования церковной иерархии Франции: проблема авиньонского легатства, флорентийские события, бургундская проблема.

Показателен пример спора вокруг авиньонского легатства [12, с. 33–39]. Король издает ордонанс, требующий созыва собора, добиваясь кардинальства для Шарля Бурбон [11, т. 18, с. 166; 9, т. 6, с. 39]. В 1478–79 годах ситуация повторится уже в связи с итальянской политикой короля. Депеши итальянских послов при французском королевском дворе свидетельствуют о колебаниях короля: он не уверен, что сумеет подчинить собор своим интересам и направить его деятельность в нужное русло, и поэтому не доводит начатое до конца.

Эти опасения были обоснованными. Конкордат, как и предыдущие церковно-бенефициальные начинания короля, встретил противодействие галликанской церкви. Парижский парламент отказался приказать или позволить обнародовать буллу Сикста IV как посягающую на корону [11, с. 549]. Непреклонная позиция парламента найдет отражение и при решении конкретных бенефициальных дел. Ж. Сальвини отмечал для диоцеза Парижа, что папские наделения бенефициями были действенными во всех случаях, пока одновременно с его протеже не появлялся конкурент, назначенный королем или епископом. В этих случаях капитул никогда не выступал прямо против требований верховного понтифика и всегда принимал обоих соперников на требуемый бенефиций. Но римский кандидат всегда устранялся впоследствии. В 1474 г. в парламентском процессе торжествует наделение епископа над кандидатом папы и короля [14, с. 41, сн. 4; с. 42, сн. 1–5]. Согласно подсчетам П. Урлиака, Парижский парламент с 1462 по 1483 годы, рассмотрел не менее 60 дел, касающихся выборов на церковные бенефиции [12, с. 134]. В. Жюлеро, занимаясь церковной конфликтологией конца XV века и изучая борьбу за епископские престолы при папе Иннокентии VIII и короле Карле VIII, отметила, что более 30% от общего количества епископств и архиепископств Франции (без учета принципатов Дофине, Прованса, графства Венассен: архиепископство Авиньон и его викарные епископства Оранж, Карпантра, Кавайон, диоцезов Турне и Камбре, оказавшихся вне пределов королевства, но с учетом принципата Бретань) находятся в состоянии диоцезальных «схизм» [8, с. 15–23; 7]. На

момент смерти Людовика XI 39 из 111-114 (если считать диоцезы Безансона, Элна и Арраса, которыми приросло королевство) престолов оспаривали по 2–3 кандидата [8, с. 18, сн. 12]. Карлу VIII достаются в наследство 83 клирика, принимающих заинтересованное участие в борьбе за епископские престолы, эти конфликты пытаются разрешить парижский и другие парламенты и королевский Большой Совет.

Новая ситуация, когда французский клир из необходимого – и потому поощряемого неокрепшей королевской властью – союзника превращается в препятствие для дальнейшего расширения ее прерогатив, требует от короля поиска новых подходов к разрешению вопроса о разделении властей в бенефициальной сфере. Людовик XI предложил новый принцип государственно-церковных отношений (а вернее, возвращение к старому, но при новом соотношении сил). Выход был найден в конкордате с папой, возвращавшем святому престолу многие из его прав в бенефициальной области в обмен на обещание предоставлять бенефиции клирикам, назначенным королем, королевой, дофином и парламентом, при сохранении ряда уступок капитулам. Но двуединая сила папско-королевской власти встретила ожесточеннейшее сопротивление французского духовенства, противодействие парижского парламента и, в итоге, потерпела поражение. Конкордат был отвергнут последующими французскими королями, а новая бенефициальная политика короля и папы встретила резкую критику со стороны духовенства. Но предложенный Людовиком XI принцип со временем, то есть с обретением королевской властью достаточной силы для его последовательного проведения в жизнь, восторжествует в болонском конкордате.

Таким образом, несмотря на выгоды и достижения в бенефициальной сфере, которыми Людовик XI был обязан амбуазскому конкордату – важнейшими из которых была возможность «законной» перелицовки церковного корпуса Франции по своему усмотрению, создание «партии епископов Людовика», которая выступит единым фронтом на Генеральных Штатах в Туре в 1484 году – соглашение с папой Сикстом IV во многом осталось «мертвой буквой». Король Людовик XII в два приема восстановил законы о функционировании системы раздачи бенефициев, учрежденной прагматической санкцией [13, т. 15, с. 333-335, 583-586]. Папа Лев X в соответствии с римской традицией специальной буллой упразднил хартию галликанской церкви. Но значительная часть буржских предписаний перешла в состав конкордата, подписанного им в августе 1516 года в Болонье с королем Франции Франциском I. Выборы епископов и аббатов

продолжали существовать в бенефициальной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 176 с.
2. Combet, J. Louis XI et le Saint-Siège (1461-1483) / Joseph Combet. – Paris : Hachette, 1903. – XXVIII-320 p.
3. Eubel, K. Hierarchia catholica medii aevi, sive Summorum pontificum, S. R. E. cardinalium, ecclesiarum antistitum series ab anno 1198 usque ad annum perducta e documentis tabularii praesertim Vaticani collecta, digesta, edita per Conradum Eubel. – Monasterii, Sumptibus et Typis Librariae Regensbergianae, 1913-1967. – 6 Bd.
4. Fasti ecclesiae gallicanae : répertoire prosopographique des évêques, dignitaires et chanoines des diocèses de France de 1200 à 1500. – Paris-Turnhout: CNRS-Éd. Brépols, 1996-2017. – 17 vols.
5. Favier J. Louis XI / Jean Favier. – Paris : Tallandier, 2012. – 1019 p.
6. Gallia christiana in provincias ecclesiasticas distributa qua series et historia archiepiscoporum, episcoporum et abbatum regionum omnium quas vetus Gallia complectebatur / opera et studio monachorum congregationis S. Mauri. – Parisiis : V. Palme; Romae, 1874. – Vol.11. Complectens provinciam rotomagensem.
7. Julerot, V. «Peuple» chrétien et élection épiscopale à la fin du XVe siècle / Véronique Julerot // Revue d'Histoire de l'Eglise de France, 2005, Vol. 91, Number 1, P. 27–49.
8. Julerot, V. «Y a ung grant desordre». Élections épiscopales et schismes diocésains en France sous Charles VIII / Véronique Julerot. – Paris : Publications de la Sorbonne, 2006. – 475 p.
9. Lettres de Louis XI, roi de France, publiées d'après les originaux pour la Société de l'histoire de France / Joseph Vaesen et Étienne Charavay. – Paris : H. Laurens, 1883–1909. – 11 vols.
10. Mercati A. Raccolta di Concordati au matière ecclesiastiche tra la Santa Sede e le autorità civili / Angelo Mercati. – Rome, 1919. – T.I (1098-1914). – nuova ed. Roma : Tipografia poliglotta vaticana, 1954. – XXII, 1138-90.
11. Ordonnances des roys de France de la troisième race. T. XVII. Ordonnances rendues depuis le mois de juillet 1467 jusqu'au mois de mars 1473 / Emmanuel Pastoret. – Paris : de l'Impr. Royale, 1820.
12. Ourliac P. Le concordat de 1472. Etude sur les rapports de Louis XI et Sixte IV / Paul Ourliac // Revue historique de droit français et étranger, 1942, Ser. 4, T. 21, P. 174-223; 1943, Ser. 4, T. 22, P. 117-154.
13. Recueil général des anciennes lois françaises: depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / par François-André Isambert. – Paris: Belin-

le-Prieur,1821–1833. – 29 vols. – Vol.X. 1461–1483. – Paris: Belin-Leprieur: Verdière, 1825. – P. [381] à 953.
14. Salvini, J. L'application de la Pragmatique Sanction sous Charles VII et Louis XI au chapitre cathédral de Paris / Joseph Salvini // Revue d'histoire de l'Église de France, 1912, t. 3, no 14, p. 121–148, no 16, p. 421–431, no 17, p. 550–561.
15. Valois, N. Histoire de la Pragmatique Sanction de Bourges sous Charles VII / Noël Valois. – Paris: A. Picard et fils, 1906. – CXXII, 288 p.

АННОТАЦИЯ

Санжаров В.А. Амбуазский конкордат: папа, король и галликанская церковь.

Статья посвящена анализу взаимоотношений трех сил – королевской власти, папства и галликанской церкви – в вопросе наделения церковными бенефициями во время правления Людовика XI. Король Франции и папа Сикст IV пытаются посредством конкордата пересмотреть сложившуюся и закрепленную Прагматической санкцией Карла VII систему бенефициальных наделений в собственных интересах. В статье рассматривается содержание Амбуазского конкордата, преследуемые его подписантами цели и практика его применения. Отмечается, что конкордат, как и предыдущие бенефициальные начинания короля, встретил противодействие галликанской церкви и парижского парламента. В статье делается вывод о том, что конкордат позволил Людовику XI провести перелицовку высшего эшелона в церковной иерархии королевства – епископата, но не смог изменить основ функционирования бенефициальной системы во Франции.

Ключевые слова: Амбуазский конкордат, галликанская церковь, Сикст IV, Людовик XI, Прагматическая санкция, прелаты.

SUMMARY

Sanjarov V. Concordat of Amboise: Pope, King and Gallican Church.

The article analyses a relationship of three powers – the royalty, papacy and the Gallican Church – in a question of investment with church benefices during the rule of Louis XI. By means of the concordat, the king of France and Pope Sixtus IV try to reconsider a system of the benefice allotments, which was developed and fixed by the Pragmatic sanction of Charles VII, in their own interests. In the article contents of the Amboise concordat, the purposes pursued by his signers and practice of its application are considered. It is noted that the concordat, as well as previous benefice undertakings of the king, has met counteraction of

the Gallican Church and Parisian parliament. The article concludes that the concordat has permitted Louis XI to carry out altering of the highest echelon in church hierarchy of the kingdom – the episcopate, but it could not change bases of functioning of benefice system in France.

Key words: Concordat of Amboise, Sixtus IV, Louis XI, gallican church, Pragmatique Sanction, prelates.

Юрий Иванович Филатов
кандидат исторических наук, доцент
Донецкий центр Института
востоковедения им. А. Крымского
г. Донецк, ДНР

УДК 94(477)

ДОНБАСС В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905-1907 гг.) И I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О любом историческом событии судят по результатам и его величие определяет Время. Цель статьи, хотя бы отчасти, осветить многогранную борьбу рабочего класса и крестьянства Донецкого края, которая сливалась с многочисленными выступлениями народов Российской империи и привела к главному событию 20 века – Великому Октябрю 1917 г. Его эпохальность не понять без изучения значения первой русской революции 1905–1907 гг. и событий в стране в годы I Мировой войны. Поступательное промышленное развитие страны после удачных реформ 60-х годов XIX в. привели к тому, что Донбасс к началу нового века стал крупным молодым индустриальным районом Юга России.

После того, как история выдвинула Донбасс в центр промышленного развития в конце XIX – начале XX вв., здесь ярко проявились политические, социально-экономические процессы, присущие капитализму. Край располагал наличием необходимых ископаемых для производства металла, морским портом в Мариуполе, был связан железнодорожной сетью с Криворожским бассейном и центром страны. Логика производства продиктовала строительство в непосредственной близости шахт, металлургических и машиностроительных, химических предприятий. Почуяв огромные доходы, в край устремился иностранный капитал и стал нещадно эксплуатировать рабочих.

Промышленное развитие края началась с добычи угля. Шахтовладельцы создавали акционерные компании (АО) с преимущественно иностранным капиталом. С 1872 по 1900 гг. в крае образовалось более 20 АО. Огромная прибыль в горной промышленности при льготной политике правительства привлекала

западных предпринимателей и к концу 90-х гг. им принадлежало до 90 % средств АО в угольной отрасли [1, с. 12].

К началу нового века в Донбассе из 15 металлургических заводов 12 имели полный цикл производства, т.е. производили чугун, сталь и прокат, а три были передельными, т.е. без доменных печей и использовали привозной чугун [4, с. 70]. Ведущие инвестиционные позиции распределились следующим образом: макеевский завод – французскому капиталу, Енакиевский – бельгийскому, французскому и немецкому, 60 % финансов Краматорского металлургического общества владели немцы и т.д.

Развитие угольной и металлургической промышленности в регионе привело к созданию машиностроительного комплекса. В 1885 г. шахтовладелец Иловайский начал строительство труболитейного завода. Машиностроительное предприятие в Юзовке построили бельгийцы Боссе и Генефельд. Немецкий магнат Гартман в конце 90-х гг. открыл в Луганске самый большой в России паровозостроительный завод с металлургическим циклом. Среди первых появившихся металлообрабатывающих предприятий Донбасса были Харцызский котельный, Дебальцевский механический, а в Константиновке и Горловке – литейно-механические.

Развивалась и химическая промышленность, представленная содовыми заводами в Лисичанске и Славянске (вырабатывали 63 % всей соды в стране). На последнем развились соляные промыслы, производство стекла и керамики [4, с. 72–73]. Промышленный переворот коснулся и банковской сферы. В 1860 г. был создан Государственный банк, а в 1863 г. правительство разрешило учреждать частные банки и к 1874 г. в Донбассе уже действовал 31 акционерный банк [1, с. 4].

Пролетариат донецкого края формировался двумя путями. Немалую его часть составляли выходцы из старых промышленных центров России: Петербурга, Москвы, Брянска, Сормово, Тулы и др. Эти квалифицированные рабочие, будучи уволенными за революционную деятельность, в конце XIX – начале XX вв. представляли наиболее идейно подготовленных рабочих, продолжавших проходить школу классовых битв в основном на металлургических и машиностроительных предприятиях.

В период империализма Донбасс получал кадры – преимущественно шахтерские, специфика труда которых не требовала длительной подготовки – из деревень центральных и малороссийских губерний страны: Орловской, Курской, Воронежской, Тульской, Тамбовской, Калужской, Рязанской, а также Екатеринославской, Харьковской, Черниговской и в небольшом количестве выходцев из Могилевской и Области Войска Донского.

В годы I Мировой войны на предприятиях Донбасса стало работать значительное число китайцев и сравнительно немного персов (иранцев), выходцев из Индии. Казанские татары также работали на шахтах и сохранили свою языковую и культурную идентичность до настоящего времени [4, с. 75].

Разорительная империалистическая война с Японией после промышленного кризиса 1900–1903 гг. отбросила народное хозяйство страны в полосу тяжелого финансового и торгово-промышленного состояния.

Эпоха империализма ознаменовалась массовым объединением отраслей промышленности по производственному принципу в акционерные общества (АО) – синдикаты. В 1902 г. металлургические заводы Юга создали крупнейший в стране синдикат «Общество для продажи русских металлургических изделий» («Продамет»). Он сначала объединял 12 обществ, затем их число достигло 30, и за несколько лет стал контрагентом предприятий Юга, многих в Центре, Северо-Западе и отчасти на Урале [4, с. 73]. С 1910 г. его позиции усилились за счет патронирования ряда контрагентов объединения мощными банковскими монополиями с иностранным капиталом – Петербургским Международным и Азовско-Донским банками [1, с. 73]. Тогда же появились синдикаты «Трубопродажа», «Гвоздь» и «Продвагон».

В 1904 г. из 18 отдельных АО, добывавших 60 % каменного угля в Донецком бассейне, шахтовладельцы Авдаков и Олоньин создали синдикат «Продуголь» с правлением в Париже. Предприятиям с франко-бельгийским капиталом принадлежало 81 %, а с русским – 19 % реализуемого угля [9, с. 8].

Анализ развития Донбасса как центра промышленности Юга России дает понимание целей и движущих сил Первой русской революции 1905–1907 гг. Учитывая бездну каторжных условий жизни и труда пролетариата Донбасса, ответом на кровавые события «9 января» в Петрограде стали забастовки в крае [15, с. 8-10]. Первым забастовал 17 января 10-тысячный Юзовский металлургический завод. 20 января забастовку подхватили забойщики Пастуховского, а 24-го – Чулковского рудников [15, с. 93].

Вторая крупная забастовка началась 22 января на Петровском (ныне Енакиевском) металлургическом заводе. Она проходила организованно и закончилась 5 февраля удовлетворением сравнительно значительных требований. Под ее влиянием прекратили работу 24 января горловские машиностроители, а 27 января 4 тыс. горняков Веровского и Софийского рудников. С 4 февраля по 23 февраля бастовали последовательно один за другим 45 заводов в Бахмутском, Славяносербском, Александровском уездах донецкого края [3, с. 36].

В Донбассе так же, как и во всем всероссийском рабочем движении, январь 1905 г. дал в десять раз больше бастующих рабочих, чем за предыдущее десятилетие 1894–1904 гг. Забастовочное движение постепенно охватывало предприятия края. 1 февраля предъявили свои требования 4 из 5 крупнейших металлургических заводов Донецкого региона. Особо выделилась стачка луганских паровозостроителей, начавшаяся 16 февраля, и постепенно принявшая политический характер на многих предприятиях донецкого края [3, с. 34-36; 15, с. 18-19].

Забастовочное движение с 17 января по март включительно охватило более 50 крупных предприятий Донецкого региона с количеством до 80 тыс. человек. За полтора месяца размах выступлений по числу и организованности превзошел в несколько раз рабочее движение предыдущей тридцатилетней истории Донбасса.

Массовое сознание участников всеобщей Октябрьской стачки 1905 г. в Российской империи – первой в истории мирового рабочего движения по размаху, организованности и широте революционных задач – предложило избрание в ряде городов страны народных органов руководства – Советов рабочих депутатов. Рожденные вихрем революционного подъема рабочих масс, возникавшие в начале на правах общегородских стачечных комитетов, Советы логикой борьбы превращались в орган борьбы рабочего класса за политическую власть. Они возникали в октябре-декабре в Луганске, Мариуполе, Таганроге, Енакиево. Юзовский Совет охватил своим влиянием и Макеевский промышленный район [3, с. 54].

В Донецком бассейне на ряде заводов, рудников и узловых станциях железной дороги в октябре-декабре образуются такие организации рабочего представительства на предприятиях как: «Исполнительная комиссия» на Петровском заводе, «Делегатские собрания» на Юрьевском, на Луганских паровозостроительном и патронном, Алчевском металлургическом, распорядительные и боевые стачечные комитеты на железнодорожных станциях. Выражая интересы широких масс, как и советы, они избирались общими собраниями рабочих и служащих; ежедневно отчитывались за свою деятельность, получая одновременно дальнейшие директивы; явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день; устанавливали цены на продукты в рудничных и заводских лавках; организовывали охрану населения от погромщиков и хулиганов [9, с. 28-29; 14, с. 128-129].

Очагами вооруженной борьбы в декабре 1905 г. стали железнодорожные станции и рабочие поселки металлургических и машиностроительных предприятий. Для руководства восстанием

создавались боевые дружины. Всеобщая российская политическая стачка в декабре 1905 г. ознаменовалась вооруженными выступлениями с жертвами в городах Авдеевке, Ясиноватой, Бахмуте и др. [9, с. 38].

В ответ на отказ выдать руководителей забастовки рабочих горловского машиностроительного завода 16 декабря войсками был произведен залп в безоружную толпу бастующих. Дружинники Горловки обратились за вооруженной помощью к рабочим дружинам края, которые стали прибывать по железной дороге. Откликнувшихся на призыв оказалось гораздо больше, чем имевших оружие. Всего в Горловке собралось до 4 тыс. чел., много крестьян окрестных деревень. Большинство исследователей Горловского восстания заслуженно отмечают отвагу дружинников в бою с регулярными царскими войсками 17 декабря, что обеспечило их победу в первом бою. Говорится и о слабой вооруженности его участников, всего около 150-300 человек имели винтовки и дробовики, револьверы, остальные самодельные пики и другое холодное оружие. Отмечаются и недостаточная распорядительность штаба восстания при анализе обстановки, другие моменты. Но вскользь упоминаются и не у всех историков наличие у регулярной армии пушек и пулеметов, боевых винтовок и достаточности боеприпасов к ним. Количество убитых и раненных сильно разнятся, «Горный листок» назвал 33 чел. убитых в бою (официальные данные – 300 чел. только погибших) [4, с. 104].

В связи с этим следует подчеркнуть два момента. Первый – решимость и бесстрашие восставших, которые имели кровавый опыт поведения самодержавия в 1905 г. не только в Петербурге и Москве, но и в Донбассе. Их не испугало тяжелое вооружение усмирителей и будущие репрессии. Второй – массовый отклик крестьян окрестных сел на события в Горловке. Резерв восстания по воспоминаниям участников составлял много селян, из которых не все были вооружены даже пиками. Окруженные на железнодорожной станции войсками, раненные и безоружные оказались в заложниках у царской власти. Во имя сохранения их жизней штаб восстания в ответ на ультиматум принял решение об отступлении. Дружинники организованно покидали Горловку на своих поездах.

Бурные народные выступления продолжались в донецком крае и в 1906 –1907 гг., но после поражения декабрьского восстания в Горловке революция постепенно пошла на спад. Царские каратели передвигались с артиллерией, проводя массовые аресты, бросив сотни лучших сынов народа в тюрьмы. К концу декабря 1905 г. царские войска заняли Гришино, Авдеевку, Горловку, Енакиево и др., железнодорожные станции Алчевскую, Попасную, Ясиноватую, установив в них круглосуточные наряды. 58 тюрем

Екатеринославской губернии были переполнены. Полиция арестовала руководителей боевых дружин и активных участников восстания П. Бабича, А.И. Ващеева, В.П. Григорашенко, И.А. Кротько, Г.Ф. Ткаченко-Петренко, Г.З. Троянова, А.Ф. Щербакова и др. Покинули Донбасс А.С. Гречнев, И.П. Мазанов, С. Морозов. К смертной казни через повешение было приговорено вначале 32 чел., затем оставили 8 чел. Каторгу получили: 12 чел. – бессрочную, на 8 лет – 6 чел., на 4 года – 25 чел., на 2 года и 8 мес. – 5 чел., многие оказались на длительные сроки в тюрьме. Усилился экономический гнет предпринимателей, последовал запрет проводить собрания и т.д. [3, с. 71]. Подводя итоги Первой русской революции, В.И. Ленин видел необходимость в собирании опыта вооруженных восстаний в стране, в том числе и в Горловке [5, с. 180].

Рабочий класс и крестьянство донецкого края приняли активное совместное участие в революции 1905–1907 гг. Пролетарское движение в регионе оказывало возрастающее влияние на движение крестьян за землю. Широко разбросанные в крае горнозаводские предприятия находились рядом с селами. В силу обстоятельств, из-за малоземелья, став рабочими, вчерашние крестьяне, как правило, не теряли связи с землей. Многотысячные коллективы предприятий часто состояли в основном из жителей окрестных сел. Такое положение было характерной чертой Донецкого края. Окончание осенью уборочных работ знаменовалось наплывом крестьян из близлежащих губерний на шахты и промышленные предприятия края до начала посевной кампании. Тяжелые условия труда и быта, низкая зарплата не могли оставить тружеников равнодушными, и они возвращались домой с зачатками революционного сознания. На эту особенность классовой борьбы в Донбассе указывали полицейские чины в 1908 г. при анализе размаха революции 1905–1907 гг.; второй заметной чертой ими отмечалась возросшая классовая солидарность крестьян и различных отрядов рабочего класса [3, с. 67, 70].

Промышленный подъем 1909–1913 гг. усилил развитие империализма. Происходит дальнейшая концентрация банковского дела. В 1914 г. свыше 40% функционирующего капитала петербургских банков приходилось на монополистические организации «Продуголь», «Продамет» и некоторые другие синдикаты [6, с. 350]. Росло политическое влияние монополистической буржуазии. В небывалых размерах использовался ими подкуп царских чиновников. Наиболее влиятельные из них приглашались на выгодные посты в акционерные общества и банки. Министр путей сообщений Рухлов и министр торговли и промышленности Тимашев входили в правление синдиката «Продуголь». И подобное осуществлялось в массовом

масштабе. В свою очередь руководители банков и монополий назначались на ответственные посты в государственном аппарате. Председатель совета «Продуголь» и десятка акционерных обществ Авдаков одновременно был членом Государственного совета, членом совета при министре торговли и промышленности, заседал в различных правительственных комитетах по горнопромышленным и железнодорожным делам [7, с. 132].

Новый революционный подъем в России, начавшийся в 1912 г., был прерван I Мировой войной в 1914 г. Она стала тяжелым испытанием для жителей Донбасса. Предприятия переходили на военные заказы, начались периодические мобилизации в армию. Это усложнило борьбу за свои экономические права. Быстро стали расти цены на предметы широкого потребления. Появились перебои с централизованным снабжением городов.

После начала войны началось бурное развитие химической промышленности в крае. Ранее часть сырья для производства взрывчатки в стране не производилась. Толуол для выпуска артиллерийских снарядов использовался из сырого бензола, поставляемого из Германии. И уже спустя полгода после начала военных действий артиллерия испытала «снарядный голод». Государство срочно стала налаживать их производство и у станции Рубежное началось строительство сразу трех заводов: химических красителей «Русско-краска», обществ «Коксобензол» и «Российского товарищества для производства и продажи пороха» [12, с. 17].

В 1914 году ученый И.И. Андреев нашел способ получения азотной кислоты принципиально новым способом – путем окисления аммиака в присутствии катализатора. В Макеевке была построена на коксовом заводе опытная установка по производству кислоты. Стоимость продукта уменьшилась в 3,5 раза и весной 1916 года в Юзовке приступили к строительству Азотного завода. Химическая промышленность региона поставляла военному ведомству не только компоненты для взрывчатых веществ, но и полноценное химическое оружие. В Славянске уже в 1915 г. было налажено производство жидкого хлора [13, с. 15]. Это же отравляющее вещество выпускалось в Лисичанске. Кроме хлора, здесь же производился и фосген. Два этих предприятия поставили большую часть химического оружия русской армии [13, с. 58]. Компания «Оливье Пьетт» для производства составляющих снарядов построила в Дружковке установки для улавливания сырого бензола, затем и завод для его фракционирования. Подобный контракт получила и фирма «Эванс Копье» в Юзовки [11, с. 1,2]. Основным потребителем продукции предприятия (300 пудов толуола в месяц) стал Охтинский завод взрывчатых веществ [10, с. 330].

Хотя за два с половиной года войны и было создано 48 горнопромышленных предприятий, угля катастрофически не хватало, поэтому частично или полностью бездействовали некоторые металлургические заводы. 21 декабря 1916 г. дирекция Краматорского металлургического завода телеграфировала председателю Особого совещания по обороне, что в виду не подвоза топлива завод закрыт [8, с. 139]. По той же причине в декабре 1916 г. на Таганрогском металлургическом заводе нормально работали только две домны из четырёх [7, с. 169]. Монополисты проводили политику ограничения производства ради увеличения цен и не заботились о нуждах страны, своих трудящихся.

Рабочие не прекратили борьбы с капиталом и в годы войны. Июль 1914 г. был отмечен стачками антивоенного характера, а в последующие годы экономического и политического. По сравнению с Петербургским и Московским промышленными районами размах стачечной борьбы в Донбассе во время войны был ниже. Это объясняется значительным привлечением в промышленность края вместо мобилизованных квалифицированных рабочих женщин и детей, военнопленных. Спасаясь от мобилизации на предприятия хлынули представители мелкой буржуазии. Но борьба за свои экономические и политические права продолжалась все годы войны.

В начале 1915 г. среди предпринимателей стал усиленно обсуждаться вопрос о пополнении каменноугольной промышленности рабочими – китайцами, корейцами, персами, японцами. Однако в сравнительно заметных размерах были привезены лишь китайцы. Предприниматели использовали их труд с целью оградить предприятия от забастовок и платить минимальную зарплату, не заботясь о жилищных условиях. Доля военнопленных на предприятии не должна была превышать 15 % общего числа рабочих. Но накануне Февраля их было: в каменноугольной промышленности – 26 %, в металлургической – 27 %, а в железорудной – почти 60 %.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Монополистическое развитие Донбасса в конце XIX в. и начале XX в. происходило при активном участии рабочих и крестьян края во всех революционных событиях России. В Донецком бассейне, как и в старых рабочих центрах страны, массовая пролетарская борьба к 1905 г. прошла огромный путь. Мирные экономические требования переросли в вооруженную борьбу за власть и создание рабочими ее органов – Советов и комитетов, делегатских собраний. Высшая точка восстания в Донбассе – Горловское вооруженное восстание – имеет непреходящее историческое значение в Первой русской революции 1905–1907 гг.

2. Промышленный потенциал края дал возможность в годы I Мировой войны решить ряд важнейших мобилизационных задач для народного хозяйства, а также наладить в достатке производство химических изделий, ранее не производившихся в стране. Россия обрела после строительства новых химических предприятий оружие, которое заставило Германию в конечном итоге отказаться от применения газов.

3. Происходившие в годы войны выступления трудящихся за свои экономические права, несмотря на сложности военного времени, часто перерастали в политические требования. Они не дали возможности закрепиться буржуазии у власти в Феврале 1917 г., развенчав ее грабительский характер и неспособность решить перезревшие социальные проблемы. Накопленный опыт классовой борьбы позволил занять верную пролетарскую позицию в дальнейших битвах от Февраля к Октябрю 1917 г.

4. Происходившие в Донбассе события, наряду с общероссийскими, стали прологом Великой русской революции в Октябре 1917 г., которая позднее была названа Великой Октябрьской социалистической революцией. Широко поддержанный трудящимися массами Донбасса Октябрь 1917 г. устранил в конечном итоге эксплуатацию буржуазией и планируемую колониальную зависимость России от Запада. В последующих сражениях была создана и утверждена «Красная империя» СССР.

Донбасс всегда на острие судьбоносных событий в стране и сейчас он находится на передовом рубеже защиты России, Русского мира. Происходящие в донецком крае события с 2014 г. – продолжение Великой Октябрьской революции 1917 г. и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баклагина Р.А. Деятельность акционерных обществ в Донбассе во второй половине XIX – начале XX вв., созданных с участием иностранного капитала // Летопись Донбасса. – Донецк, 1992. – Вып. I.6.
2. Бунтовский С.Ю. История Донбасса: научно-популярное издание / С.Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2015. – 402 с.
3. Донбасс в революции 1905-1907 годов: Сборник документов. – Сталино: Сталинское областное издательство, 1955. – 84 с.
4. История рабочих Донбасса: в 2 т., т.1 / АН УССР Ин-т истории. – К.: Наукова думка, 1981. – 325 с.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 12.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27.
7. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях I Мировой войны / И.В.Маевский. – М.: Госиздат, 1957. – 392 с.

8. Модестов В.В. Рабочие Донбасса в трех русских революциях / В.В. Модестов. – М. : Мысль, 1974. – 268 с.
9. Модестов В. В. Рабочее и профсоюзное движение в Донбассе до Великой Октябрьской социалистической революции / В. В. Модестов. – М.: Профиздат, 1957. – 132 с.
10. Республиканский архив Донецкой Народной Республики, ф.72, оп.1, д.8а.
11. Республиканский архив Донецкой Народной Республики, ф.150, оп.1, д.172.
12. Республиканский архив Донецкой Народной Республики, ф.119, оп.1, д.49.
13. Республиканский архив Донецкой Народной Республики, ф.150, оп.1, д.267.
14. Революция 1905-1907 гг. на Украине. К 50-летию первой российской революции. – К.: Изд-во. АН УССР, 1955. – 320 с.
15. Харченко Т. 1905 год в Донбассе / Т. Харченко. – Ленинград: Рабочий, 1926. – 126 с.

АННОТАЦИЯ

Филатов Ю.И. Донбасс в годы Первой русской революции (1905-1907 гг.) и I Мировой войны.

Статья о месте и роли Донецкого региона в революционных событиях начала XX века в России и вкладе в оборонный потенциал Юга страны в годы I Мировой войны.

Ключевые слова: революционные выступления; промышленность; иностранный капитал; I Мировая война.

SUMMARY

Filatov Y. Donbass during the First Russian revolution (1905-1907) and World War I.

The article is about the place and role of the Donetsk region in the revolutionary events of the early twentieth century in Russia and contribution to defence capabilities of the South of the country during the World War I.

Key words: revolutionary actions; industry; foreign capital; World War I.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА

Ольга Владимировна Жарикова
кандидиат филологических наук, доцент
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 801.6:801.4+882(09)

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ДРАМАТИЧЕСКИХ ОПЫТАХ ЗИНАИДЫ ГИППИУС И АЛЬБЕРА КАМЮ

Возникновение «новой драмы» в России сопровождалось стремлением подойти к изображению человека, его взаимоотношений с окружающей средой и мировым бытием, а также попытками видоизменить старые театральные формы.

Драматическое творчество Зинаиды Гиппиус мы рассматриваем в рамках символистской драматургии. Символистская драматургия была особенным явлением в литературной жизни России. Она была не только обособленной от заполненного, многократно варьированного ряда господствовавшей реалистической драматургии своего времени, но и малочисленной. Во-первых, символистская драматургия всегда шла следом за поэзией. Во-вторых, в драматургии символизма действовали разного рода связи, но не возникало объединений, групп, школ. Символисты прошли эволюцию взгляда на театр от «храма» до «балагана». Символистская драма отображала стремление найти новые средства для выражения резко обострившихся процессов, сталкивавших прежде обособленные друг от друга социальные слои и национальные культуры. Символисты ставили задачу изобразить человека не в его социально-бытовой и исторической типичности, а как элемент общей «мировой жизни». Символисты смотрели на театр как на силу, способную непосредственно изменить духовную сущность действительности, драма должна было воссоздать «мистерию всемирного преобразования». Таким образом, символисты внесли своеобразную ноту в дальнейшее развитие драматургии.

Российские события 1905-1907 гг. живо затронули З.Н. Гиппиус. Это отразилось во многих ее произведениях, но для нас особый интерес представляет, написанная в сотрудничестве с Д. Фидлслфовым и Д. Мережковским, драма «Маков цвет». Пьеса изображает непосредственные переживания группы русских людей 1905-1906 гг. в Париже и в России.

С поражением революции, когда обозначилась несостоятельность идеи пересоздания жизни средствами религиозного искусства и понизился интерес к эстетическому радикализму, символисты оказались перед необходимистью пересмотра своих установок творчества. Отпала необходимость в создании репертуара для театра-храма, утихла борьба с традиционнфм театром и реалистической драмой. Возникшая идея «синтеза» символизма с реализмом многим символистам показалась спасительной, сулившей выход из тяжелого кризиса. Слишком общая и теоретически несостоятельная, компромиссная идея эта не сплотила писателей-символистов. В драматургии их расхождение увеличилось, хотя генетические и типологические общности оказались неизбывными.

Драма «Маков цвет» вышла в 1907 году. Пятнадцатилетнее молчание Мережковского-драматурга в значительной мере зависело от его неприятия современного театрального искусства как «нерелигиозного». Он и З. Гиппиус не раз заявляли, что желают гибели «пошлого», «буржуазного» театра. «Маков цвет» – пьеса о революции 1905 года. Реальное действие с социально-бытовой фабулой уподобляло ее социальной драме. Но провиденциально-символический смысл, который автор придала трагическому разъединению двух близких семейств и двух станов русской интеллигенции, определял все построение пьесы, от персонажей до сюжета. Живых характеров в пьесе не было и быть не могло, так как условно-обобщенные персонажи с упрощенной психологией илюстрировали авторские идеи. Эта «марионеточность» их воспринималась критикой как драматургическое несовершенство. Однако заданность поведеня героев в такого рода тенденциозной драме, лишенной объективных мотивов действия (характеров, конфликта, сюжета), была неизбежной и предусматривалась драматургами.

З. Гиппиус и ее соавторы, доказывая с аллегорической прямотой «братоубийственный» характер революции, в то же время мистифицировали ее причины («святые» порывы к тому, «чего нет на свете»).

Общественное примирение возможно лишь в вере, в обретении любви. Эти чувства у живых вызываются кровавыми жертвами по обе стороны баррикад и самоубийством молодых и честных главных герое – Сони и Бориса, чья любовь оказалась невозможной из-за пролитой крови, разъединившей их семьи. Мистическое истолкование революции позволяло авторам пьесы обойтись без рабочих, без народа. Правда, есть в пьесе социал-демократ Иосиф Бланк, под влияние которого временно попадает героиня. Но его будничный прагматизм и политическая расчетливость не согреты любовью и верой. Значит – в них нет правды, нет и будущего. В

пьесе революционное движение отрывалось авторами от социал-демократических идей и связывалсь с «мистическим движением века».

Основная идея пьесы – революционная борьба – это борьба по существу во имя «абстрактных», античесловеческих идеалов. Она приводит к миру, где необходимо «убивать или быть убитым» (путь Иосифа Бланка). Чистые же и честные люди, вовлеченные в эту борьбу, оказываются в тупике, из которого выход – смерть. Самоубийством и «очищаются» люди от причастности к миру Бланков (это путь Сони и Бориса).

И вот через сорок с лишним лет, в 1949 году, А. Камю создает пьесу «Les jurtes» (справедливые, праведные, верные), где дается такая же, по сути дела, оценка революционной борьбы. Камю сталкивает в своей драме две правды: одна из них – ложная, мертвая, абстрактная, губительная, ведущая, как и у Бланка, к миру, где господствует убийство; и другая – истинная, подлинно гуманная.

Лжеправда, утверждающая себя однако как высшая справедливость, воплощена Камю в образе непримиримого революционера-террориста Степана. Степан требует неукоснительности и точного выполнения террористических актов, хотя бы при этом погибали ни в чем неповинные люди и даже дети. И лишь тогда, убежден Степан, «когда мы решимся забыть о детях, в этот день мы станем хозяевами мира и революция восторжествует». Другая истинная правда воплощена в образах Коляева и Доры, которые предлагают другой путь революции: «к жизни, к солнцу». Вовлеченный Степаном в террористический акт, приводящий к гибели «доброго человека», Коляев, как и Соня из «Макова цвета», видит единственный выход в смерти. Он поэтому отказывается от возможного помилования, добровольно принимая казнь как «искупление».

Несомненно идейное родство этих двух пьес. Обе они утверждают, что путь революционной борьбы – это абстрактная, «мертвая» правда, лишь увеличивающая несправедливость и страдания на земле, ведущая людей к моральному тупику, к гибели. Противопоставляется же этой борьбе путь «жизни и солнца», «чистый» путь, любовь к народу, не «соглашающаяся со смертью». Это и есть подлинно жизненный путь, подобный проселочным русским дорогам, где цветут «маки».

Анализируя творчество З. Гиппиус, рассматривая ее философские и эстетические взгляды, ее отношение к «страшному» миру, к первой русской, февральской и октябрьской ревлюциям, можно отметить безграничную любовь З. Гиппиус к России, ее желание спасти Родину от гибели, ее веру в возрождение России. Гиппиус знала,

что будет создана Свободная Россия – новая страна, какой еще не было в истории. Она надеялась, что революция раскрепостит людей, но сознание людей было подавлено революцией и последующими годами забвения. Именно об это и ее пьеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. В Т. 4. Лунные муравьи: Рассказы. Пьесы / З. Н. Гиппиус. – М. : Русская книга, 2001. – 528 с.
2. Крайний А. Литературный дневник (1899-1907) / А. Крайний. – СПб. : Изд-во М. В. Пирожкова, 1908. – 63 с.
3. Шеррер Ю. Религиозно-философские искания в России в начале XX века / Ю. Шеррер // История русской литературы. XX век: Серебряный век. – М., 1995. – С. 92-99.

АННОТАЦИЯ

Жарикова О.В. Тема революции в драматических опытах Зинаиды Гиппиус и Альбера Камю.

Работа посвящена рассмотрению актуальной в наши дни теме – теме революции. На примере творчества двух видных писателей начала XX века дан взгляд на революционные события глазами очевидцев. Проанализированы причины и последствия революции столетней давности.

Ключевые слова: революция, тема, большевики, интеллигенция, драма.

SUMMARY

Zharikova O.V. The theme of revolution in the dramatic experiments of Zinaida Gippius and Albert Camus.

The work deals with the today theme – the theme of revolution. Examples of the work of two prominent writers of the early twentieth century given the look at the revolutionary events through the eyes of witnesses. Analyzed the causes and consequences of the revolution a century ago.

Key words: the revolution, the theme, the Bolsheviks, the intelligentsia, drama.

Элина Витальевна Коваленко
магистрант 2-го года обученя
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 378.12

КОНТРАСТ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЁМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТА В РОМАНЕ ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ «РОЗЫ В КРЕДИТ»

Роман «Розы в кредит» – первый из цикла, названного автором «Нейлоновый век». В романе поднимается проблема развития потребительских тенденций во французском обществе второй половины XX века. Эта проблема раскрывается через судьбу главной героини, молодой девушки Мартины, которая происходит из низов.

Французская писательница Эльза Триоле ярко изобразила среду, в которой проживала семья Мартины. Шестеро детей от пяти до пятнадцати лет постоянно ходили грязные и вынуждены были ждать в холоде на улице, пока мать развлекалась дома с мужчинами. Дети обедали за столом, по которому бегали крысы и все, кроме Мартины, воспринимали это как должное. Героиня не могла дома даже есть, потому что все в доме было пропитано грязью и беспорядком. Все дети, за исключением Мартины, были невежественными и всегда слепо повиновались матери, которая угрожала им избиением. Мартина – контрастный образ по отношению ко всем членам ее семьи. Она – очень красивая, черноволосая, у остальных же детей были рыжеватые волосы. Девушка имела феноменальную память, ей легко давалась учеба, особенно заучивание стихов, исторических дат, написание диктантов. Героиня педантично относилась к выполнению любой работы, поэтому ее тетради и книги всегда были в идеальном виде. И когда братья Мартины перелили на ее тетради масло, а крысы погрызли их, она была в гневе и отчаянии. Она единственная из своей семьи мылась, покупая мыло на деньги, полученные от продажи цветов, которые собирала в лесу. Благодаря использованному автором приему контраста, читатель открывает для себя глубинную сущность характера Мартины – ее стремление ко внешнему совершенству в неприемлемой для неё атмосфере.

Свой идеал Мартина увидела в доме госпожи Донзер, абсолютно контрастном тому, в котором она жила. Обычный чистый дом показался ей неслыханной роскошью. До этого она и представить не могла, что существуют люди, которые могут позволить себе мыться каждый день: *«Самый сказочный из дворцов «Тысячи и одной*

ночи», все ароматы Аравии никому никогда не могли доставить наслаждения, равного тому, какое испытывала Мартина в домике, пропитанном запахом шампуня, лосьонов и одеколона… Невозможно передать блаженство, испытываемое Мартиной, когда она опускалась в горячую, опаловую от ароматических солей воду» [2, с. 25]. Условия, в которые Мартина попала, составляют разительный контраст ее дому, где, по мнению госпожи Донзер, *«мусорный ящик мог показаться цветущим садом, по сравнению с этой Мартининою комнатой»* [2, с. 28]. Именно тогда сформировалось ее страстное стремление к материальному благу.

Контрастное изображение двух кардинально противоположных сред помогает раскрыть характер главной героини, ведь читатель наблюдает, что она органично себя чувствует только среди материального комфорта. На доминанте материального основывается чрезмерная меркантильность и уверенность в механической самодостаточности потребительского общества. Это типичный интерес к идеологии «американской мечты» во Франции 50-х годов [1, с. 19].

Мартина увлеклась глянцевыми журналами, которые выписывала госпожа Донзер: *«На гладкой чистой глянцевой бумаге лица женщин, детали туалета – все было безупречно, без изъянов. А в обыденной жизни Мартине как раз бросались в глаза одни лишь изъяны. Вот и сейчас в лесу она видела листья, изъеденные червями, скользкие червивые грибы, кучки земли, ход, вырытый кротом, наполовину засохший ствол дерева, по которому уже постукивал дятел... Ей сразу же бросалось в глаза все больное, мертвое, гниющее. Природу никто не лакировал, она не на глянцевой бумаге, и Мартина не прощала ей этого!»* [2, с. 43]. Как видим, даже природа не была для героини настолько идеальной, как то, что люди создали своими руками, искусственно, чтобы удовлетворить свои материальные, а не духовные потребности.

Контрастные отрывки помогают раскрыть психотип героини. Мартина – яркая перфекционистка, которая верит в то, что ее материальный идеал может и должен быть достигнут. Она очень быстро привыкла к Парижу и превратилась в настоящую парижанку, *«всегда находила то, что искала – новое, блестящее, хорошо отполированное, абсолютно чистое»* [2, с. 49]. Недаром ее любимым словом было «безупречное».

Основной конфликт романа построен на контрасте – это конфликт между двумя абсолютно противоположными психологическими типами: материалисткой и идеалистом. Мартина – типичный потребитель, Даниэль – типичный ученый, для которого материальное – второстепенно. Чрезвычайное увлечение Мартины всем материальным выливается в ненасытную жажду потребления.

Мартина с восторгом принимает общество потребления и те возможности, которые оно открывает – кредит, явление, которое появилось во Франции в 50-е – 60-е годы. Оно породило новое отношение к деньгам – то, что нельзя купить сразу – можно купить в кредит.

В романе существует еще один – внутренний конфликт, основанный на контрастных чувствах и стремлениях Мартины. С одной стороны – ее увлечение всем блестящим, фальшивым и искусственным, за что она получила в детстве прозвище «сорока-воровка». С другой стороны – ее настоящее, глубокое, естественно, верная любовь к Даниэлю. Мартине казалось, что она строит гнездо для них обоих. Контрастное у них было понимание того, каким должно быть это гнездышко и отношения в нем. Вернувшись домой после длительной поездки, Даниэль больше всего хотел, чтобы любимая бросилась ему на шею, поцеловала, а она начала накрывать на стол: подставки для тарелок, бокалы трех видов, подставки для вилок и ножей – все, как на картинках в журналах, – идеальная встреча человека с заботливой хозяйкой.

Она пыталась создать рекламную картинку: красивый мужчина, красивая женщина, хорошо сервированный стол – все блестящее и совершенное. Все в ее квартире должно было находиться на своем постоянном месте. Мартину раздражали книги, тетради, принадлежности, необходимые Даниэлю для его обучения и исследований. Чрезмерно захвачена материальными вещами, Мартина делала все для обустройства жилья, но не заботилась о куда более важных вещах, таких как спонтанность и искренность чувств.

Когда Даниэль покинул ее, оказалось, что именно он и его любовь были большой ценностью ее жизни. Она стала безразлична к вещам. Мартина совсем запустила свое жилье: одежда валялась на полу, постель была смята: *«Там царил странный беспорядок: на полу валялась одежда, постель была смята…»* [2, с. 188]. Мартина начала терять вещи, купленные в кредит. Без Даниэля они потеряли для нее ценность. Квартира Мартины после того, как Даниэль покинул ее, составляет разительный контраст с той квартирой с обложки журнала, которую она столько лет создавала. Теперь она даже мусор забывает вынести: *«Внешне она, казалось, не переменилась – по-прежнему холеная, надушенная, и никто не мог себе представить, в какую клоаку обратилась ее квартира, куда она никого не впускала. Мусора она не выбрасывала, посуду не мыла, простынь не меняла. Такова была ее месть. Но кому же она мстила? Ведь никто не знал, что у нее творится? /…/ Целые вечера она просиживала, ничего не делая и чувствуя себя таинственной заговорщицей…»* [2, с. 201].

Стремление к красоте у Мартины приняло уродливые формы, потому что на её душу убийственно повлияла нищета и грязь, в

которых ей довелось родиться. Она так и не смогла объяснить Даниэлю, что она любит и к чему стремится. Она боролась прежде всего за форму, но ведь именно вопиющая бедность для неё в какой-то момент связала форму с содержанием, и никто не учил её их различать. Даниэль тоже предоставил Мартине в одиночестве сражаться со своей болезненной зависимостью от покупки красивых вещей. Он не нашёл пути к её душе, любуясь только прекрасной внешностью. Сам он, несмотря на свою учёность, в глубине души остался крестьянином, радовавшимся обладанием прекрасной и верно его любящей женщиной. Все своё время он отдавал селекции роз, но был не в силах заметить, что, прежде всего, Мартина нуждается в духовном развитии, и не мог ничего дать ей в этом плане. По сути, оба героя не видят разницы между красотой формы и ценностью содержания.

Однако автор говорит о том, что сама же Мартина далеко не идеализирует Даниэля Донеля, человека якобы более высокой духовной конструкции, чем Мартина. Он бросает жену в самый трагический момент ее жизни, когда ей особенно нужны любовь и поддержка: *«Я нашел женщину менее совершенную, надо думать, что именно это мне и нужно. Нужно во что бы то ни стало»* [2, с. 198].

Мартина, разочарованная, разбитая, одинокая, больная, узнав о смерти матери, едет по вызову нотариуса на родину, в деревню. Там, в старой материнской хижине, она случайно попадает в объятия последнего любовника ее матери. Там она засыпает в хижине и гибнет, съеденная крысами.

У выведенной же Даниэлем розы «Мартина Донель» был *«несравненный аромат старинной розы, а форма и цвет розы нашего времени»* [2, с. 214]. Она напоминает читателю о той прекрасной телом и душой, юной Мартине-в-лесах, которая была способна на «анахроническую» любовь. Дивная роза, выведенная Даниэлем – это усовершенствованная природа, в которой заключён его многолетний самоотверженный труд, любовь к прекрасному образу, но человеческий прототип этой розы покончил с жизнью.

Если бы Даниэль был более настойчив, и его любви хватило на заботу о Мартине, то она могла бы вполне реализовать себя. Но это человеческое существо с нежной душой осталось брошенным в одиночестве разбираться в вопросе, что есть красота, чем она отличается от симулякра, какую цену можно за неё заплатить.

Природное может иметь гармонию красоты и подлинности, но человеческое существо нуждается в удовлетворении истинных духовных потребностей. Героиня романа «Розы в кредит» истину находит в смерти. Эстетика фальшива, но в реальности нет способа совместить истину, добро и красоту. Красота – продукт рекламы, её

создают руками и покупают в кредит, но отказываются при этом от добра и от истины. Только три этих компонента могут произвести гармонию.

Таким образом, в романе контрастами являются психологические типы главных героев, условия проживания, отношение к материальному и моральному аспектам человеческой жизни, портреты героев. С помощью приема контраста раскрываются и внутренний, и внешний конфликты романа. Контраст дает возможность проследить эволюцию главной героини романа, углубить звучание социальной проблематики, обострить морально-этические вопросы, поставленные в романе, и, наконец, именно контраст способствует развитию интриги.

Кроме того, автор дает понять, что даже совершенная красота, которой всегда поражала Мартина, легко разрушается, если она не озарена духовностью. Изглоданное крысами, некогда прекрасное лицо Мартины, символизирует хрупкость и недолговечность материального. А остается Мартина в той розе, которую создал Даниэль, назвав ее Мартина Донель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телегіна Н. І., Федюк Л. Є. Роль контрасту у романі Ельзи Тріоле «Троянди в Кредит» [Электронный ресурс.] – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/9_SNP_2015/Philologia/2_188893.doc.htm
2. Триоле Э. Нейлоновый век : Розы в кредит. Луна-парк / Э. Триоле. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 366 с.

АННОТАЦИЯ

Коваленко Э.В. Контраст как основной приём реализации конфликта в романе Эльзы Триоле «Розы в кредит».

Статья посвящена рассмотрению основного приема реализации конфликта в романе «Розы в кредит» Эльзы Триоле. Установлено, что с помощью приема контраста раскрываются и внутренний, и внешний конфликты романа.

Ключевые слова: контраст, общество потребления, конфликт, психотип.

SUMMARY

Kovalenko E.V. Contrast as the Main Method of Realizing the Conflict in Elsa Triolet's Novel "Roses on Credit".

The article is devoted to the consideration of the principal method of realization of conflict in the novel by Elsa Triolet "Roses on credit". It is found that using contrast reveals both the internal and external conflicts of the novel.

Key words: contrast, consumer society, conflict, psychological type.

Елена Анатольевна Луценко
кандидат филологических наук, старший преподаватель
ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт
дополнительного педагогического образования»
г. Донецк, ДНР

УДК 378.147

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Анализ современных требований к специалистам экономико-управленческого профиля показывает, что профессиональная коммуникативная компетентность становится одним из существенных качеств современного специалиста данного профиля, поскольку различные виды деятельности в экономике и менеджменте осуществляются в непосредственном контакте с людьми. Однако реализующаяся в настоящее время концепция профессионально-ориентированной подготовки будущих специалистов не в полной мере отвечает современным требованиям к уровню подготовки студентов к будущей профессиональной коммуникации, предъявляемых государственным образовательным стандартом и рынком труда. В настоящее время обществом востребована личность активная, креативная, коммуникабельная, целеустремленная, находящаяся в постоянном развитии и движении. Все это определяет актуальность поиска оптимальных путей совершенствования профессиональной коммуникативной компетентности будущих специалистов экономико-управленческого профиля.

Уровень профессиональной коммуникативной компетентности студентов технических вузов был проанализирован Е. А. Александровой [1],А. В. Батаршевым [4]. Исследования показали недостаточный уровень сформированности коммуникативной компетентности будущих специалистов.

Проблемы формирования коммуникативной компетентности специалистов различных сфер профессиональной деятельности были изучены в работах Л. В. Антроповой [3], А. В. Брюханова [6], И. М. Писаревского, И. Соколовой. В то же время остается недостаточно изученной проблема формирования профессиональной коммуникативной компетентности студентов экономико-управленческого профиля.

Теоретические и методологические основы формирования системы коммуникативных навыков были разработаны Г. М. Андреевой [2], А. В. Морозовым [10], А. В. Батаршевым [4], С. Ю. Головиным.

Формирование коммуникативных умений и навыков студентов экономических специальностей рассмотрено в исследованиях С. А. Бородай [5], Т. Л. Шепеленко. Данные исследования могут служить основой для разработки теории формирования профессиональной коммуникативной компетентности, однако требуют доработки вопросы формирования коммуникативных знаний, а также мотивации к формированию профессиональной коммуникативной компетентности у студентов.

Механизмы процесса формирования коммуникативной компетентности рассмотрены в работах Г. М. Андреевой, Ю. К. Бабанского, А. А. Бодалева, А. А. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Л. А. Петровской и др., понимающих процесс коммуникации как единство трех взаимосвязанных компонентов: информационного, интерактивного и перцептивного; как условие, повышающее эффективность образования (Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев и др.).

Фундаментальный вклад в развитие теории и практики формирования коммуникативной компетентности внесла социальная психология, в рамках которой представители различных школ и направлений единодушно включают коммуникативную компетентность в структуру эффективного общения (А. А. Бодалев, К. Данцигер, Д. Джонсон, Ю. Н. Емельянов, Ю. М. Жуков, Н. В. Клюева, Ю. А. Конев, В. Н. Куницына, Л. А. Петровская и др.).

Анализ вышеперечисленных исследований показал, что проблема формирования профессиональной коммуникативной компетентности будущих экономистов недостаточно разработана в теоретическом и методологическом аспектах. Уточнения и разработки требуют концептуальные положения системы формирования профессиональной коммуникативной компетентности будущих экономистов и менеджеров, модель ее формирования, организационно-методические условия ее реализации в условиях технического университета, критерии эффективности формирования профессиональной коммуникативной компетентности студентов экономико-управленческого профиля.

Объектом исследования выступает коммуникативная компетентность как научно-педагогическая проблема.

Предметом исследования является сущность коммуникативной компетенции и принципы и подходы современного языкового образования в процессе профессиональной подготовки студентов неязыковых ГОУ ВПО в ее формировании.

Цель: исследовать состояние обучения студентов общению в современных условиях и осуществить характеристику системы коммуникативных навыков и профессиональной коммуникативной компетентности; обосновать содержание формирования системы коммуникативных навыков, профессиональной коммуникативной

компетентности студентов в контексте ГОУ ВПО нефилологического профиля.

Преобразования, происходящие в современном обществе, непосредственно затрагивают систему образования. Реформирование высшей школы и совершенствование образовательного процесса предъявляют новые требования к его организации, содержанию и методике. Важнейшей задачей высшей школы в современных условиях является подготовка высокопрофессиональных специалистов, обладающих качественно новым уровнем знаний, навыков и умений и способных к их непрерывному обновлению и совершенствованию.

Преподавание предмета «Русский язык и культура речи» в ГОУ ВПО происходит в быстроменяющихся условиях, четко отражающих настоятельные потребности общества; приоритет в сфере образования отдается преимущественно коммуникативным методам, интерактивности и гуманизации обучения. Необходимость исследования и решения совершенствования обучения студентов на основе педагогического моделирования лингвистической подготовки определяется рядом факторов.

Н. В. Катахова отмечает, что готовность к деловому общению становится сегодня важным показателем профессионализма специалиста в любой сфере трудовой деятельности. Поэтому подготовка студентов неязыковых факультетов к деловому общению приобретает в современных условиях существенное значение и является неотъемлемой составной частью профессиональной подготовки будущего специалиста [9].

Сегодня высшая школа призвана подготовить специалиста «нового типа», способного к оперативной и эффективной реализации профессиональных задач. Поэтому особую значимость в обеспечении социальной и профессиональной успешности специалиста приобретает проблема формирования коммуникативной компетенции. Природа деятельности современного специалиста требует от него развитой коммуникативной компетентности, которая включает в себя свободное владение всей совокупностью навыков и умений, необходимых для эффективного вербального и невербального общения и взаимодействия, включая в себя ситуативную адаптивность и мотивацию.

Опираясь на концепцию развития высшего профессионального образования, С. Е. Цветкова полагает, что формирование целостной структуры осваиваемой профессиональной деятельности, т.е. удовлетворение профессиональных потребностей специалистов в интересах развития их личности и творческих способностей с учетом требования общества в высококвалифицированных кадрах может являться основой образовательной деятельности вузов. Любая

подобная модель должна составляться на основе компетентностного, коммуникативного и профессионально-ориентированного подходов [12].

Принцип профессиональной компетенции – один из главных этических принципов работы специалиста любой области. Профессиональная компетентность будущих экономистов и менеджеров в высших технических учебных заведениях складывается из ряда слагаемых, среди которых немаловажную роль в обеспечении эффективности, результативности работы играет коммуникативная компетентность.

Коммуникативная компетентность – ориентированность человека в различных ситуациях общения, основанная на знаниях и чувственном опыте индивида; способность эффективно взаимодействовать с окружающими благодаря пониманию себя и других при постоянном видоизменении психических состояний, межличностных отношений и условий социальной среды.

Общепризнано, что категория «коммуникативная компетентность» – феномен междисциплинарный, отражающий достижения разных направлений языкознания, педагогики, психологии, философии и других наук. Вместе с тем, несмотря на высокую частоту встречаемости в современной научной литературе, категория «коммуникативная компетентность» характеризуется неопределенностью дефиниций и, как следствие, понятийного поля. Сказанное подтверждается результатами анализа различных словарей и энциклопедических изданий в соответствующих областях.

Коммуникативные способности входят в структуру профессиональных способностей, играют важную роль в формировании коммуникативной компетентности и являются основой профессиональной деятельности. Коммуникативная компетентность выступает как одна из наиболее важных профессионально значимых характеристик будущих экономистов и менеджеров, а развитие этой компетентности – как первоочередная задача образования в высшем техническом учебном заведении. Современный этап развития общества, новая парадигма образования наполняют эту проблему новым, более ёмким содержанием. Изучение сущности и структуры коммуникативной компетентности позволяет выделить два взаимосвязанных и взаимозависимых ее уровня: первый уровень определяет проявление коммуникативной компетентности непосредственно в общении, коммуникативном поведении человека; второй – включает педагогические коммуникативные ценности, ориентацию и специфику профессиональной мотивации экономиста/менеджера, его потребность в общении.

Современное общество потребовало нового экономиста/ менеджера, способного быть компетентным во всех вопросах, связанных с профессиональной деятельностью, а, следовательно, изменений в системе образования в высшем техническом учебном заведении. Первоочередной задачей высшей технической школы становится личностное гуманистическое развитие будущего экономиста/менеджера, которое наиболее полно проявляется и выражает себя в коммуникативном аспекте экономической деятельности. В связи с этим коммуникативная компетентность выступает как одна из наиболее важных характеристик, а развитие этой компетентности – как особая задача профессионального становления личности будущего экономиста/менеджера.

Профессию экономиста/менеджера можно назвать «коммуникативной» профессией, поскольку общение тесно вплетено в контекст практической деятельности. Это профессия, успех которой в значительной мере зависит от её коммуникативной компетентности – компетентности в межличностном взаимодействии, межличностном общении, межличностном восприятии.

Кроме того, интенсификация социальных связей, расширение поля общения, связанные с этим психические перегрузки создают напряженность в процессе общения. Высокий же уровень коммуникативной компетентности делает экономиста/менеджера более подготовленным и защищенным в условиях интенсивного межличностного общения.

Под коммуникативной компетентностью А. А. Емельяненко понимает: во-первых, совокупность теоретических знаний, практических умений и навыков, обеспечивающих эффективное протекание учебного процесса, ориентированность в различных ситуациях общения; во-вторых, систему внутренних ресурсов личности, необходимых для построения продуктивного и коммуникативного взаимодействия с менеджерами различных категорий [7].

Исследователи выделяют две группы подготовки к профессиональному общению: 1) знания о социально-психологических особенностях общения, вербальных и невербальных техниках; 2) развитие эмпатии, идентификации, рефлексии. Для продуктивного общения экономисту/менеджеру необходима сформированность соответствующих коммуникативных и социальных установок на общение. Под коммуникативными установками подразумевается, прежде всего, готовность вступить в контакт, ориентация на диалогическое общение, основанное на субъектно-субъектном принципе.

Компетентность во всех видах общения заключается в достижении трёх уровней адекватности партнёров – коммуникативной,

интерактивной и перцептивной. Коммуникативная сторона общения состоит в обмене информацией между людьми. Интерактивная сторона общения заключается в организации взаимодействия между индивидами, т.е. в обмене не только знаниями и идеями, но и действиями. Перцептивная сторона общения означает процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установление на этой почве взаимопонимания. Следовательно, можно говорить о различных видах компетентности в общении.

В. П. Захаров и Н. Ю. Хрящева выстраивают факторы компетентности в общении следующим образом: знания в области психологии личности, группы; умения и навыки общения; развитие установок, необходимых для успешного общения; способность адекватно и полно воспринимать и оценивать себя и других людей, а также взаимоотношения, складывающиеся между людьми; коррекция и развитие системы отношений личности [8, с. 22–29].

Таким образом, можно согласиться с М. М. Севериным, что в состав коммуникативной компетентности входят когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Когнитивный компонент связан с познанием другого человека и включает способность предвидеть поведение другого человека. Эмоциональный компонент включает эмоциональную отзывчивость, эмпатию, чувствительность к другому, способность к сопереживанию и состраданию, внимание к действиям партнеров. Поведенческий компонент, прежде всего, включает в себя свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения [11].

Важным этапом в диагностике является выбор показателей, по которым можно судить о состоянии профессиональной компетентности специалиста. Коммуникативная деятельность как сложная динамическая система имеет свою специфическую структуру, в состав которой входят многочисленные элементы. В качестве основных показателей сформированности коммуникативной компетентности у экономиста/менеджера можно выделить следующие: наличие развитой речи; владение современными информационными технологиями; умение составлять и вести документацию; высокий уровень коммуникативного контроля; высокий уровень коммуникативной толерантности.

Эффективным средством формирования коммуникативной компетентности являются интерактивные формы и методы обучения: аргументация, дебаты, ролевые и деловые игры, презентации. Главная цель интерактивных технологий обучения – приобретение знаний студентами при непосредственном действенном их участии.

Итак, формирование коммуникативной компетентности студентов экономико-управленческого профиля с помощью

коммуникативно-ориентированного обучения с использованием интерактивных методов имеет огромное значение, так как способствует формированию профессионализма студентов и позволяет строить взаимодействие с партнерами по общению как в учебном процессе, так и в будущей профессиональной деятельности на качественно новом уровне, что в перспективе позволяет рассмотреть совершенствование не только организационных форм, но и содержательной части профессиональной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е. А. Коммуникативная компетентность студентов технических ВУЗов: социологический анализ. / Е. А. Александрова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 20 (201). – С. 163–165.
2. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Психология» / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 376 с.
3. Антропова Л. В. Коммуникативная компетентность студента как объект формирования в процессе профессиональной подготовки в ВУЗе / Л. В. Антропова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 1-24. – С. 15-20.
4. Батаршев А. В. Диагностика способности к общению. / А. В. Батаршев – СПб. : Питер, 2006. – 176 с.
5. Бородай С. А. Формирование коммуникативных умений и навыков у студентов экономических специальностей : дис. … канд. пед. наук. : 13.00.08 / Бородай Светлана Алексеевна. – Чебоксары, 2004. – 199 с.
6. Брюханов А. В. Коммуникативная компетентность менеджеров в условиях трансформации управленческих отношений в современной России : автореф. дис. … канд. социолог. наук : 22.00.08 – Социология управления / Андрей Владимирович Брюханов. – Екатеринбург, 2008. – 25 с.
7. Емельяненко А. А. Гендерные особенности коммуникативной компетентности курсантов военных вузов [Электронный ресурс] / А. А. Емельяннко. – Режим доступа : https:// scienceeducation.ru/ru/article/view?id =5767 – Заголовок с экрана.
8. Захаров В. П., Хрящева Н. Ю. Социально-психологический тренинг : учеб. пособие. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 55 с.
9. Катахова Н. В. Педагогическое моделирование лингвистической подготовки студентов вузов : дис. … канд. пед. наук : 13.00.08 / Катахова Наталия Владимировна. – Москва, 2005. – 210 с.

10. Морозов А. В. Деловая психология. Курс лекций : учебник для высших и средних специальных учебных заведений / А. В. Морозов. – СПб. : Союз, 2000. – 312 с.
11. Северин М. М. Формирование коммуникативной компетентности у будущих офицеров-воспитателей [Электронный ресурс] / М. М. Северин. – Режим доступа : https://www.rae.ru/forum2012/pdf/2096.pdf – Заголовок с экрана.
12. Цветкова С. Е. Профессиональная языковая подготовка студентов-будущих менеджеров средствами информационных технологий : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Цветкова Светлана Евгеньевна. – Н. Новгород, 2004. – 179 с.

АННОТАЦИЯ

Луценко Е.А. Профессиональная коммуникативная компетентность студентов экономико-управленческого профиля.

Проанализировано состояние проблемы исследования в педагогической теории и практике, структуру профессиональной коммуникативной и языковой компетентности экономистов и менеджеров, методологические основы формирования профессиональной коммуникативной и языковой компетентности, рассмотрены принципы и подходы в развитии коммуникативных навыков и языковых компетенций в процессе подготовки студентов неязыковых вузов.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, коммуникативная компетенция, структура коммуникативной компетентности, модель формирования коммуникативной компетентности.

SUMMARY

Lutsenko E.A. Professional communicative competence of students of economic and management specialty.

The condition of the research problem in pedagogical theory and practice, the structure of professional communicative and linguistic competence of economists and managers, the methodological foundations of the formation of professional communicative and linguistic competence are analyzed, the principles and approaches in the development of communicative skills and language competence in the process of preparing students of non-linguistic universities are examined.

Key words: communicative competence, communicative competency, structure of communicative competence, model of formation of communicative competence.

Виктория Эдуардовна Рязанова
магистрант 2-го года обученя
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
г. Горловка, ДНР

УДК 378.12

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ШАРЛЯ БОДЛЕРА В РОССИИ

Шарль Бодлер – один из ярчайших французских поэтов XIX века. Его считают предшественником не только символизма, но и абстракционизма, сюрреализма и экзистенциализма. М. М. Бахтин называл его основоположником декаданса [2].

Творчество Бодлера нашло отклик в сердцах поэтов по всему миру, в том числе и в России. Первые переводы стихотворений Ш. Бодлера на русский язык появились еще в начале 1860-х годов, несмотря на то, что цензурный запрет на публикацию «Цветов зла» был снят лишь в 1906 году.

Первые русские переводы Бодлера принадлежали Н. С. Курочкину, В. Лихачеву и Д. Минаеву. Версия стихотворения «La fin de la journée», принадлежащая Н. С. Курочкину, была напечатана в «Отечественных записках» в 1870 г. Удивителен тот факт, что перевод был напечатан всего лишь через несколько лет после публикации оригинала. Мы не можем не согласиться с Всеводом Багно, который считает, что «*переводы, выполненные поэтом-современником, поэтом-единомышленником, чаще оказываются более адекватными, чем переводы, осуществленные в другие эпохи и в чуждых оригиналу эстетических системах*» [1]. Действительно, чем больше разрыв в годах, тем тяжелее поэту-переводчику прочувствовать произведение и настроения, которое оно несёт в себе.

Первый сборник переводов из Бодлера был издан в 1895 году и включал в себя пятьдесят три стихотворения, переведённых П. Ф. Якубовичем.

Шарля Бодлера переводили символисты и декаденты Эллис, В. Брюсов, В. Иванов, И. Анненский, Д. Мережковский, К. Бальмонт и др. Именно эти поэты сыграли огромную роль в популяризации творчества Ш. Бодлера в России. На русский язык Ш. Бодлера также переводили М. Цветаева, Л. Коган, С. Парнок, В. Левик, М. Волков, М. Донской, М. Яснов и В. Микушевич и др.

Известно, что в предреволюционной и послереволюционной России звучали разные мнения относительно Шарля Бодлера и его творчества. Многие считали его аморальным и циничным.

Известно негативное отношение к поэту Л. Н. Толстого. Так, например, в письме к С. А. Толстой от 15 ноября 1892 г. Л. Н. Толстой написал: *«Baudelaire получил. Не стоило того. Это только, чтобы*

иметь понятие о степени извращения fin de siècle'a» [9]. Позже, в своем трактате под названием «Что такое искусство?» Л. Н. Толстой выберет своей главной мишенью для критики декаданса именно Шарля Бодлера. Смысл бодлеровских произведений остался непонятен Толстому, ведь его *«надо угадывать как ребусы»*, и большинство из них *«так и остаются неразгаданными»* [10, с. 90]. Проанализировав поэзию Бодлера и его «Стихотворения в прозе», Л. Н. Толстой осудил его миросозерцание, которое, по его мнению, *«состоит в возведении в теорию грубого эгоизма и замене нравственности неопределенным, как облака, понятием красоты, и красоты непременно искусственной. Бодлер предпочитал раскрашенное женское лицо натуральному, и металлические деревья и минеральное подобие воды – натуральным»* [10, с. 99].

В 1896 году в своей статье «Поль Верлен и декаденты М. Горький сказал: *«Он, этот Бодлер, «жил во зле, добро любя», и, наконец, погиб, оставив Франции свои мрачные, ядовитые, звучащие холодным отчаянием стихи, за которые при жизни его называли безумным, а по смерти назвали поэтом и позабыли, слушая Коппе и Ришпена, истых сынов своего общества, «парнасца» Эредиа, ничего не говорящего сердцу, и вспоминая о Банвиле и Леконт де Лиле, которые писали так красиво, что их стихи больше похожи на мраморные кружева мавританских дворцов, чем на живую рифмованную речь»* [5, с. 7].

Нас не может не удивлять тот факт, что творчество Шарля Бодлера так по-разному воспринималось и оценивалось. И. С. Тургенев, который был старше Л. Н. Толстого на десять лет, высоко оценивал произведения Бодлера, о чем можно узнать из его писем друзьям. И. И. Иванов – литературный критик конца XIX века, утверждает, что А. П. Чехов также являлся поклонником таланта Бодлера, о чём нам говорит, например, образ Лысевича из «Бабьего царства», речь которого так напоминает Бодлера.

При всём разнообразии мнений и оценок, нельзя отрицать тот факт, что большинство русских писателей и литературоведов всё же признавали эстетическую значимость поэта.

А. Белый в своей работе «Кризис сознания и Генрик Ибсен» выделяет место для Бодлера в контексте духовного развития эпохи: *«Три этапа надлежит пройти современному идеализму: от Бодлера – к Ибсену, от Ибсена – к Ницше, от Ницше – к Апокалипсису. Путь от Бодлера к Ибсену есть путь от символизма как литературной школы к символизму как миросозерцанию…»* [3, с. 237-238].

Н. Гумилёв считал Ш. Бодлера одним из величайших поэтов XIX века [6]. Он не относит его ни к романтикам, ни к парнасцам, ни к символистам. Ведь, чтобы быть романтиком, *«ему не хватало*

ни культа чувства, ни театрального пафоса, ни характерного многословья» [6]. Для парнасца он *«слишком нервен, слишком причудлив, и он говорит не столько о вещах мира, сколько о вызываемых ими ощущениях»* [6]. С символистами его связывает лишь то, что у него они позаимствовали *«утонченную фонетику стиха»,* но *«ни ощущенья многоплановости бытия, ни желанья дать почувствовать за словами абсолютное у него не было»* [6].

Шарль Бодлер часто становился причиной эстетических споров в кругах русской интеллигенции. Так, А. Белый вспоминает разногласия, которые возникли между Брюсовым и Эллисом. Эллис был оскорблен нелестными отзывами Брюсова о его переводах Бодлера, которые были напечатаны в «Весах». Так как и Эллис, и Брюсов часто бывали в гостях у А. Белого, он боялся, как бы их встреча не закончилась дракой.

Вполне естественно, что с освоением творчества Бодлера возникают и попытки сравнить его с представителями русской словесности, проследить его влияние на произведения отечественных писателей.

Например, Бодлера часто сравнивали с Н. Некрасовым. В 1902 году в газете «Новости дня» Брюсов пишет: *«Некрасов сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники. Его сумрачные картины северного города могут посоперничать с лучшими страницами Бодлера (и вообще в его даровании, как ни странно такое сближение, есть доля чего-то бодлеровского)»* [4, с. 68]. Позже с ним согласится Г. Адамович, который будет сопоставлять ироничность Бодлера с Вольтером, а через него – с Некрасовым.

Отношение к Бодлеру и его творчеству проявлялось не только в виде литературно-критических статей, но и в виде стихотворений. Рассмотрим в качестве примера стихотворение «Секстина» (1910 год) И. Северянина, в котором он сравнивает свою писательскую судьбу с бодлеровской:

«Я заклеймен, как некогда Бодлер;
То – я скорблю, то – мне от смеха душно»

[8, с. 180-181].

«Цветами зла увенчанный Бодлер» для него – художник, которого нельзя заключить в рамки, символ поэтической свободы и независимости. В 1926 году он напишет еще одно стихотворение, которое так и назовёт – «Бодлер» [8].

Эллис (Л. Л. Кобылинский) сыграл особую роль в распространении творчества Ш. Бодлера в России. Он перевёл не только «Цветы зла», но и другие сборники: «Стихотворения в прозе», «Моё обнаженное сердце». Его кумирами навсегда стали Данте и Бодлер. Именно их творчество натолкнуло Эллиса на

мысль о том, что Дух Зла можно преодолеть только с помощью духовной революции. Любовь к творчеству Бодлера проявилась не только в переводах, но и в собственных стихотворениях Эллиса. В стихотворении «К Бодлеру» он сравнивает стихотворения французского поэта с криками альбатроса и Икара, упавшего в грязь с небес.

Среди других писателей, уделявших внимание творчеству Шарля Бодлера, можно назвать В. Брюсова и К. Бальмонта.

В статье «Священная жертва» В. Брюсов написал: *«Современное искусство, то, которое называют "символизмом" и "декадентством", шло не этой опустошенной дорогой. На стебле романтизма развернулось два цветка: рядом с парнасством – реализм. <…> И все то новое, что возникло в европейском искусстве последней четверти XIX века, выросло из этих семян. Бодлер и Ропс, еще чуждые нам по своей форме, но родные по своим порывам и переживаниям, истинные предшественники «нового искусства», – явились именно в эпоху, когда господствовал реализм: и они были бы невозможны без Бальзака и Гаварни»* [4, с. 89].

Брюсов перевел множество поэтических текстов Бодлера («Красота», «Экзотический аромат», «Привидение», «Вечерние сумерки» и др.). Отзвуки Бодлера мы можем найти и в поэзии Брюсова. Брюсов видит Бодлера в роли обличителя новой буржазной Франции:

«Лорнируя жизнь в призму горьких иронии,
Ты видел насквозь остова Second Empire,
В салонах, из лож, меж кутил, на перроне, –
К парижской толпе припадал, как вампир.
Чтоб, впитая кровь, сок тлетворный, размолот,
Из тигеля мыслей тек сталью стихов,
Чтоб лезвия смерти ложились под молот
В том ритме, что был вой вселенских мехов!»

[4, с. 187].

Конечно, на восприятие В. Брюсовым бодлеровской поэзии повлияли пережитые им революционные события. Он вписывает революцию в вечно продолжающуюся борьбу добра и зла.

Особого внимания заслуживает отношение к бодлеровскому творчеству К. Бальмонта. Можно утверждать, что между Ш. Бодлером и К. Бальмонтом возникло своего рода интертекстуальное пространство.

Факт влияния Ш. Бодлера на творчество К. Бальмонта является совершенно бесспорным, ведь об этом свидетельствуют высказывания русского поэта. Наиболее значительным в данном случает свидетельством является его статья «О "Цветах Зла"» (1899 г.), целиком посвященная французскому писателю. Упоминания Бодлера

присутствуют и в других работах Бальмонта, например в статье «Элементарные слова о символической поэзии», написанной в начале 1900-х годов, где он называет французского поэта «гениальным», находит в его стихах *«силу освободительную»*.

Кроме того, об особом внимании К. Бальмонта к творчеству французского поэта свидетельствуют его переводы Ш. Бодлера (стихи «Гигантша», «Балкон»», «Смерть любовников», «Красота», «Пропасть»), непосредственное обращение к нему в поэтическом творчестве («К Бодлеру», «Мои звери»), использование бодлеровских слов в качестве эпиграфов (к «Аккордам», к разделу «Совесть» из сборника «Горящие здания»), а также мотивы и образы, вызванные произведениями автора «Цветов зла» (темы кошек, альбатроса и другие).

К. Бальмонт написал однажды, что заставило его вновь и вновь перечитывать стихотворения Ш. Бодлера: *«Вся моя любовь к нему воскресла до бешенства»* [7, с. 187]. Подобная реакция непонятна читателю: что может связывать солнечного и жизнеутверждающего Бальмонта с трагическим певцом «цветов зла»? И всё же, несмотря на различные тональности творчества, их объединяет многое, и прежде всего, – близость мироощущения, похожие черты в эстетических взглядах.

Подводя итог, необходимо отметить, что личность Шарля Бодлера и его творчество волновали умы русских писателей. Рассмотренные нами отклики на бодлеровскую поэзию позволяют судить о важной роли писательского наследия Ш. Бодлера для культуры России. Независимо от личного отношения, признания или неприятия художественного мира Шарля Бодлера, большинство литераторов отмечают исключительность его творчества и особое место в мировом литературном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е. Русская поэзия Серебряного века и романский мир / В. Е. Багно. – СПб. : Гиперион, 2005. – 228 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 543 с.
3. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 528 с.
4. Брюсов В. Я. Анкета о Некрасове // Брюсов В. Я. Сочинения: в 2 т. – М. : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – 525 с.
5. Горький М. Поль Верлен и декаденты / М. Горький о литературе. – М., 1995. – 225 с.
6. Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии [Электронный ресурс] / Н. С. Гумилев. – Режим доступа : http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/gumilev-poeziya-bodlera.htm

7. Куприяновский П. В. Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба / В. П. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – Иваново : Изд. Иваново, 2001. – 470 с.
8. Северянин И. Секстина // Северянин И. Стихотворения. – М. : Сов. Россия, 1988. – 265 с.
9. Толстой Л. Н. О литературе / Л. Н. Толстой. – М., 1995. – 265 с.
10. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М. : ГИХЛ, 1951. – Т. 30. – 560 с.

АННОТАЦИЯ

Рязанова В.Э. Рецепция творчества Шарля Бодлера в России.

В статье рассматривается восприятие русскими писателями поэтического наследия Шарля Бодлера. Констатируется тот факт, что при всем разнообразии оценок художественного наследия Ш. Бодлера отечественными литературными деятелями в большинстве случаев общим в них остается признание эстетической значимости поэта.

Ключевые слова: декаданс, литературные влияния, символизм.

SUMMARY

Riazanova V.E. Reception of Charles Baudelaire in Russia

The article deals with the reception of Charles Baudelaire's poetic heritage by the Russian writers. It is proved that in spite of all the diversity of Baudelaire's artistic heritage evaluations by Russian writers the main common point in them is the recognition of aesthetic importance of the poet.

Key words: decadence, literary influence, symbolism.

Эдуард Францевич Смеричевский
кандидат философских наук, доцент
Донецкий национальный медицинский
университет им. М. Горького
г. Донецк, ДНР
Дарья Александровна Коржова
преподаватель
Донецкий национальный медицинский
университет им. М. Горького
г. Донецк, ДНР
Виктория Юрьевна Белоусова
преподаватель
Донецкий национальный медицинский
университет им. М. Горького
г. Донецк, ДНР

УДК 316.614.5

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Социальная среда является полем подготовки человека к поиску своего смысла жизни, совершенствованию своих личных и профессиональных качеств. В процессе социализации молодежи науке и образованию отводится позитивная роль, заключающаяся в осмыслении и анализе факторов, влияющих на динамику общества, а также в выработке планов и программ, способствующих активизации человеческого фактора в преобразовании общества.

Современный мир переживает период глобализации – эпоху всестороннего объединения человечества в едином пространстве информации и коммуникаций. Следовательно, совершенствование высшего образования необходимо осуществлять в рамках интеграционных проектов и речь идет, прежде всего, о международной интеграции высшего образования. Вследствие этих причин, образование из категории национальных приоритетов переходит в категорию мировых приоритетов [3, с. 21].

К текущему моменту сформировалось представление о педагогике в медицине как области педагогики, изучающей объективные процессы обучения, воспитания в медицине, воспитательно-обучающую практику и процесс формирования участников медицины, особенности и условия организации педагогического процесса в медицине. При этом методологически обосновывается необходимость адаптации знаний из области педагогики и психологии для подготовки специалистов – врачей, преподавателей медицинских образовательных учреждений – в контексте гуманитарных аспектов

междисциплинарной взаимосвязи педагогики, психологии и медицины, что значительно повышает уровень профессиональной компетентности специалистов медицинского профиля. В этой связи актуальной становится задача профессиональной подготовки и переподготовки врачей-педагогов, занятых как педагогической работой в условия медицинских образовательных учреждений, так и практикующих в лечебных учреждениях здравоохранения. Причем программы по курсу педагогики объективно должны отличаться и разрабатываться с учетом преемственности в поэтапном формировании профессиональных компетенций на этапе обучения в интернатуре, ординатуре, в процессе повышения квалификации врачей-педагогов.

Одним из основных направлений развития современной мировой педагогической науки является становление гуманитарной парадигмы. Гуманитарный аспект медицинского образования отражает парадигму гуманитарных проблем профессиональной деятельности врача – это и проблемы взаимоотношения с пациентами, членами их семей и коллегами, и вопросы медицинского права, проблемы целостного подхода в профилактике и лечении заболеваний, аспекты влияния научных открытий на безопасность и улучшение здоровья человека, проблемы обмена передовым профессиональным опытом и т.д.

Медицинская профессия всегда занимала особое место среди других профессий как по основным содержательным характеристикам труда (интеллектуальность, творчество, особая ответственность за результаты и др.), так и по выполняемой в обществе социокультурной миссии. Врачи как профессиональная общность выступали индикатором гуманитарного потенциала и духовного здоровья общества в различные исторические периоды.

Центр тяжести в самом профессиональном образовании постепенно переносится на воспитание, передачу определенных способов поведения. Таким образом, можно обоснованно утверждать, что гуманистическая подготовка будущего врача занимает особое место в системе медицинского образования. Основу гуманистической подготовки будущего врача составляет гуманитарное образование, а перед медицинскими вузами стоит проблема качественного изменения гуманитарной составляющей и системной гуманитаризации медицинского образования, преследующая своей целью формирование высокой профессиональной культуры будущего врача.

Нельзя не отметить, что гуманитарная подготовка медика должна отличаться от гуманитарной подготовки специалиста другого профиля. В свете преподавания гуманитарных дисциплин студентам-медикам для преподавателя медицинского ВУЗа как посредника

в процессе культурации студента важнейшими становятся такие категории, как язык, культура, семья.

В настоящее время мы вынуждены констатировать, что у большинства студентов-медиков отсутствует потребность в гуманитарном знании и гуманитарной культуре. Самая низкая посещаемость регистрируется именно на предметах общегуманитарного блока. Многие студенты убеждены, что человеку с высшим медицинским образованием не обязательно обладать познаниями в области всемирной, а уж тем более, отечественной истории, философии, культурологии.

Таким образом, задача гуманитарного знания в свете обучения студентов-медиков – сформировать у будущего врача осознанную потребность в нравственном совершенствовании, укрепить его веру в возможность использования гуманитарных знаний во благо человека, убедить его в существовании четких критериев зла и добра, что особенно важно для представителей различных культур и конфессий. Иначе неизбежно возникает опасность искажения идеалов, традиционно принятых в медицине, когда принцип «все для блага пациента» подменяется принципом «пациент для блага медицины и конкретного врача». Именно поэтому реалии современной жизни настоятельно диктуют необходимость обращения к проблемам гуманности, нравственности.

На первый план, наряду с профессиональным мышлением, выдвигаются требования к гуманистическому профессиональному сознанию и личности специалиста как к человеку, занимающему особую позицию – позицию оказания помощи, личной ответственности и участия в судьбе пациента. Именно поэтому в систему медицинского образования включены дисциплины, предметом которых является человек и общество – такие, как философия, культурология, биоэтика и др. Например, значимость философии для будущего врача студенту-медику можно проиллюстрировать одним из примеров: доктор должен осознавать, что в процессе предоставления правдивой информации пациенту немаловажную роль играют такие проблемы, как понимание пациентом полученной информации, его компетентность и достижение согласия по поводу лечения.

На процесс выбора человека влияют многие факторы, среди которых определяющим является преобладание у индивида рационального или мифологического типа мышления. Пациенты с рациональным типом мышления адекватно воспринимают информацию о состоянии своего здоровья, понимают всю меру ответственности и стараются достигнуть положительных результатов в процессе «терапевтического сотрудничества» с лечащим врачом. Пациенты с преобладающим мифологическим типом мышления

игнорируют здравый смысл и проверенные медициной методы лечения [2, с. 75]. То есть мы приходим к заключению, что от знания врачом особенностей философского мировосприятия пациента зависит, как методы, так и результат избранного врачом лечения.

В заключении хотелось бы отметить, что медицинская специальность формируется исходя из моральных оснований, имеет моральное значение и наполнена моральным смыслом. Забвение нравственной компоненты медицины грозит обществу бездумным и бесконтрольным внедрением в практику новых технологий, применение которых связано с неопределенностью последствий и опасностью воздействия на жизнь конкретного индивида и всего социума [1, с. 138].

Гуманитаризация высшего медицинского образования ставит своей целью формирование нравственно и духовно развитого человека – будущего специалиста, вне зависимости от его национальной и культурной принадлежности, готового и способного гармонично сочетать образованность, профессионализм, духовность, нравственную воспитанность; это процесс, направленный на усвоение личностью гуманитарного знания, гуманитарной культуры, гуманитарного потенциала медицины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Н.А. Этический аспект проблемы взаимоотношения врача и пациента // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 131-139.
2. Агеева Н.А. Эффективность терапевтического сотрудничества врача и пациента в контексте рационального и мифологического мышления // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 5. – С. 75.
3. Шаповал Г.Н. Соотношение компетентностного подхода и качества образования в процессе инкультурации иностранных студентов. //Современные научные исследования. – 2012. – № 4 (1). – С. 21.

АННОТАЦИЯ

Смеричевский Э.Ф., Коржова Д.А., Белоусова В.Ю. Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения студентов-медиков.

В статье авторами рассматривается гуманитарный аспект медицинского образования, а также его специфика при обучении студентов-медиков. Важное внимание уделено особенностям восприятия студентами-медиками дисциплин гуманитарного профиля. В статье сделан вывод, что основной задачей гуманитарного

знания при обучении студентов-медиков является формирование у будущего врача потребности в нравственном совершенствовании, укрепление его веры в возможность использования гуманитарных знаний в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: качество образования, гуманитаризация высшего образования, глобализация, профессиональная компетенция, гуманитарная парадигма.

SUMMARY

Smerichevsky E., Korzhova D., Bilousova V. Humanitarian aspect of medical education as an integral part of teaching medical students.

The article considers humanitarian aspect of medical education, as well as its specificity in teaching medical students. An important attention is paid to the peculiarities of medical students' perception of disciplines of the humanitarian profile. The article concludes that the main task of humanitarian knowledge in teaching medical students is formation of the future doctor's need for moral improvement, strengthening his faith in the opportunity to use humanitarian knowledge in his professional activities.

Key words: quality of education, humanitarisation of higher education, globalization, professional competence, humanitarian paradigm.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атамалян Артур Гарикович – ассистент преподавателя кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Белоусова Виктория Юрьевна – преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, г. Донецк, ДНР.

Вербовский Андрей Валерьевич – старший научный сотрудник ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР.

Волкодавова Валерия Сергеевна – студентка 5 курса исторического факультета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.

Евсюкова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Емельянова Ирина Федоровна – кандидат экономических наук, старший преподаватель, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Жарикова Ольга Владимировна – кандидиат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Коржова Дарья Александровна – преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, г. Донецк, ДНР.

Коваленко Элина Витальевна – магистрантка 2-го года обучения филологического факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Лионидас Зои – магистр лингвистики, переводчик, свободный исследователь (Канада).

Луценко Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин и методики их преподавания ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования», г. Донецк, ДНР.

Миргородский Андрей Александрович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР.

Навка Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Никулин Юрий Александрович – ассистент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Петрова Ирина Николаевна – студентка 3 курса исторического факультета, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.

Полякова Мария Андреевна – преподаватель кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Рочняк Алексей Владимирович – ассистент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Рязанова Виктория Эдуардовна – магистрантка 2-го года обучения филологического факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.

Санжаров Валерий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.

Смеричевский Эдуард Францевич – заведующий кафедрой, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, г. Донецк, ДНР.

Филатов Юрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Донецкого центра Института востоковедения им. А. Крымского, г. Донецк, ДНР.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМ СЛАВЯНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ДОНБАССЕ И ДРУГИХ РЕГИОНАХ, УНИКАЛЬНОСТЬ ДУХОВНОГО МИРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЗЕРКАЛЕ РЕАЛИЙ

Артур Гарикович Атамалян
К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА П.А. СТОЛЫПИНА В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ И ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ 3
Андрей Валерьевич Вербовский
МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ МОНАРШЬЕГО ДВОРА ПРИ ЛЮДОВИКЕ XI – ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АНАЛИЗА ПО КОРОЛЕВСКИМ ОРДОНАНСАМ 12
Валерия Сергеевна Волкодавова
ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ 19
Наталья Владимировна Евсюкова
ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 27
Ирина Федоровна Емельянова
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 34
Зои Лионидас
ХЛЕБ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 42
Андрей Александрович Миргородский
РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА МЕНЯ 48
Ирина Александровна Навка
РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ 53
Юрий Александрович Никулин
ДОНБАСС И ЮЖНОРОССИЙСКИЕ ГУБЕРНИИ В НЕМЕЦКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 62

Ирина Николаевна Петрова
ПРИМЕНЕНИЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА
В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: НА ПРИМЕРЕ
ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗОВ ЛЮДОВИКА XI И КАРЛА СМЕЛОГО
У ФИЛИППА ДЕ КОММИНА 70
Мария Андреевна Полякова
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ,
ПРОВОДИМЫХ В РСФСР И УССР В 1918-1920 гг. 77
Алексей Владимирович Рочняк
ПРЕФИГУРАТИВНАЯ ПРИРОДА АНТИПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УЧЕНИЯ 83
Валерий Анатольевич Санжаров
АМБУАЗСКИЙ КОНКОРДАТ: ПАПА, КОРОЛЬ
И ГАЛЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ 88
Юрий Иванович Филатов
ДОНБАСС В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(1905-1907 гг.) И I МИРОВОЙ ВОЙНЫ 97

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА

Ольга Владимировна Жарикова
ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ДРАМАТИЧЕСКИХ ОПЫТАХ
ЗИНАИДЫ ГИППИУС И АЛЬБЕРА КАМЮ..... 107
Элина Витальевна Коваленко
КОНТРАСТ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЁМ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНФЛИКТА В РОМАНЕ ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ
«РОЗЫ В КРЕДИТ»..... 111
Елена Анатольевна Луценко
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИКО-
УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ 116
Виктория Эдуардовна Рязанова
РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ШАРЛЯ БОДЛЕРА
В РОССИИ..... 124
Эдуард Францевич Смеричевский, Дарья Александровна Коржова,
Виктория Юрьевна Белоусова
ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБУЧЕНИЯ
СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ 130

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 135

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов

Выпуск четвёртый

Ответственный редактор *С. Э. Зябрева*
Технический редактор *А. М. Калашников*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Е. С. Шалыгиной*
Корректор *О. Т. Захарова*

За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений ответственность несут авторы

Подписано к изданию 28.12.2017.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м^2.
Усл. печ. л. – 7,86. Уч.-изд. л. – 8,75.
Усл.-изд. л. – 8,13.
Тираж 300 экз. Зак. № 54.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25